

РОСТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Э. А. ТРОФИМОВА

СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ АНГЛИЙСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Ответственный редактор
кандидат филологических наук Г. А. Устименко

ИЗДАТЕЛЬСТВО РОСТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1981

*Печатается по постановлению Ученого совета
Ростовского государственного педагогического института*

Рецензенты: доктор филологических наук А. Н. Савченко, кандидаты филологических наук Г. С. Прокопчук, Т. А. Снегирева

Трофимова Э. А. Синтаксические конструкции английской разговорной речи. Издательство Ростовского университета, 1981.
160 с.

Монография посвящена важной проблеме описания структурных особенностей английской разговорной речи в системе. Изучение специфических конститuentов стилистической подсистемы английской разговорной речи проводится в парадигматическом и синтагматическом планах на основе методики многоуровневого анализа. Стилистически отмеченные эллиптические и экспрессивные структуры английской разговорной речи описываются на семантическом, синтаксическом и коммуникативном уровнях для доказательства их синонимичности нейтральным единицам синтаксиса. Структура английской разговорной речи представлена в монографии как часть языковой системы (взаимосвязанного и взаимообусловленного единства), основные части которой могут быть объяснены закономерностями развития и изменения языка в условиях непосредственного общения.

Монография рассчитана на лингвистов разных специальностей, аспирантов и преподавателей филологических факультетов.

В в е д е н и е

Описание явлений языка, особенно принадлежащих к его стилистической «периферии», ставит перед исследователем задачу установления определенной системной классификации, в рамках которой изучаемое явление будет взято не изолировано, а как продукт системных связей. Только в границах этой системы стилистические компоненты языка могут быть описаны как ее части, деформировавшиеся в определенных условиях функционирования, а не как произвольно возникшие единицы.

Эти, используя термин Ю. М. Скребнева, «специфические конституэнты» [175, 52], составляющие «периферию» языка, характеризуют стилистические подсистемы языка как их специфическая область, их дифференцирующие компоненты. Изучение специфических конституэнтов стилистических подсистем языка должно ставить своей целью выявление их места в системе языка, их отношения к неспецифическим нейтральным конституэнтам, их деривационных связей с ними.

Цель данного исследования состоит в описании стилистической подсистемы английской разговорной речи как части системы языка, специфические особенности которой могут быть объяснены экстралингвистическими условиями ее функционирования. Нашей задачей является также разработка методики уровневого анализа синтаксических единиц, ее компонентами служат трансформационный и дистрибутивный анализы, актуальное членение предложения, уровневая организация синтаксических единиц, понятие о глубинном и поверхностном их уровнях.

Описание синтаксических конструкций английской разговорной речи на основе достижений современной лингвистической науки позволит всесторонне охарак-

теризовать ее специфические синтаксические единицы как обладающие определенными семантическими особенностями, структурной спецификой и особым актуальным членением. Эти признаки могут служить показателем их принадлежности к стилистической периферии языка и определенной коммуникативной направленности, что может считаться дифференциальным признаком стилистических единиц подсистемы английской разговорной речи. Изучение стилистических подсистем языка вообще и стилистической подсистемы английской разговорной речи в частности является новой областью исследования, в которой сделаны лишь первые шаги.

«Исчерпывающее изучение разговорных конструкций не может быть осуществлено не только одним автором, но и большим исследовательским коллективом» [175, 9], поэтому данное исследование синтаксических конструкций английской разговорной речи отнюдь не претендует на положение исчерпывающего и единственно возможного ее описания. Системный анализ стилистической подсистемы английской разговорной речи представляет собой одну из попыток описать ее основные синтаксические конструкции в определенной системе, выявить их дифференциальные признаки в семантике и структуре, обнаружить особенности их актуального членения.

Преимущество описания стилистической подсистемы английской разговорной речи на основе многоуровневого анализа заключается в том, что дается не только инвентарь основных ее специфических конституэнтов, но и особенности функционирования этих форм в речевой цепи. Поуровневое сопоставление специфических конституэнтов и нейтральных единиц имеет целью доказательство синонимии как основной формы организации языка при его стилистической дифференциации.

Как справедливо отмечает В. Д. Девкин, «при существующем состоянии разработки проблем строя разговорной речи едва ли справедливо ждать окончательного решения и исчерпывающе полных ее характеристик» [79, 248]. Разработанная методика многоуровневого анализа является одним из возможных путей ее системного описания, и действенность этой методики может быть доказана только в процессе самого анализа.

Материалом исследования послужили специфические разговорные конструкции, взятые из 80 произведений английских, американских и австралийских писателей и драматургов второй половины XX века (25 тысяч страниц). Выбирались структурные деформации языка не отдельного художественного произведения, что было бы его стилистической характеристикой, и даже не одного какого-либо языкового варианта (американского, английского или австралийского), а синтаксические явления, свойственные всей синтаксической подсистеме английской разговорной речи. Это дало возможность прийти к общим выводам в описании специфических конститuentов английской разговорной речи.

Важнейшие положения данной монографии в течение многих лет излагались в виде спецкурсов, обсуждались на спецсеминарах и нашли отражение в публикациях автора, его выступлениях на научных конференциях.

Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ АНГЛИЙСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

§ 1. ПОНЯТИЕ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПОДСИСТЕМ ЯЗЫКА

Понятие системного анализа лингвистических единиц, несмотря на многочисленность системных исследований, не получило однозначного толкования. Общеизвестной является точка зрения, что полное описание лингвистической единицы может быть достигнуто только при использовании методики системного анализа.

Методика системного анализа по-разному понимается лингвистами; не выработано и единого понимания системы, в частности лингвистической системы. Поэтому разработке методики системного описания лингвистических единиц должно предшествовать определение таких понятий, как «система языка», стилистическая дифференциация системы языка», «стилистика отмеченные конститuentы стилистических подсистем языка», «системное описание лингвистических единиц».

Выбор системного анализа для изучения синтаксических конструкций английской разговорной речи ставит перед исследователем задачу определения системы и конкретизации этого общепризнанного понятия для разработки основных положений системного анализа в области лингвистики.

Понятие системы, приведенное в «Словаре лингвистических терминов» под редакцией О. С. Ахмановой [19], характеризует ее как внутренне организованную совокупность элементов языка, связанную устойчивыми инвариантными отношениями. Это общее понимание системы, которого придерживается марксистская лингвистика, подчеркивает внутреннюю организованность и взаимосвязанность элементов как обязательные ее свойства. «Взаимосвязанность и взаимообусловленность элементов системы» подчеркиваются в определении А. С. Мельничука [137, 21].

Обязательную внутреннюю упорядоченность объектов, составляющих систему, их взаимообусловленность считает необходимыми ее свойствами В. М. Солнцев [182]. Т. П. Ломтев [126] считает обязательным свойством системы взаимосвязанность ее компонентов. Ф. де Соссюр [184], уточняя характер отношений между компонентами системы, называет их взаимопротивопоставительными, взаимоотносительными и взаимоотрицательными.

Объем настоящего исследования не позволяет провести более подробный анализ различных точек зрения на лингвистическую систему, но, не вдаваясь в детали существующих высказываний относительно системы языка, следует сказать, что общим во всех случаях оказывается понимание системы как некоторого множества, организованного в единое целое внутренними взаимными связями и отношениями.

Задача изучения отдельных компонентов языка в системе делает необходимым использование такой комплексной методики исследования, которая предполагает описание каждого компонента при помощи его сопоставления с другими единицами системы языка, что позволяет говорить об относительном характере обнаруженных свойств. Сопоставление элементов системы языка в связи с общим наличием парадигматических и синтагматических ее свойств должно проводиться в парадигматическом и синтагматическом ее планах.

Парадигматический план изучения компонентов системы, в основу которого положены ассоциативные связи этих компонентов, включает их сопоставление на основе ассоциативной общности (могут быть выявлены их логико-синтаксическая общность и трансформационные различия). Для этой цели действенной методикой являются логический и трансформационный анализы.

Выявление линейных связей компонентов системы как обязательный объект синтагматического плана исследования имеет целью изучение влияния контекста на раскрытие содержания лексических и синтаксических единиц, для чего может быть использована методика дистрибутивного анализа, эксперименты субституции и отсечения частей предложения. В результате изучения дистрибутивных связей лексических и синтаксических единиц может быть обнаружено их новое содержание как следствия влияния частей системы.

Системный подход к явлениям языка предполагает и обязательный учет коммуникативной установки, т. е. выявление взаимосвязи таких факторов, как целевая установка и строение предложения. Методической основой изучения коммуникативной направленности предложения должно служить актуальное чле-

нение, которое показывает, «какое коммуникативное значение получает в речи данная синтаксическая конструкция, какому коммуникативному заданию соответствует выраженное в ней сообщение» [162, 9].

Так, системное изучение языка исходит из обязательной взаимосвязи и взаимообусловленности различных его компонентов: трансформационной взаимосвязи синтаксических конструкций языка, линейных контекстных связей лексических и синтаксических единиц, связи строения предложения с его коммуникативной установкой. Эту точку зрения на свойства системного лингвистического анализа высказывает В. Матезиус: «Лингвистический анализ, основанный на системных принципах, должен быть в конечном итоге направлен на установление взаимных причинных связей между сосуществующими явлениями данного языка» [132, 227]. Результатом изучения явлений языка в их взаимосвязи является описание новых компонентов «содержания этих единиц, довлеющих над исходными значениями» [114, 50].

Подчеркивая преимущества системного изучения языка, В. В. Виноградов высказывает мнение, что «системное описание экономнее несистемного» [50, 258], а В. Матезиус считает, что оно вскрывает «более глубокие факторы действительности» [132, 227].

Принцип экономии системного анализа проявляется в том, что свойства единиц описываются упорядоченно, в границах определенной классификации, которая учитывает вновь возникающие свойства как результат взаимодействия этих единиц.

Выявление системных связей между компонентами языка способствует планомерному проникновению в его сущность и его природу, вскрывает причинно-следственные глубинные отношения между сопоставляемыми единицами и тем самым делает более обоснованной и последовательной их классификацию. По существу, системное описание различных аспектов языка является единственной возможной формой его изучения, так как «...никакой элемент системы языка не может быть надлежащим образом оценен, если не принимаются во внимание его отношения с другими элементами той же самой системы» [308, 54]. Несоблюдение принципов системности приведет к описанию лишь случайных единичных свойств, не позволяющих дать достаточно полную характеристику изучаемому объекту: неучет дистрибутивных связей не позволяет выявить семантическое наполнение синтаксических конструкций, игнорирование трансформационных связей ведет к изоляции родственных структурных типов предложений.

Лишь коммуникативная направленность предложений объяс-

зает специфику их структурной организации. Только учет взаимосвязанности и взаимообусловленности компонентов языковой системы позволит представить их в логически выдержанной и легко обозримой форме.

Система языка не является гомогенной и автономной. Она поддается любому членению на подязыки, или стилистические подсистемы. Выделение «системы подязыков» [173, 4] или «вариантов системы языка» [97, 61] обуславливается задачами исследования или особенностями предмета исследования. Однако членение не должно быть произвольным, необходимо руководствоваться критерием «прагматической целесообразности: гипостазлируемые сферы должны обладать как социальной, так и собственно лингвистической ценностью» [174, 44].

При членении языка на стилистические подсистемы исследователи выдвигают различные критерии их выделения. В работах И. В. Арнольд [14], Ю. М. Скребнева [173], Е. Ф. Тарасова [192] в основу выделения стилистических подсистем кладутся внешние функциональные признаки, так как целесообразным является движение от «функциональных потребностей к формальным средствам, с помощью которых они удовлетворяются» [132, 228].

Социальный дифференциальный признак берется в основу выделения подсистем языка в работах М. Дейчбейна [238] и Дж. Кениона [267]. М. Брайант [230], Дж. Мэлстром [273] выдвигают локальные дифференциальные признаки для описания стилистических подсистем. В работе М. М. Михайлова [141] избирается жанровый признак для дифференциации стилистических подсистем.

Наряду с функциональными внешними признаками дифференциации языка на стилистические подсистемы предлагается и обратный путь — «от объективно наблюдаемых лингвистических признаков, конституирующих стиль, к функции» [205, 75]. Для этого А. Я. Шайкевич [205] предлагает использовать статистический метод регистрации языково-стилистических средств. К. А. Долинин [83] разработал дифференциацию стилистической системы на подсистемы на основе формальных средств бинарных оппозиций: эмоциональные—неэмоциональные, спонтанные — неспонтанные, нормативные—ненормативные.

Функциональные и формальные средства выделения стилистических подсистем языка не являются взаимоисключающими понятиями. По существу, при выделении стилистических подсистем функциональные признаки дополняются и конкретизируются формальным наполнением вычлененных подсистем.

Э. Г. Ризель [165] делает попытку связать функциональные

признаки выделения стилистических подсистем с формальными средствами, характеризующими их. Э. Г. Ризель описывает иерархию понятий, необходимых для вычленения стилистических подсистем, следующим образом: экстралингвистические факторы коммуникации (цель, условия общения) ————→ признаки речи ————→ языково-стилистические средства их реализации. Э. Г. Ризель считает основными стилевыми чертами, объединенными по правилу полярности, следующие: сжатость—пространность, ясность—расплывчатость, образность—отсутствие образности, неэмоциональность—эмоциональность, статика—динамика, субъективность—объективность изображения. Силевые черты реализуются в речи посредством определенных лексико-грамматических и фонетических средств. И. Р. Гальперин [57] считает, что при выделении стилистических подсистем дифференцирующие признаки могут быть разделены на ведущие и подчиненные. Ведущие признаки, в свою очередь, могут быть постоянными и переменными в зависимости от разновидности стиля. Подчиненные признаки делятся на обязательные и факультативные.

Функциональный признак разграничения подсистем языка приводит к выявлению функционирующих с различной целевой установкой таких стилистических подсистем, как разговорная, научная, деловая и т. д. Выбор того или иного функционального дифференциального признака для расчленения языковой системы на подсистемы обуславливается поставленными перед исследователем задачами. Для отграничения стилистической подсистемы английской разговорной речи в системе языка представляется целесообразным использовать целевую установку неофициального общения, так как неофициальность общения характеризует именно эту стилистическую подсистему в отличие от других стилистических подсистем.

Нам представляется наиболее целесообразным привлечение экстралингвистических факторов для отграничения стилистической подсистемы английской разговорной речи от других стилистических подсистем, описание стилевых черт как следствия воздействия экстралингвистических факторов и затем выявление формальных средств, которые характеризуют стилистическую подсистему английской разговорной речи. Именно комплексный учет функциональных и формальных средств дает возможность наиболее рационально расчленить языковую систему и выделить одну из ее подсистем—подсистему английской разговорной речи.

Используя схему Э. Г. Ризель в целях описания конструктивных признаков подсистемы английской разговорной речи.

представим следующую иерархию понятий: экстралингвистические факторы (неофициальность, непосредственный характер общения) → признаки речи (непринужденность, экспрессивность) → формальные средства их реализации (эллиптические стилистически отмеченные структуры, экспрессивные структуры). Используя схему градаций И. Р. Гальперина, можем утверждать, что ведущими признаками стилистической подсистемы английской разговорной речи являются непринужденность, экспрессивность, подчиненными — образность, динамичность изложения. Непринужденность — стилевая черта, непосредственно связанная с отсутствием официальности, — является постоянной, экспрессивность — переменной стилевой чертой, зависящей от конкретной ситуации и тематики беседы. Образность и динамичность изложения являются факультативными признаками, наличие которых обуславливается характером ситуации и культурным уровнем действующих лиц, их умением использовать искусство слова в связной беседе.

Итак, функциональные признаки неофициальности и непосредственного характера общения позволяют выделить разговорную речь в стилистическую подсистему языка.

Разговорная речь, подобно другим стилистическим подсистемам языка, существует в двух формах: звуковой и графической. Материалом изучения стилистической подсистемы английской разговорной речи могут служить как записи живой разговорной речи, так и ее фиксация в художественных произведениях английских, американских и австралийских писателей.

Стилистическая подсистема английской разговорной речи выделяется на основе функционального признака — целевой установки неофициального общения — и включается в систему языка в качестве одной из ее подсистем наряду с другими подсистемами, характеризующимися одним общим признаком официального общения. Оппозиция официального — неофициального общения является дифференциальным признаком разговорной речи.

Основным условием существования системы, так же как и подсистемы, является наличие строго очерченных границ, которые не позволяют ей слиться с другими системами. «A system to remain a system must be able to keep its boundaries sufficiently intact» [280, 20], т. е. каждая языковая подсистема должна иметь определенную совокупность формальных признаков, присущих только ей. Ю. М. Скребнев назвал присущие стилистическим подсистемам формальные признаки, так называемый маркированный слой стилистических подсистем, «специфическими конститuentами, образующими периферию стилистической под-

системы, или субъязыка» [177, 37]. Им выделяется «класс единиц, обладающих ограниченной употребительностью (относящихся к одному или нескольким субъязыкам) и класс единиц, встречающихся во всех субъязыках, составляющих неотъемлемую, обязательную часть всех сфер общения» [177, 37].

Наличие в каждой стилистической подсистеме своих формальных средств выражения (строгая очередность границ подсистемы) получило название замкнутости стилистических подсистем. Идею замкнутости стилистических подсистем выдвигали в своих работах Р. А. Будагов [39], И. Р. Гальперин [55], А. Н. Гвоздев [60], В. Д. Левин [120], Л. В. Щерба [215]. Ю. М. Скребнев, подчеркивая идею замкнутости стилистических подсистем, полагает, что «проницаемостью характеризуются тексты» [176, 138].

Стилистическая дифференциация системы языка и наличие в каждой замкнутой стилистической подсистеме своих формальных средств выражения позволили поставить вопрос о «стилистической системе языка с функциональным стилем как единицей подобной системы» [203, 160—161]. Стиль как частная «система или подсистема, входящая в общую систему» [49, 53], характеризуется выбором определенных средств для создания стилистического эффекта. Селекция и аранжировка стилистических средств в зависимости от поставленных задач подчеркиваются в определении стиля, приведенном в работах К. Гаузенблаза [59], А. В. Федорова [198], В. Флайшера, Г. Михеля [245], М. Шлаух [295].

Исходя из принятого им обозначения формальных стилистических средств абсолютно специфическими конституэнтами, Ю. М. Скребнев определяет стиль «как совокупность абсолютно специфических конституэнтов данного подъязыка» [175, 52].

Стиль как «система конкретного использования фонетических, словарных и грамматических возможностей» [198, 58], как «избранный вариант выражения определенного содержания» [245, 56]; как совокупность лексико-грамматических средств для создания определенного эффекта является составным компонентом системы языка и должен изучаться в границах этой системы.

Положение о принадлежности стиля к системе языка вызывает противоречивые толкования. По этому вопросу существуют две противоположные точки зрения. М. Н. Кожина [110], Е. И. Шендельс [209], Э. Г. Ризель [292, 293] придерживаются мнения, что стилистические явления, т. е. коннотации, причисляются к системе речи, являясь речевыми реализациями единой системы языка. «Грамматическая форма в парадигматическом

плане обладает только денотативным значением. Коннотативное значение рождается в контексте речи» [209, 8].

Другие лингвисты полагают, что определенная совокупность моделей, которая характеризует тот или иной стиль, является принадлежностью языковой замкнутой подсистемы, хотя выявляется в речи.

В стилистическую подсистему языка, по мнению К. А. Доллина [84], включаются в качестве ее маркированной области лишь те специфические элементы, которые обладают устойчивой стилистической окраской вне контекста. Э. С. Азнаурова [7] говорит о том, что конструкции обладают стилистической заряженностью или стилистической потенцией уже в системе языка. А. А. Леонтьев [122] подчеркивает наличие стилистически маркированных средств языка. Н. Энквист [239], Э. Хилл [259] включают в систему языка инвентарь стилистических маркеров, некую систему моделей, обладающую определенной стилистической отмеченностью.

Наличие стилистически отмеченных лексических единиц и особой системы моделей, обладающих стилистической потенцией в языке, свидетельствует о возможности изучать стилистические средства в языке и, следовательно, о принадлежности коннотаций к системе языка. Поэтому можно утверждать, как это делает Г. В. Колшанский, что «...элемент коннотации есть такой же составной элемент языковой системы, как сами элементы и их взаимосвязь» [114, 50].

Формальные средства, характеризующие каждую из стилистических подсистем языка и используемые для выражения универсальной информации, являются «общеязыковыми средствами: фонетическими, лексическими и грамматическими» [112, 76].

Но в наибольшей мере стилистические подсистемы различаются в области грамматики, в которой, по словам О. А. Лаптевой, наиболее активно действует функциональное размежевание, «определяя множественность ее реально-языковых воплощений» [118, 7]. Синтаксис оказывается той областью языка, в которой наиболее полно выявляются дифференциальные формальные средства стилистических подсистем языка. Поэтому в целях характеристики стилистической подсистемы английской разговорной речи представляется обязательным описание инвентаря ее формальных средств, специфических конституэнтов в области синтаксиса.

Характеризующие стилистическую подсистему разговорной речи такие стилевые черты, как непринужденность и экспрессивность выражаются инвентарем стилистически отмеченных эллиптических и стилистически отмеченных экспрессивных конструкций.

Системный анализ эллиптических и экспрессивных конструкций английской разговорной речи, который построен на принципах взаимосвязи и взаимообусловленности компонентов системы, ставит задачу сопоставления этих конструкций с такими формами, на фоне которых могут быть четко прослежены их семантические, структурные и коммуникативные особенности.

В. В. Виноградов подчеркивает необходимость при описании систематизированных совокупностей «перечислить признаки, находящиеся в отношении «принадлежности — непринадлежности» к этому объекту» [50, 250].

В оппозицию к стилистически отмеченным эллиптическим и стилистически отмеченным экспрессивным конструкциям могут быть поставлены нейтральные структуры или, как они были названы в работе Ю. М. Скребнева, «неспецифические конституэнты языка» [176]. Противопоставление и сопоставление специфических и неспецифических конституэнтв имеет целью выявить характер отношений между ними, т. е. общее и различное в их структуре и содержании.

Общая структурно-семантическая основа и структурные и семантические различия конструкций позволяют поставить вопрос о наличии синонимичных отношений между подобными единицами. Перечисление признаков, находящихся в отношении принадлежности — непринадлежности к такому явлению, как синонимия у специфических и неспецифических конституэнтв, и составит предмет нашего исследования.

При определении явления синонимии исследователи [108, 121] подчеркивают общность и различие, а также взаимозаменяемость без существенного изменения смысла, но с изменением стилистических коннотаций. В. Н. Ярцева указывает, что для «выделения грамматических синонимов необходимы сходство грамматического значения и структурная близость» [220, 3]. Е. И. Шендельс считает, что «синонимы — это разные грамматические формы, обладающие сходным грамматическим значением в системе языка» [209, 5].

Наибольший интерес приобретает явление синонимии при изучении стилистической дифференциации системы языка, так как организация стилистических подсистем основана на явлении синонимии, т. е. передаче одного и того же содержания разными грамматическими формами. Стилистические синонимы выявляют широкие возможности передачи в языке единой информации в зависимости от меняющихся коммуникативных задач. При изучении стилистических подсистем языка встает вопрос о синтаксической синонимии, которая, по словам И. В. Арнольди [14], заключается в передаче приблизительно одинаковой пред-

метно-логической информации разными синтаксическими конструкциями с разной функционально-стилистической и экспрессивной окраской и коннотациями. Сущность синтаксической синонимии выявлял А. М. Мухин [148], который считает, что в различных контекстах используются синтаксические конструкции, выражающие одну и ту же мысль, но различающиеся тем или иным дополнительным оттенком.

Систематизированная общность специфических и неспецифических конституэнтов при ее рассмотрении обнаруживает такие признаки, как возможность выражения одной и той же информации сопоставляемыми специфическими и неспецифическими конституэнтами, при этом специфические конституэнты обладают дополнительными функционально-стилистическими и экспрессивными коннотациями. Эти основополагающие данные дают основание предположить, что отношения между специфическими и неспецифическими конституэнтами могут быть определены как синонимичные. Системный анализ может служить орудием доказательства этих априорно принятых синонимичных отношений, так как позволит планомерно выявлять признаки, свидетельствующие о принадлежности к явлению синонимии.

Характеризуя стилистические синонимы, А. Н. Мороховский подчеркнул, что это — языковые элементы, «входящие в стилистическую оппозицию как ее маркированные члены» [146, 93]. Маркированность предполагает наличие у одного из членов избыточной информации, которая отсутствует у другого члена оппозиции. Нейтральные элементы системы языка могут быть приняты за немаркированные члены: маркированностью обладают специфические конституэнты разговорной речи, характеризующиеся избыточностью информации и использующиеся в особой стилистической сфере употребления.

По существу, как указывает Г. А. Лесскис, «само существование стилей обеспечено синонимией, т. е. наличием в языке разных языковых форм, которые можно использовать для описания одного и того же внелингвистического факта» [123, 81]. В процессе доказательства синонимичных отношений между сопоставляемыми конституэнтами могут быть системно описаны семантические, структурные и коммуникативные особенности специфических конституэнтов подсистемы английской разговорной речи, так как «понятие синтаксической синонимии опирается на принцип системности, который характерен для лингвистической стилистики в целом» [149, 288].

Принцип системности, которого придерживается автор работы, дает возможность при классификации синтаксических единиц проследить их деривационные, линейные и коммуникатив-

ные связи, т. е. формальные, семантические и коммуникативные особенности синтаксических конструкций будут объясняться спецификой системы языка.

§ 2. МЕТОДИКА СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ АНГЛИЙСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Само понимание системы как некоего множества, организованного в единое целое внутренними взаимными связями и отношениями, подсказывает методику ее изучения: вычленение единиц, которые составляют это множество, и изучение тех связей и отношений, которые составляют организацию системы.

Выбор синтаксических конструкций как объекта, из которого составлено множество, организованное в стилистическую подсистему разговорной речи, определил задачу ее изучения: описать специфические синтаксические единицы организованного множества — подсистемы английской разговорной речи — и разработать такую методику, которая позволила бы нам наилучшим образом описать характер отношений между этими единицами. «Каждый метод исследования, — указывает Г. В. Колшанский, — должен быть приспособлен к языку таким образом, чтобы быть в состоянии адекватно вскрыть сущность языковых явлений» [111, 41].

Априорное принятие положения о синонимичных отношениях между специфическими и неспецифическими нейтральными конститuentами — слагаемыми структурами системы — требует доказательства этих отношений, в процессе которого слагаемые структуры получают всестороннее и как можно более полное описание.

Изучение синтаксических единиц стилистической подсистемы английской разговорной речи будет проводиться нами на разных уровнях, так как подобная методика позволит провести поэтапное сопоставление специфических и неспецифических конститuentов и выявить общие и дифференциальные признаки этих единиц на каждом уровне.

Доказываемые при сопоставлении синонимичные отношения могут служить языковой характеристикой специфических синтаксических единиц подсистемы разговорной речи.

В лингвистике нет единой концепции уровней, используемых для описания семантических и синтаксических явлений. Различается как число используемых уровней, так и содержание, вкладываемое исследователями в понятие уровня синтаксической единицы.

Семантический уровень синтаксической единицы выделяется В. Г. Адмони [3], Н. Д. Арутюновой [16], В. Г. Гаком [53], Е. В. Гулыгой [74], И. П. Сусовым [190], У. Чейфом [231], Ф. Данешом [236]. Однако семантический уровень получил разное содержание у этих исследователей в связи с разным числом и характером противопоставляемых уровней в синтаксической единице. В. Г. Гак противопоставляет семантический уровень синтаксическому и коммуникативному, У. Чейф — поверхностной и фонетической структурам, Ф. Данеш — уровням грамматической структуры и организации высказывания. В концепции В. Г. Адмони предложение рассматривается как структурно-смысловое ядро, в котором семантическому уровню противопоставляются логико-грамматический, коммуникативный, структурный, иерархический. Е. В. Гулыга противопоставляет уровень синтаксической семантики синтаксической форме, целеустановке говорящего и конкретному смыслу предложения.

Второй уровень, получивший широкое признание у лингвистов, называется синтаксическим, структурным, грамматическим уровнем, или уровнем формальной организации высказывания. Этот уровень вычленяется у Н. Д. Арутюновой [16], И. Ф. Вардуля [45], В. Г. Гака [53], И. П. Сусова [190], Ф. Данеша [236], Л. Теньера [304] и охватывает специфику строения синтаксической единицы.

Лингвисты выделяют и следующий уровень, вскрывающий информативный аспект высказывания, который получил название коммуникативного уровня [53], уровня организации высказывания [236], актуального членения [45]. Спецификой этого уровня является описание синтаксической организации предложения в зависимости от его коммуникативной установки.

В лингвистической литературе встречаются и такие уровни, как поверхностной и фонетических структур [231], структурные уровни — фонема, морфема, слово, предложение [175], иерархический уровень [3]. В концепции Л. С. Бархударова [22] вычленяются четыре уровня разной глубины (максимально-поверхностный, глубины второго, третьего порядка, максимально-глубокий уровень). Поперечный разрез синтаксической структуры сопровождается в концепции Л. С. Бархударова описанием линейного ее содержания (цепочка словоформ, взаимные синтаксические связи слов).

Содержание описываемых лингвистами уровней также не получило однозначного истолкования. Л. С. Бархударов [22] считает семантический уровень максимально глубоким уровнем предложения, основу которого составляет глубинная структура. Глубинная структура называется семантической структурой в

концепции В. В. Богданова [38], смысловой структурой в концепции О. И. Москальской [144], семантическим или понятийным образованием в теории Н. Хомского [201]. Семантическим генератором считает глубинную структуру Ю. В. Ванников [44].

В высказываниях других лингвистов подчеркивается логический характер глубинной структуры. В. А. Звегинцев [93], Н. Ф. Иртеньева [100], Ч. Филлмор [243], Б. Уорф [310] считают глубинную структуру логической по своей природе.

В трудах представителей генеративной грамматики Н. Хомского [233] и его последователей У. Чейфа [231], Дж. Лейкофа [270], Дж. Мак Коули [275], П. Постала [286] описывается способность глубинной структуры порождать поверхностную. Поэтому семантическая репрезентация глубинной структуры в трудах представителей порождающей грамматики облекается в синтаксическую форму (предикатная структура у П. Постала [286], синтаксические связи у Ч. Хокетта [260]). Логико-синтаксический характер имеет глубинная структура у советских лингвистов (глубинные лексемы — субстантивные, глагольные, адъективные, релятивные — у Л. С. Бархударова [23], реляционная структура с ее отношениями — агентивными, неагентивными, пациентивными, атрактивными, локативными — у И. П. Сусова [190], «система взаимосвязанных и взаимодействующих предметных выражений» у В. В. Богданова [38, 3]).

Г. В. Колшанский подчеркивал логико-синтаксический характер отношений между компонентами глубинной структуры: «Глубинная структура есть те отношения языковых категорий, которые управляют движением конкретных форм в построении высказывания» [114, 62].

Итак, в работах советских и зарубежных лингвистов глубинная структура предстает как система логико-синтаксических отношений в синтаксической единице, которые связаны отношениями порождения с конкретными синтаксическими формами поверхностной структуры.

Выступая против возможности трансформационных переходов от семантических и понятийных образований к звуковому образованию — поверхностной структуре, В. М. Солнцев рассматривает глубинную структуру как «определенное соотношение функциональных значений слов, которые не существуют вне и отдельно от так называемой поверхностной структуры» [182, 25].

Независимо от используемых терминов — глубинная структура, глубинная конфигурация [185], глубинный уровень, соотношение функциональных значений слов, — очевидным является факт существования определенного уровня синтаксической еди-

лицы, на котором выявляются глубинные логико-синтаксические отношения между ее компонентами, общие для ряда единиц. Глубинные логико-синтаксические отношения являются отражением обобщенных экстралингвистических ситуаций в языке. Логический понятийный аспект в языке приобретает синтаксическое оформление (обнаруживаются определенные синтаксические отношения между компонентами языковой единицы).

Л. С. Бархударов [23] формулирует логико-синтаксические отношения в глубинной структуре как действие и его объект, действие и его субъект, субстанция и ее признак. Н. Ф. Иртеньева [100] называет логические детерминативные отношения между компонентами глубинной структуры. Г. В. Колшанский [114] считает глубинными логико-синтаксические отношения второстепенных членов с главными, субординативные отношения и т. д.

На логико-синтаксическом уровне синтаксической единицы — уровне глубинной структуры, или глубинной конфигурации — отношения между ее компонентами могут быть определены как детерминативно-координативные, детерминативно-субординативные, детерминативно-коррелятивные, субъектно-предикатные, предикатно-объектные, предикатно-адвербиальные.

Отношения между компонентами синтаксической единицы на логико-синтаксическом глубинном уровне у специфических и неспецифических конституэнтов могут служить средством для характеристики их общности.

Следующий уровень, наблюдаемый в синтаксических единицах, — синтаксический, структурный уровень, уровень формальной организации. В отличие от логико-синтаксического глубинного уровня этот уровень синтаксической единицы может быть охарактеризован как *структурно-семантический*, так как на этом уровне должны учитываться как структурные, так и семантические особенности сопоставляемых специфических конституэнтов и нейтральных конструкций. Методической основой структурно-семантического уровня исследования являются трансформационный и семный анализы, при помощи которых могут быть описаны структурно-семантические особенности специфических конституэнтов в отличие от нейтральных конструкций.

Изучение синтаксических единиц на логико-синтаксическом и структурно-семантическом уровнях является парадигматическим планом в языке, так как «парадигматические отношения являются отношениями между разными типами предложений, различающихся формально и по содержанию — по одному какому-либо грамматическому признаку (или по группе тесно сопряженных и взаимополняющих признаков)» [2, 13].

Закономерности логико-синтаксических обобщений и транс-

формационных преобразований являются не результатом визуальных наблюдений над текстами разговорной речи, но абстрагирования от частного значения синтаксических конструкций с целью выявления общих отношений, лежащих в их основе, т. е. применяется метод «логического анализа, которым широко пользуется современная синтаксическая семантика и логический синтаксис» [144, 37]. В результате отбора конструкций, обладающих однотипными трансформационными изменениями, выявляется их неизменная стилистическая заряженность (наличие сем эмоциональности и экспрессивности) как фактор парадигматики.

Глубинные уровни исследования, характеризующие синтаксические единицы в парадигматическом плане, могут противопоставляться поверхностным уровням, на которых рассматриваются линейные связи синтаксических единиц и особенности их коммуникативной организации.

Эти два уровня синтаксических единиц представляют собой синтагматический план их изучения, так как «синтагматическая система языка существует как набор множества типов взаимоотношений между грамматическими компонентами развертывающейся речи» [2, 20].

Следующий уровень изучения, который может рассматриваться как синтагматический план исследования синтаксических единиц, охватывает лексические единицы языка, синтаксические единицы языка и особенности их семантического наполнения в контекстном окружении. Этот поверхностный уровень изучения синтаксических единиц может быть назван *лексико-семантическим*.

На поверхностном лексико-семантическом уровне выявляются синтаксические связи между лексическими и синтаксическими единицами, так как, по словам Г. В. Колшанского, «системные отношения элементов языка проявляются, прежде всего, в довольно строго фиксированных для каждого элемента взаимодействиях с другими элементами, в результате чего создается... валентность конкретной языковой единицы» [114, 50].

Изучение взаимных синтаксических связей слов — это выявление конкретных валентностей взаимодействующих слов, а в случае опущения слова или группы слов выявление на основе валентностей оставшихся синтаксических позиций и семантической емкости опущенных компонентов. Выявление валентностей синтаксических единиц осуществляется путем дистрибутивного анализа, сущность которого заключается в том, «чтобы определить каждый элемент через множество окружений, в которых он встречается» [24, 435]. При дистрибутивном анализе встает вопрос о выявлении характера окружения данного элемента.

т. е. вопрос о контексте. Проблема участия контекста в интерпретации семантики и позиционных особенностей отдельных слов и грамматических форм неоднократно обсуждалась в работах советских и зарубежных лингвистов.

Считая смысловую законченность свойством контекста, О. С. Ахманова [19, 206] подчеркивает его способность «установить значение входящего в него слова или фразы». Г. В. Колшанский считает возможным использовать контекст как средство интерпретации лексических единиц и грамматических структур, так как в нем «однозначно выделяется содержание какой-либо языковой единицы (лексической, грамматической и т. д.)» [113, 48]. В определении Н. Н. Амосовой указывается, что «под контекстом понимается сочетание семантически реализуемого слова... с указательным минимумом» [12, 28].

Лингвистами [63, 113, 307] проводится членение контекста на микроконтекст, лингвистический и экстралингвистический макроконтексты, тематический контекст. Микроконтекст рассматривается как совокупность структурно-семантических связей, складывающихся внутри отдельного предложения. Лингвистический макроконтекст — часть структурно выраженной коммуникации, которая предшествует или следует за предложением, содержащим семантически реализуемую конструкцию.

Экстралингвистический макроконтекст — структурно не выраженная коммуникация, которая непосредственно обуславливает содержание и форму предложений речи.

Тематический контекст — общее содержание материала (книги, поэмы и т. д.).

Особую роль приобретает контекст в использовании и правильном истолковании эллиптических форм, составляющих основную часть специфических конститuentов английской разговорной речи. Роль контекста в образовании эллипса подчеркивает В. Г. Адмони: «В некоторых случаях контекст и ситуация могут «разгрузить» предложение, позволяя обойтись без непосредственного включения в него соответствующей сочетающейся формы, поскольку обязательная проекция на нее именно как некую форму уже содержится в той или иной из введенных в предложение форм, а свое реальное смысловое наполнение эта проецируемая форма получает из ситуации или контекста» [2, 25—26].

Исходя из определения контекста как семантически реализуемой синтаксической единицы с указательным минимумом, мы выделяем следующие его составные части:

1. Лингвистический микроконтекст синтаксической единицы —

совокупность структурно-семантических связей в границах предложения, в которое входит эта единица.

2. Лингвистический макроконтекст — указательный минимум лексико-семантических связей, выраженных в предшествующем или последующем предложениях.

3. Экстралингвистический макроконтекст — структурно не выраженный указательный минимум, который обуславливает содержание и форму данной структурной единицы.

В целях выявления контекстных связей синтаксической единицы на лексико-семантическом уровне представляется целесообразным использовать кроме дистрибутивного анализа экспериментов субституции и отсечения частей предложения. На поверхностном лексико-семантическом уровне синтаксической единицы реализуется ее стилистический потенциал, т. е. выявляются экспрессивно-стилистические коннотации синтаксических структур английской разговорной речи.

И, наконец, последний уровень, который характеризует синтаксическую единицу — это *коммуникативный уровень*, который называется у лингвистов также уровнем организации высказывания, или актуального членения. Методикой изучения синтаксических единиц на коммуникативном уровне является актуальное членение. «Целенаправленность высказывания в предложении сообщения (его коммуникативное назначение)... представляется в особом дополнительном членении предложения, которое, вслед за В. Матезиусом, можно назвать актуальным членением» [162, 5].

Актуальное членение имеет целью охарактеризовать специфические конституэнты подсистемы английской разговорной речи особым расположением в связанном сообщении логико-грамматического субъекта и логико-грамматического предиката [159], исходного и наиболее существенного [162], исходной точки (или основы), т. е. «того, что является в данной ситуации известным, или по крайней мере может быть легко понято и из чего исходит говорящий, и ядра высказывания, т. е. того, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания» [133, 248], «темы, т. е. элемента, передающего самую низкую степень коммуникативного динамизма, и ремы, передающей наивысшую степень коммуникативного динамизма» [199, 108].

Положение о том, что «предложение не есть застывшая единица языка, и оно модифицируется в зависимости от установки и контекста» [152, 48], обусловило возможности его разнообразного членения. Обычным порядком членения предложения считается такой, при котором за исходный пункт принимается начальная часть, а за ядро высказывания — его конец. В. Ма-

тезис назвал эту последовательность объективным порядком, ибо «наблюдается движение от известного к неизвестному» [133, 245], что облегчает слушателю понимание высказывания. Изменение коммуникативного задания синтаксических единиц — выражение не только определенной информации, но и стилистических коннотаций — приводит к новому актуальному членению. Обычно актуальное членение предполагает выражение темы — данного, уже известного, т. е. «реализацию той информации, которая составляет пресуппозицию» и ремы — «той информации, которая вводится в рассмотрение» [43, 333].

Коммуникативная установка выражения экспрессивной информации предполагает изменение актуального членения, например, в инвертированных предложениях рема занимает начальную позицию в предложении, а тема следует за ней. О. А. Лаптева отмечает наличие в разговорной речи таких высказываний, в которых состав данного «практически отсутствует, и таким образом актуальное членение заменяется представлением в высказывании лишь одного комплекса — нового» [117, 48]. Так данное может быть обнаружено в предложениях контекста, например, в диалогическом единстве во второй реплике обычно используется новое, или рема. Данное оказывается представленным только один раз в первой реплике. Эта особенность актуального членения предложений разговорной речи может служить их характеристикой в плане коммуникации.

Итак, синтаксическая единица английской разговорной речи будет рассматриваться в настоящем исследовании на четырех уровнях: *в парадигматическом плане* она будет описываться на *логико-синтаксическом (глубинном) уровне*, методической основой которого может служить *логический анализ*, на *структурно-семантическом*, основной методикой исследования которого являются *трансформационный и семный анализы*; *в синтагматическом плане* синтаксическая единица будет рассматриваться на *лексико-семантическом уровне* (поверхностном уровне), методической основой которого являются *дистрибутивный анализ и эксперимент субституции*, и на *коммуникативном уровне*, методикой описания которого является *актуальное членение*.

Многоуровневое изучение специфических конституэнтов разговорной речи позволит дать им всестороннее описание, учитывающее их структурную, семантическую и коммуникативную специфику.

Синтаксис как один из разделов грамматики, наиболее поддающийся «функциональному размежеванию» [118, 7], выявляет множественность реально-языковых воплощений системы языка. При описании специфических конституэнтов стилистических

подсистем в области синтаксиса в основу классификации может быть положен структурный принцип, например, имплицативные и эксплицативные структуры Ю. М. Скребнева [175], субстантивные, адъективные, партиципные, инфинитивные недвосоставные предложения у В. Д. Девкина [79].

Каждая из выделенных рубрик в вышеприведенных классификациях включает семантически несходные предложения, например, у Ю. М. Скребнева в рубрику имплицативных форм построения включаются такие предложения, как стилистически отмеченные эллиптические: *Nothing for me* и экспрессивные: *I jealous!* В рубрику субстантивных предложений у В. Д. Девкина включаются «анкетные» вопросы: *Name? Beruf?* и эмоционально-оценочные предложения типа: *Lügner! Unsinn!* Нами была сделана попытка преодолеть этот разрыв между семантикой и структурой описываемых синтаксических конструкций и построить основные разделы классификации на семантико-структурном принципе.

Как указывалось, при выделении стилистических подсистем языка стилистическая подсистема английской разговорной речи характеризуется особыми синтаксическими конструкциями, связанными с неофициальным общением, основополагающим структурным принципом которых является эллипс. Эти формальные средства выражения непринужденности, вызванной неофициальным характером общения, обладают коннотативным компонентом, сопровождающим основное денотативное значение. Коннотации как «элемент дополнительной информации» [67, 4] являются обязательным признаком синтаксических единиц — специфических конституэнтов стилистической подсистемы английской разговорной речи.

Коннотации стилистической отмеченности характеризуют все специфические конституэнты подсистемы английской разговорной речи, так как «несут информацию о том, какое место занимают соответствующие языковые единицы в общей системе языка» [177, 12]. Использование синтаксических единиц, обладающих коннотациями непринужденности, небрежности, возможно только в условиях неофициального общения, т. е. в подсистеме английской разговорной речи.

Наряду со стилистически отмеченными специфическими конституэнтами английской разговорной речи, выражающими функционально стилистические коннотации, распространенными являются и синтаксические конструкции, являющиеся формальными средствами выражения экспрессии, которые по-разному представлены в различных текстах в зависимости от ситуации и душевного состояния говорящих. И те, и другие конструкции об-

ладают коннотациями, которые представляют собой «разновидности субъязыковой отнесенности» [177, 58].

Экспрессивные конструкции, характеризующиеся в формальном отношении различными деформациями нейтральных предложений — пермутацией, эллипсом, экспликацией и сепарацией — обладают двойными коннотациями: помимо субъязыковой отнесенности, т. е. стилистической отмеченности, они выражают экспрессии усиления, подчеркивания, а также различные положительные и отрицательные эмоции.

Итак, специфические конституэнты стилистической подсистемы английской разговорной речи в области синтаксиса можно разделить на две группы: стилистически отмеченные конструкции, основным формальным признаком которых является эллипс (T del), и стилистически отмеченные экспрессивные структуры, формальными признаками которых являются пермутация (T perm), номинализация (T nom), эллипс (T del), сепарация (T sep) и экспликация (T expl).

Семантико-структурные различия обеих групп специфических конституэнтов заставляют рассматривать их в разных разделах данной монографии. Однако их положение в системе языка как специфических конституэнтов, «субъязыковой специфики», позволяет использовать общую методику многоуровневого анализа, т. е. поуровневого сопоставления с нейтральными единицами в целях описания их лексико-структурной специфики.

§ 3. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В РАБОТАХ СОВЕТСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИНГВИСТОВ

Обзор основных работ по проблемам разговорной речи, представленный в данной монографии, не ставит своей целью подробно изложить все исследования в области синтаксиса разговорной речи на материале нескольких языков. Эта задача является трудновыполнимой и увеличит без особой надобности объем конкретного исследования синтаксических конструкций английской разговорной речи. Наша задача — изложить общие тенденции в изменении синтаксиса ряда языков и выявить основные принципы, которыми руководствовались исследователи разговорной речи при ее описании.

Выделение разговорной речи как объекта исследования осуществляется лингвистами на основе таких дифференциальных признаков, как непосредственная и продолжительная реакция [94], непосредственное общение [171], неофициальность, непринужденность, спонтанность [78], неофициальность, «результатом

чего является полное или частичное отсутствие требований, предъявляемых к ее «форме» [174, 94], функционирование в определенных условиях непосредственного общения [98, 104, 212, 213]. Эти дифференциальные экстралингвистические признаки обуславливают наличие специфических синтаксических единиц, которые являются ее лингвистической характеристикой. Эти специфические синтаксические единицы, описываются как инновации в области синтаксиса, и выявляются основные тенденции их возникновения.

Изучение синтаксических инноваций в области английской разговорной речи проводится в трудах таких исследователей, как Ч. Барбер [224], Б. Фостер [246], У. Френсис [248], А. Кнопф [268], Дж. Мак Найт [276], Дж. Мист [278], С. Поттер [287], М. Шлаух [295], Е. Стертевант [303]. Характерными процессами в синтаксисе английской разговорной речи, которые были выявлены не только на основе исследования письменных текстов, но и на материале записей телефонных разговоров, передач по радио, магнитофонных записей повседневных бесед, являются эллиптирование и упрощение синтаксических конструкций за счет исключения громоздких сложноподчиненных предложений (подчинение заменяется сочинением), использование вводных конструкций как средства коллоквиации языка. Ч. Барбер так характеризует основные тенденции развития английской разговорной речи: «On the whole, our speech is tending to greater fragmentation, to looseness of structure, we avoid formally constructed periods; we change constructions in the middle, we leave sentences uncompleted» [224, 30].

Исследователи немецкого языка В. Г. Адмони [4], Г. Меллер [279], Г. Мезер [281] отмечают такие изменения в языке, как разрыхление жесткой «бумажной» структуры предложения, упрощение структуры сложноподчиненного предложения, отступление гипотаксиса, широкое употребление парентезы, которая прерывает «прямое» сквозное развертывание основного смыслового содержания предложения.

Исследователи французского языка [229, 237, 273, 274, 288] утверждают, что изменения в области синтаксиса французской разговорной речи заключаются в расшатывании структурных закономерностей предложения (интонационное и структурное расщепление предложения).

Итак, исследователи разговорной речи английского, немецкого и французского языков обнаруживают общие тенденции в ее развитии: отмечается расшатывание структуры предложения, эллипс отдельных его частей, упрощение сложных периодов, использование вводных конструкций. Эти изменения в разговор-

ной речи настолько велики, что некоторые лингвисты [68, 229, 237, 272] говорят о наличии двух языков: разговорного и письменного.

Синтаксические инновации неизбежно проникают в английский литературный язык, о чем свидетельствуют данные Э. Бэскера [225], Р. Кверка [290], Б. Робертсона [294], в немецкий литературный язык, на что указывают Г. Мезер [281], Е. Ризель [292], во французский литературный язык, о чем свидетельствуют данные исследователей французского языка А. Я. Алексеёва [10], М. Гревисса [255], Р. Кено [288], так как «изменения в языке куются и накапливаются в разговорной речи» [216, 116].

Влияние разговорной речи на литературный язык настолько велико, что возникает борьба за чистый литературный язык против разлагающего действия разговорной речи [234, 247, 253, 268, 271]. «If English is allowed to degenerate into a babel of regional dialects, social stratifications, vulgarities, jargons and juvenile slang, the hope of true understanding among the millions of English speaking people around the earth is commensurately dimmed», — утверждает исследователь английского языка А. Кнопф [268, 67]. Этой же точки зрения придерживаются пуристы во французском языке [234, 253, 271].

Разговорная речь использовалась в работах советских и зарубежных лингвистов как материал для изучения происходящих в языке изменений, описания инноваций, выявления основных тенденций развития языка. Изучение инноваций и тенденций в развитии языков на материале разговорной речи — первый путь ее изучения.

Второй путь ее изучения — это описание ее лексико-структурных особенностей по сравнению с неким нейтральным инвариантом, т. е. изучение набора ее дифференцирующих признаков в области фонетики, лексики и грамматики. Имея целью описать синтаксические конструкции английской разговорной речи, мы ограничим наш обзор основными принципами описания синтаксиса исследователями разных языков, чтобы выявить теоретические основы классификации синтаксических единиц, разработанные на материале разговорной речи.

Теоретические принципы описания разговорной речи, закладывающие фундамент ее системного описания на материале различных языков, представлены в диссертации Ю. М. Скребнева [175]. Автор ставит перед собой задачу изложить общелингвистические проблемы описания синтаксиса разговорной речи и иллюстрировать их сопоставлением синтаксических структур ряда языков. Ю. М. Скребнев рассматривает разговорную речь как стилистическую подсистему языка, представляющую «ис-

точник порождения текстов». Каждый подъязык состоит из общих нейтральных единиц и специфических, из которых выделяются относительные, свойственные двум или нескольким смежным подъязыкам, и абсолютные, свойственные данному подъязыку. Исследователь должен описывать специфическую область. Системный подход к описанию лингвистических единиц четко представлен в выдвигаемом автором положении, что в основу классификации должны быть положены отношения между специфическими единицами и их нейтральными аналогами. Ю. М. Скребнев констатирует, что отношения от нейтральной (обладающей нулевой специфичностью) единицы сводятся либо к усложнению ее структуры, либо к ее упрощению.

Четко проведенный принцип системности, который выражается в постоянном сопоставлении стилистически окрашенных единиц с нейтральными, выявлении взаимосвязи и взаимообусловленности этих единиц, позволяет использовать сформулированные принципы исследования для изучения конкретных стилистических подсистем языка. Спонтанность и эффективность, ситуативность и диалогичность как общие условия существования разговорной речи позволяют говорить о возможности выявить универсальные принципы ее системного изучения и использовать методику исследования одного языка для описания другого. Поэтому диссертация Ю. М. Скребневой заложила основы общего описания синтаксиса разговорной речи ряда языков и дала возможность исследователям, разрабатывающим принципы описания разговорной речи конкретного языка, опереться на четко сформулированные теоретические основы, чтобы продолжать и углублять их в процессе описания разговорной речи.

В наибольшей степени принцип системного описания использовался исследователями русской разговорной речи. Одним из лингвистов, которым проведены наиболее фундаментальные исследования в области русской разговорной речи, является Е. А. Земская [94]. Е. А. Земская в своем описании специфики разговорной речи опирается на положение, что разговорная речь представляет собой особую языковую систему, так как обладает набором единиц разных ярусов языковой системы и специфическими законами соединения единиц разных ярусов в потоке речи. Эти специфические особенности разговорной речи могут быть объяснены условиями ее функционирования — сильной опорой на конситуацию, которая вплавляется в речь. Условия функционирования (конситуация) объясняют появление в разговорной речи эллипсов стационарных структур: «Два до Филей!», специфических номинаций — сочетаний с конденсированным словом: «Надо купить, чем стирать», немарки-

рованных членов морфологических оппозиций — «экспансии именительного падежа»: «За чем очередь», «Мохеровая ткань».

Г. Г. Инфантова [98] в основу изучения синтаксиса русской разговорной речи кладет принцип экономии в синтаксисе и выводит следующую систему реализации этого принципа:

1. Способы экономии, реализация которых связана с экономией в сегментных средствах: способы экономии сегментных средств отдельного высказывания, способы экономии, реализация которых связана с экономией в сегментных средствах языковой системы в целом.

2. Способы экономии, реализация которых не связана с экономией сегментных средств: антиципация, опрощение, контагиозность, синтаксическое дублирование с целью повышения надежности сообщения. Системный характер описания синтаксиса русской разговорной речи находит в работе Г. Г. Инфантовой свое воплощение во взаимообусловленности способов экономии сегментных средств синтаксическим рядом, парадигматическим рядом, всей системой языка.

О. Б. Сиротина [171] описывает структурные особенности русской разговорной речи в тесной зависимости от специфических условий ее функционирования: неофициальности и непосредственного общения. Эллиптичность как один из основных принципов построения разговорного текста находит воплощение в широком распространении «неорганизованных построений» предложений (самоперебивы, добавления, перестройки фразы на ходу); она отмечает и ассоциативный принцип организации речи как следствие персонального общения.

О. А. Лаптева [119] использует метод формально-семантического и функционального описания синтаксических явлений устно-разговорной разновидности русского языка и выявляет набор специфических предикативных построений ее синтаксической системы и организации этой системы в отличие от общелитературной синтаксической системы. Автор устанавливает формальные показатели типизированных предикативных конструкций и их синтаксическое поведение на разных уровнях реализации модели. Описывая структурный статус синтаксиса устно-разговорной разновидности современного русского литературного языка, О. А. Лаптева отмечает такие явления, как конструкции с именительным темой, конструкции дополнения, бессоюзные подчинительные конструкции, конструкции наложения.

Таким образом, в исследованиях русской разговорной речи, проведенных такими советскими лингвистами, как Е. А. Земская, Г. Г. Инфантова, О. Б. Сиротина, О. А. Лаптева на материале магнитофонных записей русской разговорной речи и художе-

ственных произведений русских и советских писателей, наиболее ярко проявляется марксистский принцип взаимосвязи и взаимообусловленности явлений действительности, что позволило дать глубокое и всестороннее описание русской разговорной речи.

На материале французской разговорной речи проводилось исследование системных связей ее специфических структур в докторской диссертации Н. А. Шигаревской [212] и кандидатской диссертации Е. А. Соломарской [183].

Принцип системности, последовательно проводимый Н. А. Шигаревской, находит воплощение в четко представленной дихотомии: книжная речь — разговорная речь. В работе обращается внимание на схождение и расхождение вариантных форм, функционирование которых определяется синтаксическими связями и стилевой отнесенностью явления. При изучении синтаксических явлений автор обращает внимание на их причинные и системные связи, учитывая закономерности структуры языка, которые регулируют происходящие в речи процессы. Н. А. Шигаревская ставит задачей данного исследования описание ведущих тенденций и закономерностей в синтаксисе разговорной речи. К числу таких закономерностей относятся укрепление прямого порядка слов, опускание прямого дополнения, интонационное и синтаксическое расщепление предложения.

К коммуникативно обусловленным особенностям французской разговорной речи относятся изменения в структуре отрицательного предложения, широкое употребление неполных вопросительных предложений. Автор описывает структуру собственно эмотивных предложений как специфических построений французской разговорной речи, которые образовались в результате активных процессов в строении личных и безличных предложений: построения с инверсией, с вводным элементом, построения на основе сочетаний.

Н. А. Шигаревская выявляет основную тенденцию в развитии разговорной речи, которая заключается в расширении грамматической функции порядка слов и использовании синтаксического приема примыкания для обозначения подчинительной связи. Автор подчеркивает различную судьбу проанализированных тенденций: некоторые утрачивают стилевую маркированность, другие ограничиваются рамками разговорной и даже фамиллярно разговорной речи, третьи остаются временно и постоянно за пределами нормы.

Е. А. Соломарская ставит целью своего исследования описание диалогической речи, для чего ею вводится понятие смыслового ядра и дерева зависимостей диалогического единства. В

целях выявления коммуникативной специфики диалога автор использует методику актуального членения, которая позволяет выявить в диалоге основу высказывания и смысловое ядро. Смысловое ядро — основной коммуникативный узел высказывания. Полный диалог представляет собой единство, имеющее одно смысловое ядро, одну вершину дерева зависимостей, которая через последовательный ряд вхождений связана с любой из единиц анализируемого ряда. Для дерева диалогического единства характерно пересечение его ветвей. Использование построения дерева зависимостей для описания диалога позволяет автору дать анализ диалогической речи, основанный на точных семантико-структурных ее признаках.

Наиболее крупными советскими исследователями немецкой разговорной речи являются Э. Е. Ризель [166, 167, 292, 293] и В. Д. Девкин [77, 78, 79].

В. Д. Девкин таким образом формулирует основные задачи работы: «При существующем уровне проблем разговорной речи и при обилии задач, стоящих перед диссертацией, реферируемая работа (по изучению немецкой разговорной речи. — Э. Т.) мыслится скорее как введение в немецкую колоквиалистику, как подготовительный этап для последующего, более глубокого изучения разговорности во всех ее проявлениях» [78, 3].

В. Д. Девкин считает, что предложения в разговорной речи являются сентенсоидами, т. е. «образованиями особого свойства, тяготеющими к предложению больше, чем к какому-либо другому явлению синтаксиса» [78, 16]. Автор отмечает такие особенности немецкой разговорной речи, как бессоюзие, отказ от уточнения логико-синтаксических связей, стирание гипотаксиса.

В книгах В. Д. Девкина [77, 79] классификация синтаксических конструкций немецкой разговорной речи проводится на основе структурных принципов. Два главных раздела этой классификации — недвусоставные предложения (субстантивные, адъективные, адverbные, партиципные и инфинитивные) и репрезентация главных членов предложения второстепенными — являются перекрещивающимися, т. е. представляют собой описание одних и тех же предложений. Недвусоставными являются и предложения с репрезентацией главных членов предложения второстепенными; субстантивные, инфинитивные и другие предложения могут быть описаны и в этом разделе. Семантическая специфика выделенных групп является весьма неопределенной. Так, например, субстантивный тип объединяет обширную коммуникативную группу со значением сообщения о наличии чего-либо в вопросительных, побудительных и других предложениях. По

существо, это разные явления, объединение которых в одну группу затрудняет их изучение.

В работах Э. Г. Ризель разговорная речь описана на основе принятой автором методики взаимосвязанности стилевых черт и языковых средств их воплощения. Основными стилевыми чертами разговорной речи Э. Г. Ризель считает непринужденность, эмоциональность, субъективную оценку, конкретность, образность, простоту и динамизм, а также такие противоречащие тенденции, как обстоятельность и краткость изложения. Эти стилевые черты реализуются в целом ряде лексико-структурных средств, которые являются дифференциальными признаками разговорной речи.

Из работ советских исследователей английской разговорной речи необходимо отметить кандидатскую диссертацию Р. Е. Додучавы [82], и книгу Л. П. Чахоян [202]. Р. Е. Додучава, взяв за основу принцип взаимосвязи лингвистических и экстралингвистических факторов с изменениями синтаксических конструкций в английской разговорной речи, описывает такие синтаксические явления, как неполносоставность предложения и бессоюзное сочинение. К внелингвистическим факторам, определяющим особенности английской разговорной речи, Р. Е. Додучава относит окружающую обстановку и узость тематики, к лингвистическим — явления экономии и аналогии. Исходя из этих факторов, Р. Е. Додучава делит все деформации структуры предложения на три группы: односоставные, двусоставные предложения и бесподлежащно-бессказуемые предложения разного состава.

Системный подход к языковым явлениям обнаруживается в том, что Р. Е. Додучава выявляет языковые и неязыковые факторы, определяющие структурные изменения предложений в подсистеме английской разговорной речи. Описанные автором структурные типы обуславливаются их связями с окружающей обстановкой и подчинены общему принципу, действующему в языке, — экономии.

Л. П. Чахоян [202] избирает объектом исследования синтаксис английской диалогической речи и предлагает его системное описание с позиций функционально-семантического синтаксиса. Взяв в основу описания коммуникативную единицу высказывания, автор определяет соотношение между семантическими и коммуникативными характеристиками высказывания в диалоге.

Структурные единицы — простые и сложные предложения — рассматриваются автором как оболочки коммуникативных единиц — высказываний. Предложения, рассматривавшиеся ранее

как семантико-структурные единицы, представлены в работе Л. П. Чахоян как коммуникативно-семантические конфигурации перформативных и темо-рематических элементов. Исследование диалогического синтаксиса с коммуникативно-семантических позиций позволяет избежать трудностей структурного описания синтаксических единиц диалогической речи, которые в условиях ситуации непосредственного общения видоизменились до такой степени, что стало невозможным выявить их границы. Коммуникативно-семантический путь описания синтаксиса является перспективным при описании английской разговорной речи, хотя не исключает и других концепций ее описания.

О. Мутт [282] подчеркивает стилистическую неоднородность разговорной речи и выделяет три стилистических пласта: литературный, или формальный; интимный, или неформальный; низкий разговорный, или вульгарный. Каждый из выделяемых пластов характеризуется автором с внутренней стороны наличием типичной морфологической или синтаксической черт.

Изучению синтаксических особенностей английской разговорной речи посвящена работа Е. Боумэн [228]. В разговорной речи автор выделяет малые предложения (*minor*), неполные по своему составу и являющиеся ее специфическими конституэнтами и большие предложения (*major*), обладающие формальной полнотой и не имеющие стилистических коннотаций. Е. Боумэн ставит своей целью выявить соотношение малых и больших предложений и приходит к выводу, что оно равно 1:2, т. е. преобладающими являются нейтральные, полные предложения.

Неполные предложения английской разговорной речи делятся в работе на две группы: зависимые и независимые. Автор считает зависимыми такие предложения, которые тесно связаны с прилегающими предложениями. Независимые, по мнению автора, обладают менее тесной связью с прилегающими предложениями, из которых они восполняют содержание. Е. Боумэн считает, что отношение независимых неполных к зависимым неполным равно 1:3, а стилистическая роль неполных предложений есть роль указателей неофициального общения — «*indicators of the degree of formality*» [228, 20]. Однако деление на зависимые и независимые предложения представлено в работе недостаточно убедительно, так как не выявлены какие-либо четкие формальные принципы отграничения этих групп. Понятие более или менее тесной связи с прилегающими предложениями является настолько расплывчатым, что на основе этого критерия каждое неполное предложение может быть введено в любую из описанных групп.

Работы советских и зарубежных лингвистов, в которых пред-

ставлены характеристики какого-либо специфического конституэнта подсистемы английской разговорной речи — различные формы эллипса, инверсии или дублирования, — будут описаны позднее, в процессе анализа этих специфических конституэнтов.

Изучение разговорной речи вообще, и английской в частности, находится в начальной стадии, и каждое новое исследование независимо от избранных автором теоретических принципов ее описания вносит существенный вклад в практику классификации основных форм в целях более рационального преподавания разговорной речи в школе и вузе.

Глава II. СТИЛИСТИЧЕСКИ ОТМЕЧЕННЫЕ ЭЛЛИПТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ АНГЛИЙСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

§ 1. ПОНЯТИЕ О СТИЛИСТИЧЕСКИ ОТМЕЧЕННЫХ ЭЛЛИПТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ АНГЛИЙСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Английская разговорная речь как стилистическая подсистема языка обладает целым рядом особенностей, стилевых черт, которые должны быть отражены в ее специфических конституэнтах. Такие особенности разговорной речи, как неофициальность, непринужденность, находят отражение не только в семантике, но и в структуре ее специфических конституэнтов. Неофициальность, непринужденность общения позволяет сократить высказывание, использовать только те части предложения, которые абсолютно необходимы для понимания смысла, опуская остальную часть. Это приводит к тому, что эллиптические предложения становятся основой специфических конституэнтов английской разговорной речи, и чтобы их описать, нужно выявить семантические и структурные дифференциальные признаки этих предложений. Изучение дифференциальных признаков предполагает обязательное сопоставление, так как различие может быть обнаружено только на основе общности.

Системный анализ стилистической подсистемы английской разговорной речи включает описание абсолютно специфических конституэнтов в области синтаксиса — стилистически отмеченных эллиптических структур — в системе синтагматических и парадигматических связей, для чего должно проводиться их сопоставление с нейтральными.

Формальные изменения эллиптических специфических конституэнтов английской разговорной речи при их «сопоставлении с неспецифической нейтральной областью подъязыка» [175, 309] сводятся к опущению отдельных частей предложений, т. е. к образованию эллиптических или неполных предложений. Семанти-

чески эти структурно деформированные предложения характеризуются наслоениями на основное денотативное значение коннотаций непринужденности, небрежности, интимности — показателей принадлежности к стилистической подсистеме английской разговорной речи.

Прежде чем приступить к описанию эллиптических предложений как специфических конституэнтов английской разговорной речи, мы должны провести анализ различных методических принципов изучения эллипса. Обзор работ по изучению неполных предложений будет проводиться по мере изучения отдельных видов эллипса.

Семантический критерий смыслового домысливания как подход к выявлению сущности эллиптических предложений можно обнаружить в ряде работ советских и зарубежных лингвистов.

Ш. Балли [223] в основу определения эллипса кладет семантический критерий отсутствия любого речевого факта, который первоначально способствовал пониманию смысла. Эллипс, по мнению Ш. Балли, может заключаться не только в опущении одного или нескольких слов, но и выпадении слогов из слова, одного или нескольких слов из сочетания и предложения из семантически связанной группы предложений, которая получила у Ш. Балли название фразы. Смысловый критерий в описании эллипса в работе П. Жиро [256] заставляет автора считать эллиптическими такие предложения, в которых нарушена норма языка. При чем под этим имеется в виду невозможность понимания точного смысла сказанного или написанного без восстановления опущенных членов. Но точный смысл многих высказываний может быть понят лишь с привлечением лингвистических и экстралингвистических контекстных факторов. Таким образом, понятие эллипса становится безграничным, а эллиптические предложения — неопределенными по своей сущности.

Семантический критерий мысленной восполнимости опущенных членов кладется в основу определения эллипса в работах таких лингвистов, как Ф. Бруно [229], В. Коллинсон [235], А. Доза [237], М. Фишер, Дж. Хагарт [244], Р. Жоржен [253], М. Гревисс [255], Р. Келлер [265], Дж. Кеннеди [266], Е. Кройзинга [269]. Описанные структурные типы эллиптических предложений на материале трех языков: английского, немецкого, французского включают самые разнообразные деформации предложений, которые, по мнению авторов, нуждаются в семантическом восполнении.

Семантический критерий мысленной восполнимости в целях выявления «точного» смысла предложения ощущался многими

исследователями как недостаточный для определения сущности такого сложного явления, как эллипс. Поэтому делаются попытки ограничить область лексического материала, из которого идет восполнение опущенных членов предложения. В целях уточнения эллипса вводится понятие смысловой неполноты в границах синтаксических и диалогических единств. Так, Е. Д. Андреева [11] называет эллипсом отсутствие таких элементов, неупотребление которых влечет за собой нарушение смысловой и интонационной нормы, также как и структурных норм синтаксического целого. И. А. Попова [156] вообще отказывается от выдвижения общего критерия неполноты предложения и считает, что эти предложения не могут быть объединены никаким признаком, характеризующим их в смысловом и структурном отношении. Отказ от объединяющего признака, по мнению И. А. Поповой, отнюдь не предполагает невозможности изучения этих предложений. И. А. Попова считает основным принципом их изучения опору на контекст (помимо сопоставления с нормой). Автор отмечает смысловую полноту высказывания, выраженного неполным предложением в диалогическом единстве, и неполноту их формального состава.

Однако смысловые критерии восполнения из разного объема анализируемого материала не дали возможности добиться точности в описании, и лингвисты обращаются к формально-грамматическим критериям как позволяющим достигнуть большей точности в исследовании. Так возникает методика позиционного анализа предложений. Согласно этой методике предложение рассматривается как некая модель, в которой за всеми членами закреплены определенные позиции. Позиции в позиционной модели не могут отсутствовать; они могут быть представлены отрицательно.

Критерий отрицательного замещения позиций для определения неполноты был использован Т. П. Ломтевым [127], который представляет неполное предложение в виде позиционной модели с несколькими отрицательно выраженными членами. Следуя понятию позиционной модели, К. А. Гузеева [70] считает неполным такое предложение, позиционная модель которого не полностью выражена словесными формами, но одна или несколько позиций представлены отрицательно.

Необходимость установить характер отношений между положительно и отрицательно выраженными членами в синтагматическом плане в границах предложения и контекстного окружения побудила лингвистов начать изучение синтаксических связей и валентностей членов предложения. Так, Н. М. Гусев [75] рассматривает предложение как неполное в том случае,

когда пропуск недостающих членов подтверждается объемными показаниями наличных членов, т. е. в основу определения неполноты кладутся валентность и синтаксические связи членов предложения, которые могут быть выявлены при помощи эксперимента субституции. К. А. Гузеева [70] использует понятие внутренней связи между позиционными звеньями, в результате которой позиция словесной формы может предполагать другую позицию другой словоформы и даже целую позиционную модель своего предложения.

А. А. Чувакин [204] уточняет характер синтаксической связи между позициями модели, используя понятие «сигнализации» применительно к неполному предложению. «Сигнализация» предполагает, что словесно представленная позиция сигнализирует позицию, словесно не представленную. Классификация основана на присутствующих членах, однако установление синтаксических связей между позициями в позиционной модели позволяет предугадать отсутствующие члены предложения. А. М. Мухин [147] использует разработанную им теорию синтаксических связей внутри структуры предложения, так называемых юнкционных связей, при определении эллипса. Взяв в основу понятие предложения как синтаксической единицы, включающей социативно-предикативную или нулевую предикативную связь, А. М. Мухин дает расширенное определение эллипса, считая неполным любое предложение, даже если в нем опущен неядерный компонент.

Изучение синтаксических связей в границах предложения и синтаксического (диалогического) единства вскрывает синтагматический аспект эллиптических предложений.

Широкое использование в лингвистике методики трансформационного анализа побудило исследователей эллипса прибегнуть к этой методике в целях установления системных связей эллиптических предложений, т. е. рассматривать эллипс в парадигматическом плане. Л. С. Бархударов [21] прибегает к понятию нулевых синтаксических элементов как к показателю эллипса в моделях неполных предложений и определяет эллиптическое предложение как такое, в котором, по крайней мере, одно слово представлено нулевым вариантом. Л. С. Бархударов вводит методику трансформационного анализа для выявления трансформационных связей предложения в парадигматике. По его мнению, любое предложение эллиптическое — трансформ предложения неэллиптического, образованный посредством трансформации эллипса или стирания. Классификация эллиптических предложений проведена в работе на основе способа экспликации слова, представленного нулевым вариантом: синтаг-

матически восполняемые (восполняемые из окружающего контекста) и парадигматически восполняемые (восполняемые из аналогичных конструкций, встречающихся в языке).

Методика трансформационного анализа получила дальнейшее развитие в работах других исследователей эллипса.

В. Л. Юхт [218] использует трансформационную методику при изучении эллипса предложения. Неполные предложения рассматриваются как варианты полных, их неполная реализация. Трансформационное сопоставление неполных предложений в плане парадигматики сопровождается изучением их синтагматических связей. Зависимость неполного предложения от контекста и ситуации выражается формулой, где степень зависимости неполного предложения от контекста обратно пропорциональна степени полноты реализации в нем исходного структурного типа предложения. Методика трансформационного анализа применяется при изучении эллиптических предложений и в диссертации О. И. Реуновой [164]. Рассматривая эллиптические предложения как самостоятельные структурные типы, имеющие свою специфику. О. И. Реунова утверждает, что поверхностные структуры полного и эллиптического предложений представляют собой трансформы глубинных структур полного и эллиптического предложений, восходящих к одному и тому же базисному конституэнтному показателю.

И. Ф. Вардуль [46] вводит понятие инварианта как общей основы эллиптических и неэллиптических предложений. Изучение эллипса как опущение (неупотребление) синтаксемы, содержание которой суппресируется [88], может проводиться только путем соотнесения вариантов при использовании метода подстановки отсутствующих членов. Он приходит к выводу, что если подстановка не дает эквивалентного результата, это свидетельствует об отсутствии эллипса. Автор различает эллиптические варианты предложений и нулевые синтаксемы (когда в языке нет позитивной синтаксемы для передачи данного содержания).

М. Я. Блох [32, 35] исходит из теории актуального членения при определении эллипса. Семантико-стилистическая функция усечения внешней структуры предложения при эллипсе рассматривается как выделение ремы высказывания. При этом «ремовыделяющая» функция усечения аналогична функции логического смыслового ударения в неусеченном предложении» [35, 58—59]. М. Я. Блох подчеркивает и семантическую сторону эллипса, которая заключается в «продолжающемся наращивании семантической нагрузки порождаемой структуры в соответствии с общей закономерностью парадигматического синтаксиса» [32, 80].

Итак, семантический критерий определения эллиптических предложений как недостаточно точно описывающий это сложное явление в работах советских и зарубежных лингвистов вытесняется формально-грамматическим критерием их выделения. Используется позиционная модель с отрицательно выраженными позициями или модель с нулевыми членами для точного описания эллипса как парадигматический план его изучения. В синтагматическом плане рассматриваются синтаксические связи в границах эллиптического предложения (объемные показатели наличных членов, сигнализация как выражение зависимости словесно представленных и словесно непредставленных позиций, юнкционные связи).

Трансформационный анализ как метод изучения эллипса в парадигматическом плане для выявления его соотношения с нормативными структурами и субституция и дистрибутивный анализ как методика выявления системных связей эллиптических структур в синтагматическом плане позволяют представить эллипс как многостороннее синтаксическое явление, которое не может быть описано на основе одного критерия с применением какой-либо одной методики.

Описание эллиптических стилистически отмеченных конструкций английской разговорной речи должно использовать общие достижения в изучении эллипса. Выбор методики исследования эллиптических предложений должен обуславливаться задачами их изучений.

Эллиптические предложения в парадигматическом плане должны быть представлены как варианты некоего общего инварианта, что делает необходимым использование трансформационного метода, так как полное представление об опускаемых членах может создаваться лишь на основе «исследования всех связей данного предложения со всеми возможными типами предложений в данной системе языка» [126, 20]. Трансформационное сопоставление вариантов с инвариантными или нейтральными предложениями языка позволит выявить место эллиптических трансформов в системе языка.

Далее, изучение эллиптических предложений должно включать в плане синтагматики не только выявление позиционных связей словоформ, в том числе выраженных отрицательно или нулевыми членами в границах предложения, но и контекстных связей компонентов предложения с лингвистическими и экстралингвистическими контекстами.

«Эллипс не есть средство синтаксической связи... он является одним из возможных следствий наличия синтаксических связей, выраженных другими синтаксическими средствами или контек-

стом и ситуацией. Но, раз возникнув, естественно, эллипс в свою очередь указывает на наличие определенных синтаксических связей» [5, 3]. Поэтому обязательной характеристикой эллипса в синтагматическом плане должны быть выявленные синтаксические связи различных типов эллипса.

Важной синтагматической характеристикой эллиптических предложений является их актуальное членение. «Строевые черты предложения, связанные с выражением синтаксических значений коммуникативной установки, являются важнейшими факторами качественной определенности предложения», — указывает М. Я. Блох [34, 14]. Обязательным представляется и выявление семантической сущности эллипса как дополнительной коннотационной нагрузки предложения.

Говоря о синтаксических единицах, которые «сложно взаимодействуют как единицы строения и построения в едином и целостном здании синтаксиса» [208, 123], Н. Ю. Шведова подчеркивает, что каждая из формальных единиц должна изучаться с точки зрения ее формальной организации, синтаксической семантики и системы функций.

Нами будут изучаться следующие структурные типы единиц синтаксиса, наиболее часто подвергающиеся деформации в специфических условиях английской разговорной речи:

1. Структурные типы специфических конституэнтов с эллипсом в простом предложении (единицы с усеченными глагольными формами).

2. Структурные типы специфических конституэнтов с эллипсом в простом предложении (единицы с опущенным подлежащим, подлежащим и глаголом-связкой или глаголом-связкой).

3. Структурные типы специфических конституэнтов с эллипсом в сложном предложении (бессоюзные сложные предложения).

4. Структурные типы специфических конституэнтов с эллипсом в синтаксическом целом (диалогическое единство).

В соответствии с принятой методикой представления единиц синтаксиса на разных уровнях нами были разработаны два основных этапа изучения эллиптических специфических конституэнтов английской разговорной речи.

Первый этап описания эллиптических конструкций — парадигматический, целью которого является парадигматическая характеристика этих конструкций. При общности содержания первым этапом доказательства синонимичности синтаксических конструкций является доказательство общности логико-синтаксической основы специфических конституэнтов и их нейтральных инвариантов. Деривационная общность и трансформационные

различия сопоставляемых конструкций должны доказываться на структурно-семантическом уровне языковых единиц. На этом уровне синтаксической единицы возникает ее трансформационная заряженность, или трансформационный потенциал¹. Трансформационный потенциал понимается как потенциальная способность структуры приобретать определенные семантические свойства в связи с принимаемым ею набором трансформаций ее порождения. Так как возможности структурных изменений почти неисчерпаемы, то под этим термином фигурирует та или иная часть всех преобразований, которым может подвергнуться конструкция. Круг этих трансформаций обычно устанавливается исследователем в зависимости от конкретных задач работы.

Ю. М. Скребнев говорит о потенциальной способности языковых единиц функционировать в определенной подсистеме: «Единица парадигматического плана обладает потенциальной способностью к функционированию, но эта способность выявляется лишь в синтагматике» [175, 237].

Каждая единица синтаксиса — специфический конституэнт подсистемы английской разговорной речи — в плане парадигматики приобретает определенный потенциал, однако семантические свойства, приобретенные структурой в результате ее трансформационных преобразований, различны по своему характеру. Специфический конституэнт может быть стилистически отмеченным эллиптическим или стилистически отмеченным экспрессивным. Поэтому термин «потенциал» должен иметь дифференцирующее определение, включающее его семантическую характеристику.

Потенциальная способность единиц синтаксиса в парадигматике, приобретаемая ими в результате трансформационных преобразований нейтральных синтаксических единиц, обнаруживать стилистические коннотации в процессе их речевой реализации может быть названа стилистическим потенциалом в отличие от экспрессивного потенциала. Стилистический потенциал характеризует потенциальную возможность структуры быть использованной в качестве специфического конституэнта подсистемы английской разговорной речи; он является семантической характеристикой эллиптических предложений на структурно-семантическом уровне.

Вторым этапом изучения специфических конституэнтов английской разговорной речи в области синтаксиса является этап речевой реализации выведенного инвентаря моделей. На этом

¹ Использование трансформационного потенциала для характеристики структур набором принимаемых ими трансформаций мы находим у А. А. Заварина [90], С. А. Сметаниной [178].

этапе изучаются синтагматические связи специфических конституэнтов и выявляется их коммуникативная специфика; выясняются причины деформации конструкций в специфических условиях английской разговорной речи. Дистрибутивный анализ синтаксических связей между словоформами эллиптического предложения и его контекстным окружением позволяет представить это предложение как продукт контекстных связей, а эксперимент субституции дает возможность выявить те части контекста, которые приняли участие в организации эллиптического предложения.

Изучение коммуникативного аспекта при помощи актуального членения помогает изучить специфику организации высказывания в условиях подсистемы английской разговорной речи. На втором этапе изучения синтаксических единиц вскрываются два уровня ее глубины: лексико-семантический и коммуникативный.

Описанные нами этапы изучения разговорной специфики являются составной частью общей задачи изучения разговорной речи — выявления «принципов, конкретных правил и моделей конструирования высказывания в особых условиях функционирования языка — в условиях предполагаемого воздействия на синтаксическую норму со стороны факторов, внешних по отношению к языку» [175, 162].

§ 2. СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ СПЕЦИФИЧЕСКИХ КОНСТИТУЭНТОВ С ЭЛЛИПСОМ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ (единицы с усеченными глагольными формами)

Явление эллипса в глагольных формах, широко распространенное в английской разговорной речи, отмечалось многими лингвистами, оно получило в лингвистике название «усечение неполнозначных глаголов». О широком использовании в английской разговорной речи усеченных форм неполнозначных глаголов говорят советские исследователи английской разговорной речи И. Р. Гальперин [56], М. И. Шишканова [213]. Об усеченных, или сокращенных (*shortened forms*) формах неполнозначных глаголов говорят и зарубежные исследователи английского языка [222, 224, 262, 266].

Наиболее крупное исследование усеченных форм неполнозначных глаголов принадлежит Л. С. Гоксадзе [64]. Рассматривая тенденцию к экономии как основной фактор, который обуславливает образование усеченных форм, Л. С. Гоксадзе на материале английской разговорной речи нескольких веков наблюдает возникновение, расширение сферы употребления и оконча-

тельное утверждение усеченных форм неполнозначных глаголов. В более поздних исследованиях Л. С. Гоксадзе [65, 66] рассматривает усечение глагольных форм как действие фактора избыточности. После усечения остается только та часть, которая необходима для грамматической функции данного вспомогательного глагола. Стремление к экономии усилия и устранению избыточности грамматических средств — таковы причины деформации глагольных форм.

В диссертации Ф. И. Маулера [135] формант 'll, соответствующий как *shall*, так и *will*, рассматривается в контексте, который способствует реализации его значения. Эллиптирование частей неполнозначных глаголов 'll (*will*, *shall*) оказывается возможным в связи с их избыточностью в контексте, способствующей актуализации одного из их значений.

Отнесение усеченных форм к морфологическим особенностям, т. е. исключение их из сферы синтаксиса, отрывает один из видов эллипса, а именно эллипс частей неполнозначных глаголов, от остальных видов эллипса, полного эллипса неполнозначных глаголов и т. д., что является неправомерным. По существу, речь идет об одном и том же явлении — изменении единиц синтаксиса в особых условиях английской разговорной речи (*T del* — стирание), имеющем один и тот же результат — образование стилистически отмеченных предложений английской разговорной речи. Поэтому целесообразно рассматривать явление усечения неполнозначных глаголов как одну из разновидностей эллипса, а именно как эллипс частей неполнозначных глаголов, и использовать в целях его изучения принятую нами общую методику системного анализа.

Анализ логико-синтаксического глубинного уровня синтаксических единиц — предложений с усеченными глагольными формами и нейтральных предложений с полными глагольными формами — обнаруживает их общие логико-синтаксические отношения — субъектно-предикатные:

Nobody's shown me anything (57, 34).

She has passed the proof (8, 69).

She'd want to know all about it (54, 32).

They would find the way out (31, 23).

The diary's printed (26, 301).

She is a nice girl (42, 91).

Общее денотативное значение сопоставляемых специфических конституэнтов и нейтральных предложений, так же как и общность логико-синтаксических глубинных отношений, являются основой для того, чтобы рассматривать данные конструкции в плане их синонимичности.

На структурно-семантическом уровне при сопоставлении эллиптических специфических конституэнтов и нейтральных предложений обнаруживаются их структурные различия (стирание T del частей неполнозначных глаголов *sha, a, ha, i, di, doe, woul, shoul*).

Образование особых структурных типов специфических конституэнтов с усечением неполнозначных глаголов ('s, 'd, 'll) сопровождается изменением их семного содержания; появляются семы непринужденности, стилистической отмеченности, которые составляют содержание стилистического потенциала.

Итак, потенциальная способность единиц использоваться в качестве специфических конституэнтов появляется на структурно-семантическом уровне в результате T del неполнозначных глаголов. Структурная специфика и стилистический потенциал являются дифференциальными признаками специфических конституэнтов с усеченными глагольными формами.

Выявление дифференциальных признаков специфических конституэнтов на следующих уровнях глубины (лексико-семантическом и коммуникативном) составляет синтагматический план их изучения, т. е. имеет место переход от анализа лингвистической формы к анализу модели ее функционирования в разнообразных контекстах и ситуациях.

Изучение выведенных моделей специфических конституэнтов (усечение 'd, 's, 'll) на лексико-семантическом поверхностном уровне имеет целью проанализировать синтаксические связи между словоформами в границах предложения и синтаксические связи между предложением и его лингвистическим и экстралингвистическим макроконтекстами. Усеченные формы неполнозначных глаголов могут быть представлены в результате этого анализа как продукт синтаксических связей.

Анализ дистрибуции усеченных форм позволяет обнаружить закономерности их употребления. Наиболее распространенными в английской разговорной речи являются усеченные формы после личных местоимений. Например:

I'll go at once (26, 383).

She's the only one here (61, 77).

I'd rather not discuss fn on the phone (26, 289).

При этом эллиптируются не все неполнозначные глаголы, но лишь глагол *to be* в настоящем времени 's, 'm, 're, глагол *to have* в настоящем и прошедшем времени 've, 's, 'd, глаголы *shall, will* в настоящем и прошедшем времени 'll, 'd. Менее употребительными являются эллиптированные формы глаголов *did, does* в усечении 'd, 's.

Образование и употребление усеченных глагольных форм ве-

дет к увеличению омонимичных форм (омофонов и омографов) и сокращению общего числа используемых неполнозначных глаголов.

Так, глаголы *shall, will* дают общую усеченную форму 'll. Например:

I'll go to the country (31, 275).

She'll be too restless (26, 283).

Глаголы *had, would, should, did* дают одну усеченную форму 'd. Например:

I wish I'd known what he'd been thorough in the jungle (13, 60).

Where else'd she go (70, 90).

I'd closed the door and turned on the light (70, 90).

Глаголы *Has, is, does*, дают общую усеченную форму 's, т. е. образуются омографы, например:

They say he's reliable and very fair (26, 281).

What's she do at that time of the night in the garden? (67, 182).

He's just arrived at the station (59, 76).

Прослеженная система изменений дает возможность сделать выводы об общей тенденции в эллиптировании неполнозначных глаголов — унификации форм. Одним из возможных объяснений этого процесса эллиптирования является интерпретация под углом теории информации¹. Происходит увеличение информативности разговорных конструкций за счет устранения максимальной избыточности выражения без потери благодаря контекстному окружению надежности в передаче информации. Унифицированные формы неполнозначных глаголов облегчают процесс общения, так как убыстренный темп не дает возможности производить отбор используемых форм. Унифицированная общая для ряда временных форм эллиптическая конструкция оказывается наиболее удобной.

Нам представляется, что анализ синтаксических связей между предложениями с усеченными глагольными формами и их контекстным окружением позволит не только объяснить их появление, но и уточнить большую или меньшую употребительность одних типов усеченных форм и неупотребительность других. Метод субституции дает возможность восстановить полную форму при наличии усеченных и определить роль различных видов контекста: микроконтекста, лингвистического и экстралингвистического макроконтекстов в восстановлении ее грамматического значения.

¹ В этом плане объясняется образование усеченных форм неполнозначных глаголов в работах Л. С. Гоксадзе [65, 66], в нашей работе [195, 71—77].

Form's doomed — said Jule (26, 426).

The doctor's been summoned as witness (26, 234).

Здесь форма 's может обозначать полные формы is, has, does. Подстановка в каждый из приведенных примеров по очереди этих форм и использование в качестве указателя их отмеченности микроконтекста позволит выявить эллиптированную часть:

* Form (does) doomed.

* Form (has) doomed. Полученные конструкции не являются отмеченными: первое предложение не является грамматически правильным; во втором примере глагол doomed имеет пассивное значение, о чем свидетельствует микроконтекст — отсутствие после этого глагола прямого дополнения. При подстановке is анализ микроконтекста позволяет говорить об отмеченности предложения: Form (is) doomed. Подстановка во втором примере форм is, does дает неотмеченные предложения в границах микроконтекста:

* The doctor (is) been summoned as witness.

* The doctor (does) been summoned as witness.

Обе формы являются грамматически неправильными. Подстановка has дает отмеченную структуру в границах микроконтекста: The doctor (has) been summend. Была опущена часть перфектной формы в пассиве. В третьем примере подстановка is, has, дает неотмеченные предложения в границах микроконтекста:

* What (is) that mean?

* What (has) that mean? Подстановка does дает — отмеченное предложение: What does that mean?

В примере The country's too big при подстановке has и does получаются неотмеченные предложения, а при подстановке is — отмеченное предложение:

The country (is) too big.

В проанализированных примерах микроконтекст омонимичных форм (полных омонимов или омографов) оказался достаточным для выявления грамматического значения этих форм, т. е. эти формы являются микроконтекстно-восполнимыми. Усеченные формы неполнозначных глаголов, значение которых выявляется из микроконтекста, являются наиболее распространенными, так как легкость выявления их грамматического значения позволяет их использовать, не опасаясь частичной потери информации.

В тех случаях, когда микроконтекст оказывается недостаточным для истолкования омонимичной конструкции, ее восполнение происходит из макроконтекста. Так, при анализе омонимичной усеченной формы 'll shall/will для однозначного ее истолко-

вания необходим анализ экстралингвистического макроконтекста:

What'll you do with it, Con? — Shirly said (13, 331).

It's not religious people who'll matter (26, 432).

Подстановка форм shall и will в первом примере дает отмеченные структуры:

What (will) you do with it?

What (shall) you do with it?

Оба предложения выражают будущее время, но подстановка will вносит дополнительное модальное значение намерения. Знание экстралингвистического макроконтекста позволяет выбрать из двух омонимичных структур одну, т. е. добиться однозначного истолкования омонимичных конструкций. Экстралингвистический макроконтекст позволяет установить, что имелось в виду простое будущее.

Подстановка во второй пример обеих форм будущего времени Who (will) matter? Who (shall) matter? дает отмеченные конструкции. Лишь анализ лингвистического макроконтекста позволяет выбрать однозначную структуру who will matter, так как конструкция с shall, выражающая долженствование, противоречит общему содержанию данного эпизода. В этом примере речь идет о простом будущем, а не о долженствовании. Грамматическое значение 'll восстанавливается из микроконтекста; модальное содержание этой формы может быть выявлено при анализе экстралингвистического макроконтекста.

Анализ омонимичных усеченных форм 'd (had, should, would, did) путем использования метода субституции позволяет судить о роли различных компонентов контекста в их истолковании.

Maria; I was hoping he'd dance till his feet were dropping off (45, 18).

There'd been nothing else of importance (42, 19).

What'd you suspend her for? I took her out of the star part (67, 17).

Подстановка had (did) в первом примере дает неотмеченные конструкции:

* He (had) dance.

* He (did) dance till his feet.. Но отмеченными в границах микроконтекста оказываются обе конструкции, в которых были представлены формы будущего через прошедшее:

I was hoping he (would) dance till his feet...

I was hoping he (should) dance till his feet...

Выбор однозначной конструкции может быть осуществлен только при помощи экстралингвистического макроконтекста. Значение should, имеющее модальный оттенок следования, про-

творечит ситуации, поэтому единственно правильной является форма *would*, усеченным вариантом которой является *'d*, используемое в предложении.

И в этом примере грамматическое значение восстанавливается из макроконтекста. Макроконтекст оказывается необходимым для выявления дополнительных модальных оттенков.

Во втором из приведенных примеров мы обнаруживаем усеченную форму *'d*. Подстановка в этом примере *would*, *should*, *did* дает неотмеченные конструкции:

* *There (would) been nothing else of of importance.*

* *There (should) been nothing else; There (did) nothing else of importance.*

Поэтому можно утверждать, что однозначное истолкование этих форм происходит из микроконтекста, и единственной отмеченной конструкцией является: *There (had) been nothing else of importance*, в которую подставляется глагол *had*.

В примере *What'd you suspend her for?* при подстановке всех форм отмеченными оказываются *would*, *should*, *did*:

What (would, should, did) you suspend her for?

Анализ лингвистического макроконтекста предложения *I took her out of the star* позволяет определить, что речь идет о прошлом действии, а не о будущем. Невозможность выявления грамматического значения времени из лингвистического микроконтекста является причиной довольно редкого использования этой усеченной формы в современной английской разговорной речи. Возникнув в период после второй мировой войны (во всяком случае, эта закономерность была зафиксирована в художественной литературе послевоенного периода), эта форма не получила широкого распространения, что может быть объяснено двусмысленностью ее грамматического значения. Язык избегает бесконечной омонимии, и барьером в возникновении новых усеченных форм и распространении возникших является потеря ими грамматического значения.

Этой же закономерностью т. е. грамматической двусмысленностью возможных усеченных форм, объясняется отсутствие усеченных форм неполнозначного глагола *to be* в прошедшем времени (*was*, *were*). Возможные варианты усечения *'re*, *'s* были бы омонимичны усеченным формам глагола *to be* в настоящем времени: *'re*, *'s*. В примерах: *She was so sorry not to have been at the church*, *We were all there — even my brother* возможные формы усечения примут следующий вид: *She's so sorry not to have been at the church*, *We're not there — even my brother*.

В этих предложениях грамматическое значение прошедшего времени не может быть восстановлено из микроконтекста, и

важная часть информации окажется потерянной. Поэтому несмотря на общую тенденцию к эллиптированию, характеризующую английскую разговорную речь, глаголы was, were не могут быть использованы в усеченной форме. Отсутствие препятствий в микроконтекстном истолковании усеченной формы does-, 's объясняет рост ее употребления. Первые примеры использования этой формы в разговорной речи в художественных произведениях зафиксированы после второй мировой войны, но в настоящее время почти у всех современных писателей мы находим примеры использования 's (does), хотя она не завоевала еще широкого применения. Приведем примеры использования усеченной формы 's (does) различными современными писателями:

Charlie: He's got the card.

Harry: What's it say? (9, 28).

Charlie: Didn't like to look. What's he do, anyway? Jinnie asked casually (66, 43).

What's he want, Pip, what's he say? (75, 36).

Лингвистический и экстралингвистический макроконтексты могут использоваться при восстановлении лексического значения предложений с усеченными формами неполнозначных глаголов; грамматическое же значение должно восстанавливаться только из лингвистического микроконтекста, т. е. из ближайших связей эллиптических словоформ.

Aunt May's such a duck (26, 254).

В этом примере при подстановке has и is получатся отмеченные конструкции:

Aunt May (is) such a duck.

Aunt May (has) such a duck.

Анализ экстралингвистического макроконтекста показывает, что единственно правильным является первое предложение, так как речь идет о ласкательном назывании тетушки Мей голубушкой, душкой, а не о том, что тетушка владеет уткой.

Итак, на основе проведенных экспериментов субституции и дистрибутивного анализа контекстных связей можно сделать вывод о контекстной обусловленности специфических конституэнтов с усеченными глагольными формами. Анализ синтаксических связей слов на лексико-семантическом поверхностном уровне выявляет пределы эллиптирования неполнозначных глаголов: *невосстанавливаемость грамматического значения из микроконтекста является барьером в увеличении числа усеченных форм неполнозначных глаголов.* Образование омонимичных эллиптических форм не является безграничным; этой границей оказывается потеря грамматического значения усеченной формой глагола.

Особые дистрибутивные связи специфических конституэнтов с усеченными глагольными формами на лексико-семантическом поверхностном уровне синтаксической единицы являются дифференциальным признаком сопоставляемых синонимичных единиц.

На лексико-семантическом поверхностном уровне реализуется стилистический потенциал специфических конституэнтов с усеченными формами неполнозначных глаголов: выявляются стилистические коннотации небрежности, неофициальности, интимности.

Так, в примере из пьесы Дж. Пристли «The Linden Tree» небрежная, интимная беседа профессора и его жены характеризуется использованием усеченных форм неполнозначных глаголов:

Professor: I'm glad you're going... and we'll try to find some more help for the house.

Mrs. Linden: I'm not coming back (57, 64).

Усеченные формы неполнозначных глаголов характеризуют небрежную, сниженно-разговорную речь одного из персонажей пьесы Дж. Бриди «Meeting at Night»:

Flatt: I'm wondering whether you may not be a worse man that I thought. Why's this man suspicious of you? What's he suspect? (10, 70).

Усеченные формы неполнозначных глаголов мы встречаем в большом числе в сниженно-разговорной речи малограмотных героев О. Нила в пьесе «Anna Christie»:

So I'm driving you to drink, too, eh? I s'pose you want to get drunk so's you can forget — like him? She'll be living here in the states... and you'd be seeking her so often (52, 75).

Средством стилистической характеристики является употребление полных форм на фоне обычного использования усеченных.

Так, в романе Дж. Голсуорси «End of the Chapter» приводится диалог Динни с Хэллерсоном, который принес неприятности ее семье, несправедливо обвинив ее брата. Слова Динни — подчеркнуто вежливые, но резкие; речь Хэллерсона — вежливое оправдание. Официальность речи обоих персонажей делает ненужным использование средств выражения неофициальности — усеченных форм неполнозначных глаголов:

Thank you, but you are still my enemy. Hallerson put out hand, but she had drawn back. — Miss Cherrell, I am going to do all I can to remove the unpleasant impression you have of me. I am your humble servant (26, 234).

Воспроизведение образца научной речи в романе Д. Кьюзак

«Say „No” to Death» заставляет отказаться от присущих разговорной речи усеченных форм неполнозначных глаголов.

From what I could observe by examination I am afraid it is as you put it, quite bad. This is unfortunately an effusion. I am afraid I cannot give you any definite idea of when Miss Blackley will be fit to leave the Sanatorium (26, 178).

Изучение специфических конституэнтов разговорной речи с усеченными глагольными формами на коммуникативном уровне синтаксической единицы имеет целью выявить их дифференциальный признак при помощи методики актуального членения. М. Я. Блох считает, что «семантико-синтаксической функцией усечения внешней структуры при эллипсе является выделение ремы высказывания» [35, 58], т. е. эллиптируется только тематическая часть. Неполнозначные усеченные глагольные формы всегда являются тематической частью высказывания.

The purpose of the inquiry's clear (45, 23).

Rex: She'd wait to know all about it, and start worrying (57, 32).

Рема в вышеуказанных примерах смещена с неполнозначных глаголов на именную часть, выраженную прилагательным, существительным, личной формой глагола.

В тех случаях, когда в английской разговорной речи используется полная форма неполнозначного глагола, на нее падает ударение, и она оказывается смысловым центром высказывания, т. е. принадлежит реме. Так, использование полной формы в следующих примерах сигнализирует о рематическом характере высказывания:

Lily: You wouldn't mind if I did that, would you, mum?

Mrs. Holmes: You mean — take your money and just go.

Lily: It is my money (7, 23).

Использование полной формы *is* свидетельствует о реме высказывания, выраженной полной формой глагола.

Mrs. Linden: Well, it's quite hopeless here now.

Dinah: I don't believe it is hopeless at all (57, 38).

В этом примере вторая реплика — выделенное противоречие — содержит полную форму *is* в отличие от усеченной формы первой реплики. Смысловый центр высказывания — *is*, его рема.

I'll not bother you today.

You shall do it, I'm sure (64, 18).

Выделенное противоречие выражено полной формой глагола *shall*. Смысловый центр высказывания глагол *shall*, его рема.

I'd go and have a rest.

You should go and start working (13, 67).

Выделенное противоречие выражено полной формой глагола

should в отличие от усеченной формы первой реплики. Полная форма глагола should в противовес усеченной становится смысловым центром высказывания, его ремой.

Переход от усеченной формы в первой реплике, в которой неполнозначный глагол принадлежит к теме высказывания, ко второй реплике, в которой полная форма неполнозначного глагола сигнализирует о реме высказывания, сопровождается нарастанием коммуникативного динамизма. Например:

Jacko: She's a character, shouldn't say it she's my own daughter — but she is a real character (77, 44).

Marion: I've brought some photographs. You'll see.

Professor: of course I shall see (57, 21).

Одно и то же предложение в первой и второй репликах содержит усеченные и полные формы; полная форма сигнализирует о реме высказывания, усеченные формы первых реплик принадлежат к теме.

Таким образом, на коммуникативном уровне дифференциальным признаком специфических конституэнтов с усеченными глагольными формами является особое актуальное членение, которое заключается в том, что усеченные формы являются тематическим элементом высказывания; полная форма может быть коммуникативным центром высказывания, т. е. его ремой. Полная форма, которая используется по контрасту с усеченной, обычно обнаруживает нарастание коммуникативного динамизма.

Итак, поуровневое изучение специфических конституэнтов с усеченными глагольными формами в сопоставлении с неспецифическими нейтральными свидетельствует о наличии общих и дифференциальных признаков, на основании чего можно предположить существование синонимичных отношений между ними.

Рассматриваемые специфические конституэнты с усеченными глагольными формами и нейтральные конструкции обладают общим денотативным значением и общими логико-синтаксическими отношениями, т. е. теми признаками, которые свидетельствуют о синонимичной общности рассматриваемых конструкций. На структурно-семантическом уровне синтаксических единиц между данными специфическими конституэнтами и нейтральными инвариантами возникают различия, которые, однако, не нарушают общепринятых представлений о возможных различиях в границах синтаксической синонимии. На этом уровне при помощи трансформационного сопоставления обнаруживаются структурные различия, которые заключаются в усечении неполнозначных глаголов при сохранении структурной общности сопоставляемых конструкций. Структурные изменения у специфических конституэнтов приводят к семантическим измене-

ниям — появлению стилистического потенциала, т. е. потенциальных стилистических коннотаций.

На лексико-семантическом уровне сопоставляемых синтаксических единиц дифференциальным признаком специфических конституэнтв и нейтральных единиц являются тесные дистрибутивные связи специфических конституэнтв с микро- и макроконтекстами и отсутствие этих связей у нейтральных единиц. Дистрибутивный анализ синтаксических связей специфических конституэнтв с различными компонентами контекста и эксперимент субституции эллиптированных частей позволяют выявить границы образования омонимичных усеченных форм. Невозможность восстановить грамматическое значение из ближайшего окружения — микроконтекста — является барьером в увеличении числа специфических конституэнтв с усеченными глагольными формами. На этом же уровне реализуется стилистический потенциал и возникают конкретные коннотации.

Коммуникативной характеристикой специфических конституэнтв с усеченными глагольными формами является такое актуальное членение, при котором усеченная глагольная форма неизменно является тематическим элементом, в то время как полная форма неполнозначного глагола может быть коммуникативным центром высказывания, т. е. вводить новую информацию.

Описанная денотативная и логико-синтаксическая общность сопоставляемых синтаксических единиц и структурные, дистрибутивные и коммуникативные различия в границах этой общности являются признаками синтаксических стилистических синонимов.

§ 3. СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ СПЕЦИФИЧЕСКИХ КОНСТИТУЭНТОВ С ЭЛЛИПСОМ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

(единицы с опущенным подлежащим, подлежащим и глаголом-связкой и глаголом-связкой)

В связи с общей тенденцией к изучению реализации языковой модели в особых условиях ее функционирования, т. е. ставя цель представить «качественное своеобразие отдельных языковых построений» [175, 121], многие лингвисты проявили интерес к изучению структурных типов предложений, в которых выражены нулем подлежащее и части аналитической формы сказуемого, а иногда и то, и другое.

Н. П. Митрофанова [139], Ю. А. Гуляев [72] рассматривают особые разговорные конструкции с эллипсом подлежащего и части аналитической формы сказуемого. В работе Ю. А. Гуляева [72] и коллективном пособии Е. Я. Бобровой, Ю. А. Гуляева,

К. В. Смирновой, И. Б. Хлебниковой [37] все специфические структуры английской разговорной речи делятся на две группы: независимые структуры, зависимые структуры.

К независимым структурам, по мнению авторов, принадлежат синтаксические единицы, структура которых не зависит от ситуации, а обусловлена лингвистическим фактором и принципом экономии в языке. Зависимые структуры в соответствии с принятой классификацией — это такие коммуникативные типы, структура которых заранее предопределяется предыдущей репликой. К независимым структурам авторы причисляют восклицательные, вопросительные и побудительные предложения, к зависимым — реплики в границах диалогических единств: ответные реплики, переносы, повторы, подхваты.

Предложения типа: *Seems hard. Doesn't want to go there. Trying to find the way out*, если они не являются ответами на вопрос, вообще не нашли отражения в этой классификации. Их зависимость от лингвистического и экстралингвистического контекстов очевидна, хотя они могут не быть в составе диалогического единства и не предопределяться предыдущей репликой. По существу, термин «независимые структуры» в подсистеме английской разговорной речи искажает действительное положение вещей. Все специфические конститuentы английской разговорной речи обусловлены особыми условиями их функционирования и обнаруживают зависимость от разных видов контекста.

Образование специфических конститuentов с эллипсом подлежащего и глагола-связки как особый процесс редукции или элиминирования частей предложения рассматривают другие исследователи английского языка. У С. Н. Сыроваткина [191] аналитические глагольные формы с эллипсом частей (индефинитные, перфектные, длительные) рассматриваются как редуцированные лично-глагольные формы на трансформационном уровне. Ю. П. Зотов [95] считает образование предложений с эллипсом частей сказуемого явлением элиминации его частей слева. При этом автор отмечает определенную систему ограничений, действующую при элиминации частей сказуемого, которая заключается в том, что при деформации сказуемого слева элиминируется только первый вспомогательный глагол и наблюдается общее ограничение, запрещающее элиминировать этот глагол, если за ним следует перфектный инфинитив. Рассматривая тип эллипса подлежащего и глагола-связки как наиболее частотный в английском языке, К. А. Гузеева [71] исследует зависимость между возможностью эллипса словоформ в позициях подлежащего и связки и лексической наполняемостью словоформы в позиции предикативного члена.

Отсутствие словесных форм выражения подлежащего и связи, их редукция и эллиминация — таковы структурные характеристики изучаемого типа специфических конституэнтов, описанные советскими лингвистами.

В данном разделе рассматриваются стилистически отмеченные конструкции английской разговорной речи с эллипсом подлежащего и (или) глагола-связки, не входящие в синтаксическую единицу разговорной речи — диалогическое единство, — составные реплики которого нами будут изучаться позднее. Эти предложения не могут быть названы контекстно независимыми, но их контекстные связи исключают связи в границах диалогического единства, поэтому они должны изучаться в отдельном разделе как эллипс предложения, а не синтаксического целого.

Использование принятой нами методики системного анализа предполагает на первом этапе выявление общего и различного в эллиптических и полных предложениях в плане парадигматики.

На логико-синтаксическом уровне выявляются общие логико-синтаксические отношения между компонентами синтаксической структуры — субъектно-предикатные:

You speaking? (33, 174).

(You are speaking).

Been intersting (17, 67).

(It has been intersting).

Turning myself into Paul's mother (56, 15).

(I am turning myself into Paul's mother).

Общее денотативное значение сопоставляемых специфических предложений и нейтральных предложений, так же как и общность логико-синтаксических глубинных отношений, является основой для того, чтобы рассматривать данные конструкции в плане их синонимичности.

На структурно-семантическом уровне сопоставление эллиптических и полных предложений дает нам возможность выявить их структурные различия при трансформационной общности. Их структурные различия сводятся к Tdel отдельных элементов, принадлежащих к группе подлежащего и сказуемого. Например:

Well, mother, home at last (14, 52).

(Well, mother, you are at home at last).

Want to be alone? (57, 67).

(Do you want to be alone?)

Been dining with my people (72, 45).

(I have been dining with my people).

Seems to me, you've changed your tune a lot (52, 78).

(It seems to me you've changed your tune a lot).

Эллиптируются элементы: you are, do you, I have, it. Структурная дифференциация, возникающая на структурно-семантическом уровне, сопровождается семантической дифференциацией — появлением у эллиптических конструкций стилистического потенциала, который может реализоваться на лексико-семантическом поверхностном уровне как стилистическая отмеченность предложений.

В зависимости от эллиптируемой части специфические конститuentы с эллипсом в простом предложении можно разбить на четыре группы:

1. Эллиптические предложения с нулевым подлежащим.

Эти предложения обычно утвердительные или отрицательные по своей форме, сказуемое в них представлено в настоящем или прошедшем времени Present, Past, Indefinite, часто используются модальные глаголы can, must, may, should. Например: Sheppey: Seems funny you should be doing this if you understand what I mean (46, 86).

I'll tell you a secret. I've been drunk for years. Can't stand it all otherwise (61, 74).

Professor: Messy things, too, babies. Always will be (57, 61).

Frank: Should be a good party, Nora love (15, 29).

Время может быть представлено и настоящим совершенным, при этом вспомогательный глагол сохраняется лишь в тех случаях, когда неполнозначный глагол have сливается с усеченной формой отрицания not, становясь ритмически более полновесным и семантически более важным. Например:

Beckett: Well, how's it going?

Jlm: Haven't seen so much activity since the Coronation (5, 29).

Lady: Who is that well-dressed woman talking to Windermere?

Dumby: Haven't got the slightest idea! (73, 48).

What do you say?

Haven't done anything since that time (19, 54).

В утвердительных предложениях, в которых глагол стоит в настоящем совершенном времени, вместе с неполнозначным глаголом отбрасывается и вспомогательный глагол, что включает эти примеры в другой структурный тип. Усеченная форма отрицания not, придающая ритмическую полновесность вспомогательным глаголам, препятствует их эллиптированию. Например:

Mabel: Ronney hasn't said a word to me. Why?

Margaret: Doesn't want you bothered (22, 96).

Nell: Doesn't seem five months ago since she was running our errands. (77, 18).

2. Эллиптические предложения с нулевым подлежащим и нулевым неполнозначным глаголом to have, to be, to do.

Сказуемое в этом структурном типе обычно употребляется в длительном, совершенном и совершенно-длительном временах. Сказуемое в неопределенном времени встречается лишь как часть составного именного сказуемого или же в вопросительной форме. Подтип эллиптических предложений с двумя нулевыми членами обнаруживает следующие структурные разновидности:

а) утвердительные предложения с составным именным сказуемым:

You'll forgive a reminiscence. Glad of one (49, 32).

Always too late (62, 153).

Same man you've always known (56, 70).

Very different from you, of course (58, 54).

Jacko: Afraid you'll have West Indians getting promotion (77, 62).

б) утвердительные или вопросительные предложения, в которых сказуемое представлено аналитическими длительными, совершенными и совершенно-длительными формами:

Robin: Still telling them what an awful man their father is? (63, 51).

Christian: Yes, ha, ha. Was thinking some parts might be meadow land (17, 31).

Where's Ripton? Mariam: I don't know. Gone to look for the professor I think (61, 81).

John: Just been watching you play about with your blinds (55, 62).

3. Эллиптические предложения с нулевым подлежащим или предложения с нулевым подлежащим и неполнозначным глаголом + присоединительная часть-вопрос.

Эти предложения получили название разделительного вопроса. Их особенность заключается в том, что эллиптированные части представлены в самом предложении в присоединительной части — tag-part — разделительного вопроса. Эллипс в этом структурном типе представляется закономерным, так как удается избежать повторения одних и тех же слов в границах предложения.

Подстановка присоединительной части в позицию эллиптированной части иллюстрирует, что чаще всего tag-part может быть подставлена без изменения структуры предложения:

One of the qualities of a leader, isn't it? (65, 93).

Squeamish, aren't you? (54, 30).

Having a grand time, isn't she? (56, 12).

Ruined the whole of his design, haven't you? (11, 62).

Charlie: Started the old sulking stint, haven't we? (25, 13).

Иногда, однако, при подстановке требуются некоторые структурные преобразования:

Told you himself, didn't he? (61, 75).

Loved him for years, didn't she (65, 70).

Простая подстановка дает неотмеченные структуры:

* Didn't he told you himself.

*Didn't she loved him?

Прошедшее время должно быть заменено формой инфинитива.

4. Эллиптические предложения с нулевой формой неполнозначного глагола to have, to be, to do.

Эти предложения могут быть утвердительными и вопросительными по форме. Подлежащее может быть представлено как личными местоимениями, так и полнозначными существительными. Сказуемое может быть выражено настоящим неопределенным, длительным, перфектным и перфектно-длительным. Например:

Zoe: You been to the library (68, 48).

Another year gone; another birthday come again (51, 73).

I been lucky all my life (46, 30).

Old Man: Where you going? (77, 34).

Florry: You known dad long? (46, 64).

You seen your friends at last (73, 67).

Таковы структурные типы эллиптических предложений с нулевым подлежащим и глаголом-связкой, выделенные на структурно-семантическом уровне при сопоставлении с неэллиптическими. Описанные структурные типы обладают стилистическим потенциалом, что делает их специфическими конституэнтами английской разговорной речи.

При изучении выведенных моделей эллиптических предложений в синтагматическом плане на лексико-семантическом уровне выявляются синтаксические связи слов в границах предложения и синтаксические связи эллиптических предложений с различными компонентами контекста. Изучение синтаксических связей эллиптических предложений проводилось путем использования методики дистрибутивного анализа и эксперимента субституции, что позволило выявить особые контекстные связи эллиптических предложений в отличие от полных.

Использование метода субституции отсутствующих членов в эллиптических предложениях с последующим выявлением компонентов контекста, из которых могут быть восстановлены отсутствующие члены предложения, позволяет обнаружить следующие результаты.

Navis: We call it the Cat and Dog Court.

Jill: Sounds ever so exciting (5, 13).

Victor: We stow the tele away in the nursery.

Howard: Can't use that (29, 53).

В первом предложении с эллипсом второй собеседник оценивает высказывание первого. Нулевое подлежащее второй реплики соотносится со всем первым предложением, таким образом, субституция *it* происходит из макроконтраста. По существу, эта субституция приводит предложение к структурной полноте, но лексически *it*, как и нулевая форма, неоднозначно и черпает свое значение из макроконтраста. Наличие окончания *s* в сказуемом при нулевом подлежащем еще более сужает поиски его лексической соотнесенности, ограничивая формой 3-го лица.

Во втором примере субституция подлежащего происходит на основе анализа экстралингвистического макроконтраста (присутствие двух собеседников, каждый из которых говорит от своего имени). Нулевая форма так же, как и личное местоимение *I*, является неоднозначной без установления синтаксических связей с экстралингвистическим (или лингвистическим) макроконтрастом. В этом единстве соотнесенностей можно видеть общность синтаксических связей полных и эллиптических предложений. Их дифференциальным признаком является наличие структурно-семантических связей в эллиптических предложениях и только семантических в полном.

Метод дистрибутивного анализа и эксперимент субституции дают положительные результаты при выведении грамматического значения аналитической глагольной формы с опущенными частями. Например:

But I never knew he had so many friends.

All sorts of people calling at all hours (5, 39).

Подстановка в эллиптическое предложение всех возможных форм и установление отмеченных структур являются первым этапом субституции. При подстановке следующие структуры оказываются неотмеченными:

* All sorts of people (has) calling.

* All sorts of people (is) calling.

* All sorts of people (has, is) been calling.

Однако отмеченными при анализе микроконтраста оказываются предложения, в которых сказуемые выражены разными временами:

All sorts of people (are, were) calling.

All sorts of people (have, had been) calling.

All sorts of people (will, shall, should, would be) calling.

Микроконтраст в этих примерах не дает однозначного истолкования анализируемой конструкции во временном плане, поэтому естественным является прибегнуть к анализу макроконтраста.

Но грамматическое значение не может быть восстановлено из макроконтекста, так как правило согласования времен действует лишь в границах одного предложения, а время предшествующего предложения не помогает вскрыть невыраженное время последующего. Выраженность временной формы последующей или предшествующей реплики не дает возможности восстановить грамматическое значение аналитической формы с нулевым вспомогательным глаголом. Поэтому опускаются неполнозначные глаголы только в настоящем времени; неполнозначные глаголы в прошедшем и будущем времени не могут опускаться без частичной потери смысла.

Иллюстрацией этого положения является анализ нижеследующих примеров:

Yes, that's just what I do mean. You been doing the same thing all your life picking a new girl in every port (52, 87).
Подстановка в предложения форм is, are, was, were, shall, will дает неотмеченные предложения:

- * You (is, are) been doing the same thing.
- * You (was, were) been doing the same thing.
- * You (shall, will) been doing the same thing.

Но отмеченными оказываются все те предложения, в которых глагол have дан во всех временах:

You (shall, will, have, had) been doing the same thing.

Микроконтекст в этих примерах не дает однозначного истолкования анализируемых предложений во временном плане, поэтому можно утверждать, что грамматическое значение времени не может быть восстановлено как из микро-, так и макроконтекста. Неполнозначные глаголы отбрасываются лишь в тех случаях, когда временной момент не имеет определяющего значения, так как подчеркивается какая-либо *вневременная характеристика субъекта действия*, ясная уже при анализе микроконтекста.

Используя методику дистрибутивного анализа и эксперимент субституции в эллиптических предложениях с нулевым подлежащим и частью аналитической формы сказуемого, мы получили следующие результаты.

Arthur: Brought up here, of course. She doesn't notice it (51, 80).

Tony: She doesn't feel the cold?

В этом примере экстралингвистический макроконтекст дает возможность восстановить подлежащее эллиптических предложений; речь идет о Каролине, дочери одного из собеседников. Подстановка вместо нуля значимого подлежащего: Caroline (she) brought up here — ставит задачу субституции глагольных форм.

Подстановка всех возможных неполнозначных глаголов дает следующие неотмеченные конструкции:

- * Caroline (had) brought up here.
- * Caroline (will, shall) brought up here.
- * Caroline (would, should) brought up here.
- * Caroline (have, been) brought up here.

Однако анализ в границах микроконтекста не дает однозначного понимания; отмеченными оказываются многие предложения:

Caroline (is, was) brought up here.

Caroline (has been, had been) brought up here.

Caroline (will, shall be, would, should be) brought up here.

Здесь находит подтверждение ранее отмеченная закономерность: эллиптируются временные формы только в тех случаях, когда подчеркивается вневременная характеристика субъекта, для чего обычно служит форма настоящего времени (Каролина воспитана здесь).

Итак, анализ синтаксических связей нулевых форм в границах микроконтекста и макроконтекста свидетельствует о макроконтекстной связанности предложений с нулевой формой подлежащего и микроконтекстной связанности предложений с нулевой формой неполнозначного глагола.

Проведенный дистрибутивный анализ контекстного окружения нулевых форм характеризует их как продукт синтаксических связей с различными видами контекста, что является синтагматической характеристикой этих предложений на лексико-семантическом уровне. На лексико-семантическом поверхностном уровне происходит реализация стилистического потенциала этих конструкций, т. е. выявляются их стилистические коннотации.

Часто в английской разговорной речи встречается тип специфического конституэнта с опущенным личным местоимением I (присутствие обоих собеседников делает излишним их называние):

Sophia: Are you in love with him? Can't see myself marrying anyone else (14, 29).

Dinah: Daddy? Professor: Hello, Dinah. Thought, you'd gone to bed (54, 89).

Предложения с нулевым местоимением I имеют стилистические оттенки интимности, небрежности, неофициальности при их использовании в языке современных английских пьес и диалоге художественных произведений.

Опущение личного местоимения в нескольких предложениях подряд после предшествующего использования может объясняться определенными стилистическими целями — необходимостью сделать повествование более динамичным. Например:

After I recovered and was sent to the War House I began playing about with them. Made money. Made more money. Got in the know. Paid no taxes, don't forget. Lived well, but still piled it up (57, 56).

В этом примере каждое новое предложение начинается со сказуемого для того, чтобы добиться определенного стилистического эффекта — передать нарастание действия (быстрый темп послевоенной жизни и послевоенного обогащения на черном рынке).

Surrey: No, thanks. Just want a quiet word or two with you, then I'll be off. Dog tired. Can't rest properly on these long plane journeys (59, 16).

Здесь опущение личного местоимения I служит стилистическим целям: передается нервное напряжение, спешка героя, который произносит краткие вступительные предложения, чтобы сразу перейти к главному. В том случае, когда после личного местоимения I идет составное именное сказуемое или аналитическая форма глагола, вместе с личным местоимением опускается неполнозначный глагол:

Rex: Ready to walk into-even a man and wife on the premises. It's a wonderful boy (57, 41).

Victor: You aren't offended, old boy, are you?

Clive: No, interested, that's all (29, 6).

Однако в тех случаях, когда на вспомогательный глагол падает эмфатическое ударение, о чем можно судить на основании графических средств выражения эмфазы — выделения курсивом, он сохраняется несмотря на опущение местоимения, что усиливает эффект высказывания. Например:

Blanche: You look well. You look happy.

Kevin: Am happy (14, 18).

Is he here? Is he alive?

Is alive (42, 35).

Местоимение you употребляется в вопросительных предложениях (в обращении ко второму лицу). Один из собеседников обращается к другому с вопросом; лицо, к которому обращен вопрос, является очевидным, поэтому его излишне упоминать в вопросе. При опущении местоимения опускается и вспомогательный глагол, который по структурному типу предложения должен был бы занимать позицию перед местоимением:

Working down here? (15, 48).

Had any big bugs down to talk to you to-day? (7, 17).

Going away tomorrow? (10, 31).

You и следующий за ним вспомогательный глагол может опускаться и в утвердительных предложениях:

Jill: Always been the bloody same (11, 94).

Sneered at your stammer. Chap shouldn't do that (33, 196).

Стилистический потенциал эллиптических предложений с опущенным местоимением you реализуется как неофициальность, интимность, небрежность реплик. Третьим по частотности опущения является местоимение it, которое эллиптируется в различных функциях употребления. It личное опускается в тех случаях, когда в предшествующем предложении упомянуто существительное, структурным заместителем которого является it. Например:

Mrs. Erlynne: Lady Windermere, how beautifully your terrace is illuminated. Reminds me of Prince Gloria at Rome (76, 11).
She'd swallowed a lot of strong disinfectant. Burnt her inside out of course (60, 11).

It личное может также опускаться, когда оно используется для обобщения действия или представления, выраженных в предыдущем высказывании или ясных из ситуации:

Fowle: I couldn't always laugh.

Then she'd go under bubbling like a drowning woman. Made meals difficult (49, 28).

Kathie: The Union won't collapse if you leave it for once. Got to be done (77, 24).

В первом примере понятие «постоянная смешливость жены», обозначаемое во второй реплике it, представлено в первой реплике; во втором примере «профсоюзная работа, выполняемая героем пьесы», обозначенная во второй реплике it, выражена в лингвистическом предшествующем контексте. Особенно часто наблюдается опущение it вводного, указательного и безличного, так как в этой функции it настолько семантически опустошено, что необходимо лишь для структурной полноты. Характерные для разговорной речи эллиптические предложения с опущенным it обычно отличаются стилистическими коннотациями небрежности, непринужденности:

Sonney: Hard getting to know them — after that — all right (77, 19).

Good to learn the whole truth after all (55, 97).

Flatt: Looks as if my bird has flown. Did he leave any papers? (77, 31).

Остальные личные местоимения в функции подлежащего опускаются значительно реже и обычно только в тех случаях, когда предшествующая реплика (вопрос или утверждение) содержит понятие, структурным заместителем которого во второй реплике явились бы личные местоимения she, we, they, т. е. лексическое значение этих нулевых форм восстанавливается из лингвистического макроконтраста. Например:

Hector: I told you so. The Lawyer and my sister saw them... Said they seemed all right (10, 31).

Bill: You've got a devoted wife, haven't you? Keeps you well informed (55, 21).

Seems a nice lad to me (5, 31).

Стилистическое значение этих макроконтекстно-связанных эллиптических предложений может быть описано как небрежность, непринужденность.

Предложения с нулевыми подлежащими, в которых опущены *he, she, we, they*, могут использоваться в целях достижения стилистического эффекта. Так, в нижеследующем примере использование целого ряда глагольных предложений с отсутствующим подлежащим дает эффект быстрого нарастания действия:

Mrs. Cotton: But this is another one, Agnus, married to a baker. Saves tissue paper. Collects it and saves it. Goes miles for some. Smothers it out, irons it sometimes, and puts it away all nice (57, 76).

Использование эллиптических предложений без подлежащего широко распространено в характеристиках персонажей, где каждое предложение вносит новую черту в описываемый образ: наскоро добавляется новый штрих к его портрету:

She has every characteristic you might expect in someone. Brought up never to doubt she was well chosen. Drank homage with her mother's milk. Understands nothing with the air of authority. Plays the human game very skilfully (20, 50).

Andy: This is Neil Kavin, one of the finest young girls in the land; Fair of face and soft of hand. Known far and wide throughout the city. A maiden sweet and witty (15, 27).

Повторение подлежащего только замедлило бы нарастание черт, которые создают портретную характеристику действующего лица, поэтому используются менее громоздкие бесподлежащие предложения.

Таким образом, предложения с эллипсом подлежащего и (или) вспомогательного глагола приобретают стилистические коннотации на лексико-семантическом уровне, реализуя свой стилистический потенциал в форме стилистических оттенков интимности, небрежности, непринужденности, характеризующих английскую разговорную речь.

Актуальное членение как методика изучения коммуникативной специфики на коммуникативном уровне синтаксической единицы характеризует специфические конституэнты как обладающие особой структурной организацией. Обычно эллиптируется только тематическая часть, уже представленная в лингвистическом и экстралингвистическом макроконтекстах, т. е. специфиче-

ский конституэнт с эллипсом в простом предложении может содержать только рематическую часть, тем самым выделяя ее.

Mrs. Holmes: Don't take no notice of them. Just showing their ignorance (7, 18).

Nora: Staying home long? (15, 20).

В этих примерах специфические конституэнты с эллипсом подлежащего и (или) неполнозначного глагола содержат только рему высказывания, которая оказывается выделенной.

Специфические конституэнты с эллипсом только неполнозначного глагола, в которых сохраняется подлежащее в связи с его логической выделенностью, имеют особое актуальное членение:

Joyce: Yes, Chopin coming through some mysterious lighted windows. (58, 23).

Ormund: Anyone else staying here?

Farrant: Yes, professor of mathematics taking refuge over here (62, 102).

Эти предложения начинаются с ремы Chopin, anybody, professor, тема, выраженная неполнозначным глаголом, опускается, затем опять следует рема.

Специфические конституэнты с эллипсом только неполнозначного глагола, в которых подлежащее логически не выделено, имеют следующее актуальное членение:

Old Man: I seen it (77, 2). I been here too long (13, 318).

Mrs Miller: I never known a Cooper (46, 68).

Sheppey: I been reading it a lot this last week (46, 57).

Тема опускается только частично, а частично сохраняется в виде личного местоимения I, а затем следует рема.

Общая тенденция к сохранению ремы и эллиптированию темы — такова специфика актуального членения этого типа эллиптических предложений.

Проведенное системное исследование специфических конституэнтов английской разговорной речи с эллипсом подлежащего и (или) неполнозначного глагола свидетельствует о наличии общего денотативного значения и общих логико-синтаксических отношений между специфическими конституэнтами и нейтральными структурами, что дает основание предположить наличие синонимичных отношений.

На структурно-семантическом уровне специфические конституэнты и нейтральные конструкции при общей структурной основе обнаруживают структурные различия, которые выражаются в T del подлежащего и (или) неполнозначного глагола, а также семантические различия, которые заключаются в появлении у специфических конституэнтов стилистического потенциала.

На лексико-семантическом уровне анализ синтаксических связей стилистически отмеченных предложений с контекстным окружением обнаруживает тесные связи с микро-и лингвистическим макроконтекстами, это позволяет назвать их микро-и макроконтекстно связанными в отличие от нейтральных структур. Невозможность восстановления грамматического значения из микро-и макроконтекстов приводит к тому, что неполнозначные глаголы в глагольных формах отбрасываются лишь в тех случаях, когда речь идет о вневременной характеристике субъекта действия, таким образом, анализ синтаксических связей позволяет выявить и границы эллиптирования специфических конституэнтв.

На коммуникативном уровне актуальное членение специфических конституэнтв характеризуется эллипсом тематической части, уже представленной в лингвистическом и реже экстралингвистическом макроконтекстах, и сохранением ремы.

Общая денотативная и логико-синтаксическая основа специфических конституэнтв и нейтральных структур и структурные различия, не нарушающие структурной общности, а также семантические коннотативные различия, дистрибутивные и коммуникативные различия, позволяют говорить о наличии синонимичных отношений между специфическими конституэнтами и нейтральными единицами языка.

§ 4. СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ СПЕЦИФИЧЕСКИХ КОНСТИТУЭНТОВ С ЭЛЛИПСОМ В СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ (бессоюзные сложные предложения)

Бессоюзные сложные предложения как один из специфических конституэнтв английской разговорной речи будут изучаться в сопоставлении с союзными нейтральными сложными предложениями, как это принято в разработанной нами методике системного анализа.

Бессоюзные сложные предложения, так же как и специфические конституэнты с усеченными глагольными формами, встречаются и в других стилистических подсистемах языка, однако наибольшее распространение они получают в разговорной речи¹, поэтому можно утверждать, что они принадлежат к «специфической области разговорного подъязыка» [175, 307]. Лингвисты Ч. Барбер [224], С. Поттер [287], Дж. Мист [278], авторы тео-

¹ Сопоставительные данные использования бессоюзной и союзной связей в дополнительных предложениях в различных функциональных стилях, подтверждающие это положение, представлены, в частности, у А. К. Джаббаровва [81].

ретических и практических грамматик [89, 252] английского языка отмечают рост употребления бессоюзных сложных предложений в английской разговорной речи.

Некоторые исследователи сложноподчиненных предложений [81, 85, 101] выявляют использование бессоюзных типов в различных функциональных стилях и выводят структурные типы сложных предложений, в которых наблюдается бессоюзная связь (вводный характер главного предложения в бессоюзных сложноподчиненных с дополнительным придаточным и придаточным-подлежащим).

Английские лингвисты [224, 278, 287] называют бессоюзные предложения второстепенными (*collateral*) и считают, что в них имеется лишь смысловая связь частей и нет грамматических средств связи.

Л. П. Зайцева утверждает, что «понятия сочинения и подчинения не применимы к бессоюзным предложениям»; они применимы лишь там, где связь выражается союзами и союзными словами, так как эти специализированные грамматикализованные средства указывают на характер отношений» [91, 5]. Л. Л. Иофик так характеризует сложноподчиненное предложение в новоанглийском языке: «Доминирующим является основной структурный признак, подчинительная связь предикативных единиц, ибо наличие такой связи и влечет за собой возникновение остальных аспектов изучаемой грамматической формы» [99, 13].

Если наличие подчинительной связи влечет за собой использование других аспектов ее выражения, то переосмысление подчинительной связи должно привести к исчезновению средств ее выражения, в частности, союза *that*, призванного выражать подчинение. Образование бессоюзных сложных предложений и рост их употребления, отмечаемые большинством лингвистов, охватывают определенные структурные типы сложных предложений, что может объясняться особыми семантическими сдвигами в этих предложениях, приведшими к исчезновению в них подчинительных отношений.

Конструкции с эллипсом в сложном предложении будут изучаться на основе разработанной нами методики уровневого системного анализа в сопоставлении с нейтральными союзными предложениями.

Сопоставительное изучение специфических конститuentов и нейтральных союзных сложных предложений обнаруживает при общности денотативного значения общность логико-синтаксических отношений на логико-синтаксическом глубинном уровне. Логико-синтаксические отношения на этом уровне могут быть

описаны как детерминативно-субординативные и детерминативно-координативные:

It was by accident I heard you were passing through (55, 80).
(It was by accident that I heard that you were passing through).
That's something nobody can ever know (67, 6).
(That's something that nobody can ever knew).

На структурно-семантическом уровне в результате сопоставления бессоюзных сложных предложений и их нейтральных союзных вариантов при структурной общности выявляются трансформационные различия — Tdel связывающего компонента. Например:

I suppose it's true (64, 75).
It's good you understand everything (55, 123).
The point is you're wrong (60, 79).
I learned everything I wanted (27, 67).

Трансформационные изменения структуры предложения связаны с появлением у эллиптических сложных предложений стилистического потенциала. Бессоюзные сложные предложения в английской разговорной речи обнаруживают следующие структурные типы, определяющиеся схемой расположения основных компонентов в их составе:

1. Бессоюзное сложное предложение с определительными отношениями. Бессоюзное определение в сложных предложениях имеет характерные черты:

а) бессоюзный тип ограничивается лишь теми случаями, когда определяемое выражает объект действия придаточного предложения;

б) бессоюзное определительное предложение служит для уточнения широких по своему значению слов главных предложений, таких как *thing, one, everything, somebody, nobody, everybody, way, time, minute*, или слов, определяемых прилагательными в превосходной степени, которые требуют ограничения значения;

в) бессоюзное определительное предложение обычно следует после определяемого слова;

г) определительная часть в бессоюзных сложных предложениях является распространенной и характеризуется типизированностью структуры (подлежащее выражено личным местоимением, сказуемое ограничено определенными глаголами). Например:

Between the two of them, the one, I'm involved with and the one I haven't found, it looks pretty hopeless, though. (67, 103).
Is there anything I can send you? (67, 91).

That's something nobody can change (56, 87).

It's the most beautifully written book he's ever read (67, 27).

В сложноподчиненных предложениях с придаточным определительным, в которых относительное местоимение (that (who)) выступает в синтаксической функции подлежащего придаточного определительного, бессоюзная связь ограничивается такими случаями: на грани двух предложений в составе сложного ставится общее слово; главное предложение в составе сложного является нераспространенным и включает семантически неполнозначные обороты *there's, it's*, по своей семантике главное предложение эмфатически выделяет действующее лицо или предмет. Например:

Then there's my daughter wants to get married (46, 45).

But there's one of you needs to buck up his ideas, I shan't mention names (75, 65).

Here's someone else needs your attention, Giosetta (20, 76).

В лингвистической литературе высказывается мнение [283, 91], что предложения, построенные по типу апокойну, не являются живыми формами современного английского языка. Однако анализ пьес современных английских драматургов отмечает подобные предложения в английской разговорной речи в пьесах последних 20—25 лет.

2. Бессоюзные сложные предложения с дополнительными отношениями, в которых главное предложение представляет собой нераспространенную структуру с глаголами умственного восприятия в качестве сказуемого:

I think, you've got the wrong man (55, 49).

I feel I've never been out of it (20, 69).

I suppose it's true (64, 10).

3. Бессоюзные сложные предложения с придаточным-подлежащим, в которых главные предложения выражают оценку, типа *it's good, it's bad, it's true, it's strange, it's funny*:

It's funny you ask me that (66, 154).

It's strange she confirmed the evidence (71, 76).

It's good you understand everything (55, 18).

4. Бессоюзные сложные предложения с придаточным — предикативным членом, в которых главные предложения выражают субъективное отношение к высказанной мысли, типа: *the fact is, the point is, the thing is, the trouble is, the pity is*:

The point is he was no longer bored (56, 43).

The trouble is I've got it so bad (67, 156).

The thing is it gets so awfully hot here (55, 104).

5. Бессоюзные сложные предложения с придаточным след

ствия, в которых подлежащие главного и придаточного предложений выражены разными словами:

They laughed so much it was annoying (67, 42).

I never want to have an establishment of mine get so big you lose the personal touch (17, 15).

На лексико-семантическом уровне специфические конституэнты с эллипсом в сложном предложении обнаруживают синтаксические связи, которые свидетельствуют о переосмыслении отношений между компонентами сложного предложения по сравнению с отношениями в сложном нейтральном предложении.

А. М. Мухин [147] описал следующие синтаксические отношения между компонентами предложения: координативные, субординативные, интродуктивные, социативные, а также нулевые предикативные и социативно-предикативные. Отношения подчинения, или субординативные, характеризующие сложноподчиненные предложения, в стилистической подсистеме разговорной речи могут подвергнуться переосмыслению, замене другими синтаксическими отношениями. Непрерывное изменение языка, которое наиболее полно прослеживается в разговорной речи, приводит к распаду установившихся синтаксических связей, появлению новых форм и развитию переходных, что «приводит к всеобщему его обогащению, использованию его ресурсов различнейшего рода, а не к вытеснению одних форм другими и связанной с этим коренной перестройкой, что означало бы обеднение языка» [4, 4].

Тенденция синтаксического разрыхления (упрощения) принимает в бессоюзных сложных предложениях форму переосмысления субординативных отношений, в результате чего изменяется статус простых предложений в составе сложного. Изменение структурной организации синтаксических единиц — сложноподчиненных предложений — в результате переосмысления синтаксических связей, наблюдавшееся на материале русского языка его исследователями [40, 351; 98, 93], может быть прослежено в английской разговорной речи путем дистрибутивного анализа компонентов, расположенных по обе стороны от опущенной формы.

Анализ основных структурных типов бессоюзных сложных предложений в английской разговорной речи иллюстрирует общезыковую закономерность: грамматическое значение синтаксической единицы и ее формальное выражение тесно связаны. Изменение одной из составных частей приводит к упразднению другой. Исчезновение подчинительных отношений делает ненужным употребление формальных средств их выражения.

В определительных придаточных предложениях, которые

Т. А. Снегирева характеризует как «готовые модели частей предложения» [180, 148], наличествует типизированность структуры, предполагающая переосмысление обычных синтаксических отношений подчинения. Отношения подчинения, или субординативные, выражают одностороннюю зависимость одного предложения от другого или какого-либо компонента другого предложения.

He's done everything he can do (71, 78).

But I'm fed up with the way you carry on (15, 56).

It's the best job one can hope for (20, 32).

Между тем, в этих примерах наличие «потенциальной синтаксической валентности» [96] в словах *everything*, *way* и в словах, определяемых прилагательным в превосходной степени, делает невозможным отсечение определительных придаточных предложений, которые, по существу, теряют всякий смысл без определяемых слов. Таким же образом теряют смысловую завершенность и главные предложения, лишенные определений потенциально валентных слов. В отличие от односторонней зависимости, характерной для субординативных отношений, мы обнаруживаем двустороннюю зависимость, при которой оба компонента в равной степени предполагают друг друга. Двусторонняя связь между компонентами является социативной, а придаточное предложение, лишенное семантической и структурной самостоятельности, может рассматриваться как часть типизированных словосочетаний: *everything he can do*, *the way you carry on*, *the best job one can hope for*. Поэтому можно говорить о переосмыслении субординативных отношений между простыми предложениями в составе сложных в социативные. Использование относительного местоимения *that*, выражающего субординативные отношения, становится ненужным в связи с исчезновением самих отношений.

Сложноподчиненное предложение с придаточным определительным, в котором опускается относительное местоимение *that*, выступающее в синтаксической функции подлежащего (так называемые предложения, построенные по типу апокойну), обнаруживает общие процессы переосмысления подчинительных отношений в сложноподчиненном.

Оба простых предложения в подобных сложных предложениях обладают потенциальной синтаксической валентностью (они взаимозависимы):

It's their meeting made him change his mind (20, 78).

There's his son wants to see you (75, 23).

Это подтверждается экспериментом отсечения *It's their meeting: Made him change his mind. There's his son. Wants to see you.* Отношения двусторонней зависимости являются социативными, а в данных примерах социативно-предикативными, образующи-

ми простое предложение, осложненное элементами *it's, there's*. Относительное местоимение *that (who)*, выражающее подчинение, становится излишним в связи с переосмыслением субординативных отношений в социативно-предикативные. Имеет место синтаксическое явление поглощения главного предложения придаточным.

Аналогичные синтаксические процессы можно наблюдать в сложноподчиненных предложениях с дополнительными придаточными в английской разговорной речи. Наиболее распространенным типом бессоюзных сложных предложений с придаточным дополнительным является такой, в котором главное выражено словосочетаниями умственной деятельности:

I feel, I gather, I know, I imagine, I mean, I believe.

I gather he dropped it in the box without ringing the bell (64, 16).

And I imagine other people who knew her think so too (58, 50).

I take it I'm entitled to a little privacy of intention (74, 41).

По своей семантике главные предложения выражают субъективное отношение к рематической части, выраженной придаточным предложением. Выражается достоверность: *I know, I say, I take it*, предположительность: *I think, I believe, I suppose*, желательность: *I hope, I wish, I imagine, I desire*.

Об отсутствии субординативных синтаксических связей свидетельствует и свободное местоположение главного предложения:

It'd be a permanent thing, you know (15, 98).

It's right, I suppose (61, 98).

They've been together, I gather (7, 7).

Anything she can get, I think (58, 13).

We'll meet soon, I hope (7, 34).

При наличии же субординативной зависимости синтаксическая единица должна следовать за той, которая ею управляет. Таким образом, субординативные отношения между главными и придаточными предложениями в этих примерах переосмысливаются в интродуктивные, о чем свидетельствуют, кроме семантики главных предложений (выражение субъективного отношения к рематической части, отсутствие зависимости от какого-либо отдельного компонента другого предложения), использование в главных предложениях преимущественно формы настоящего времени и свободный порядок следования простых предложений в сложном. Переосмысление синтаксических отношений в составе сложного сопровождается переосмыслением статуса этих предложений. Главное предложение теряет свой ведущий характер, придаточное дополнительное может рассматриваться как главное в сложном предложении. Переосмысление синтаксиче-

ских отношений в сложноподчиненном предложении, замена субординативных отношений интродуктивными делают ненужным употребление союза *that*, выражающего подчинение.

Явление переосмысления субординативных отношений наблюдается в сложноподчиненных предложениях с придаточным подлежащим и предикативным членом. Бессоюзным становится, главным образом, такой структурный тип сложных предложений с придаточным подлежащим, в котором главное по своей семантике выражает субъективное отношение к рематической части, выраженной придаточным предложением: странно, хорошо, смешно, плохо. Например:

It's strange you know nothing (13, 96).

It's wonderful you agree to do this (51, 81).

It's ridiculous you admit this thing (70, 39).

It's bad they've not come in time (44, 14).

Субординативные отношения между предложениями в составе сложного переосмысляются в интродуктивные, которые устанавливаются между главным и придаточным предложениями. Союз *that*, призванный выражать субординативные отношения в сложноподчиненном, опускается при переосмыслении этих отношений.

Еще большая семантическая и структурная несамостоятельность главного предложения наблюдается в тех случаях, когда в нем опускается формальное подлежащее *it* и глагол-связка. Например:

Wonderful she's come to see us (71, 56).

Good you're here at last (71, 47).

Pity, she can't help me (11, 23).

Главные предложения *Good, Pity, Wonderful*, соединенные со вторым предложением интродуктивными отношениями, теряют свою предикативность. В этом случае можно говорить о «поглощении» главного предложения придаточным.

В сложноподчиненных предложениях с придаточным предикативным членом бессоюзные связи обнаруживаются также в особых структурных типах предложений:

The point is I can't change anything (44, 31).

The thing is you're not happy (65, 11).

The trouble is you won't follow my advice (17, 96).

Pity you didn't think about it before (50, 76).

Главные предложения в этих сложных по своей семантике выражают субъективное отношение к высказываемой в рематической части мысли: подчеркивается беспристрастная констатация факта — *the point is, the thing is*, или выражается нежелательность совершающегося — *the trouble is, pity is*. Субординативные связи, предполагающие зависимость придаточного пред-

ложения от главного, в связи с отсутствием этой зависимости переосмысливаются в интродуктивные, а семантически опустошенный союз *that* опускается.

Еще бóльшая структурная и семантическая самостоятельность главного предложения наблюдается в тех случаях, когда в нем опускается глагол-связка. Например:

Only thing he rather implied you led him on. (62, 54).

The trouble about it, nobody believes him (17, 9).

The funny thing about it he doesn't care a bit (17, 75).

Словосочетания *only thing*, *the funny thing*, *the trouble*, потерявшие свою предикативность, поглощаются главными предложениями (явление, отмечавшееся при анализе придаточных предложений-подлежащих).

Смысловая законченность главных предложений в сложно-подчиненных с придаточным следствия объясняет редкие случаи опущения союза *that* в этих примерах:

Once she lost two hundred dollars and was so upset I thought I was I going to lose her (67, 224).

She grew so tired we had to stay for the night (17, 65).

She cried so bitterly I felt for her (17, 64).

Наличие коррелята *so*, который является знаком структурной незаконченности главного предложения, и смысловая завершенность главного предложения сохраняют субординативные отношения в сложных предложениях с придаточным следствия. Сохранение субординативных отношений делает необходимым использовать средство выражения субординации — союз *that*.

Итак, изучение синтаксических связей словоформ в границах сложного предложения на лексико-семантическом уровне синтаксической единицы позволяет обнаружить особые процессы в сложноподчиненных предложениях, которые заключаются в переосмыслении субординативных отношений в социативные, социативно-предикативные и интродуктивные, изменении статуса предложений в составе сложных и даже поглощении главных придаточными предложениями. Результатом изменения структурной организации сложных предложений и утраты подчинительных отношений является опущение союза *that*, призванного выражать отношения подчинения. Процессы переосмысления синтаксических отношений в сложных находятся в разных стадиях своего протекания, сложноподчиненные предложения обнаруживают разную степень изменения своей структурной организации, о чем свидетельствует и различная частотность опущения формального показателя выражения подчинения союза *that*.

В целях изучения широты распространения изученных структурных типов определительных и дополнительных придаточных

предложений мы выписали примеры из тысячи страниц текста современных английских пьес и произвели подсчет бессоюзных и союзных предложений указанных типов. Сплошная выборка и подсчет дали следующие результаты: дополнительных — 765 бессоюзных, 24 союзных; определительных — 689 бессоюзных и 31 союзное. Бессоюзные определительные и дополнительные предложения становятся нормой английской разговорной речи, а союзные предложения могут быть названы предложениями вторичной полноты [34, 18], используемыми в стилистических целях.

Сплошная выборка и подсчет использования бессоюзных придаточных предложений подлежащих, предикативных членов и следственных дали следующие результаты: на тысяче страниц текста современных пьес отмечено 134 бессоюзных предложения подлежащих и 100 союзных, 102 бессоюзных придаточных предложения предикативных членов и 93 союзных, 28 придаточных предложений следствия бессоюзных и 63 союзных.

В отличие от определительных и дополнительных придаточных предложений, которые почти полностью стали бессоюзными, придаточные предложения подлежащие, предикативные члены и следствия обнаруживают тенденцию к опущению союза *that*, однако опущение еще не стало нормой их функционирования в английской разговорной речи. Использование союза *that* в определительных и дополнительных предложениях, так называемая вторичная полнота, по словам М. Я. Блоха [34], служит целям выражения определенной экспрессии. Так, подчеркнутая манера высказывания характеризует следующие примеры, о чем свидетельствует и отсутствие других форм эллипса:

Stella: Yes, I am very sorry that Mr. Goyd has had to put up with all this anyway (14, 75).

I don't mind any more that she is a liar (67, 102).

She is sure that you have made the greatest mistake (10, 64).

Употребление *that* в этих примерах служит целям экспрессии: реплики произносятся в подчеркнуто замедленной манере, чтобы добиться большого впечатления от сказанного, подчеркнуть какую-либо мысль. Стилистический потенциал бессоюзных сложноподчиненных предложений реализуется на лексико-семантическом уровне синтаксической единицы как стилистические коннотации непринужденности, неофициальности, интимности, использование в разговорных текстах союзных сложноподчиненных предложений может служить целям экспрессии.

Изучение актуального членения специфических конституэнтов с эллипсом в сложном предложении выявляет особые сред-

ства выражения коммуникативной установки, отличные от членения союзных предложений.

В бессоюзных сложных предложениях с придаточным дополнительным, подлежащим и предикативным членом, в которых главное предложение выражает субъективное отношение к мысли, выраженной в придаточном, рематической частью оказывается придаточное предложение, в котором представлено то новое, что призвано сообщить данное предложение. Например:

I say I'm dying (67, 110).

I mean you mustn't mind if it seems rather brusque odd (62, 10).

It's good he doesn't mind to come back (66, 53).

The fact is everything is all right (66, 34).

Придаточные предложения в таких сложных выражают новую информацию, между тем в полных предложениях рематическая часть оказывается распределенной между главным и придаточным предложениями. Например:

It's been a great blow to me you haven't been able to follow me in my business (47, 343).

It's not my fault that the world's name is Hazard (20, 70).

Colonel: It's very pleasant to know that at least one of 'em is still alive and hasn't forgotten us (58, 11).

В бессоюзных сложных предложениях с определительным придаточным рема оказывается в главном предложении, тематической частью является придаточное:

It's one of the best riddles I've heard though (66, 11).

You can borrow all you want any time you want to (71, 96).

It's the happiest time she had (71, 45).

Постановка в предложениях подобного типа союза that перед определительным предложением изменяет его смысловое членение: that подчеркивается, поэтому придаточное предложение становится рематическим, таким образом, рема содержится как в главном, так и придаточном предложениях:

It is understood by everybody — certainly by everybody in New-York — that you have gone the distance and no longer care who knows it. (6, 37).

Рема в рассмотренных выше союзных сложноподчиненных предложениях распределяется между главным и придаточным определительным, охватывая информативную часть обоих предложений.

Специфика актуального членения бессоюзных сложноподчиненных предложений в отличие от союзных, таким образом, заключается в том, что ремой высказывания становится одно из простых предложений в составе сложного, в котором представлена новая информация. В бессоюзных сложноподчиненных

с придаточным дополнительным, подлежащим и предикативным членом рематической частью оказывается придаточное предложение, передающее новую информацию, а главное выражает лишь субъективное отношение говорящего к предлагаемой информации и может рассматриваться как тема. В бессоюзных сложных предложениях с придаточным определительным рематической частью, несущей новую информацию, оказывается главное предложение, а придаточное содержит тему, выражая дополнительную информацию.

Итак, на основании проведенного исследования можно утверждать, что бессоюзные сложные предложения и их союзные инварианты характеризуются общим денотативным значением и общими логико-синтаксическими глубинными отношениями, на основании чего можно предполагать существование между ними синонимичных отношений.

Сопоставительное изучение этих синтаксических единиц на структурно-семантическом уровне свидетельствует о трансформационных изменениях *T del that*, не нарушающих их структурной общности, семантической дифференциации — появлении у бессоюзных сложных предложений стилистического потенциала, т. е. потенциальной способности использования в качестве специфических конstituэнтов подсистемы английской разговорной речи.

Дистрибутивный анализ компонентов, расположенных по обе стороны от опущенной формы, на лексико-семантическом уровне свидетельствует о переосмыслении субординативных отношений между частями бессоюзных сложных предложений в социативные, социативно-предикативные и интродуктивные, что приводит к изменению статуса предложений в составе сложных и даже поглощению главных придаточными предложениями. Опущение союза *that*, призванного выражать отношения подчинения, является результатом описанных процессов, приведших к изменению структурной организации сложноподчиненных предложений. Различие синтаксических связей между компонентами бессоюзных и союзных сложных предложений является дифференциальным признаком специфических конstituэнтов на лексико-семантическом уровне. На этом же уровне реализуется стилистический потенциал специфических конstituэнтов как коннотации небрежности, непринужденности, интимности.

Изучение коммуникативной направленности специфических конstituэнтов с эллипсом в сложном предложении свидетельствует об их особом актуальном членении, отличном от актуального членения полных союзных предложений. В бессоюзных предложениях изучаемых структурных типов рематическая часть

сосредоточена в главном или придаточном предложениях, в союзных распределена между главным и придаточным. Специфические конституэнты — бессоюзные предложения и союзные сложные предложения — обладают денотативной общностью и логико-синтаксической общностью, структурными различиями в рамках структурной общности (Т del союза that у бессоюзных сложных предложений) и дифференциальными признаками: различными синтаксическими связями простых предложений в сложном, различным актуальным членением, наличием стилистических коннотаций у бессоюзных сложных предложений и их отсутствием у союзных нейтральных предложений, из чего можно сделать вывод о том, что рассматриваемые синтаксические единицы являются стилистическими синонимами.

§ 5. СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ СПЕЦИФИЧЕСКИХ КОНСТИТУЭНТОВ С ЭЛЛИПСОМ В СИНТАКСИЧЕСКОМ ЦЕЛОМ (диалогическое единство)

Непосредственный характер общения как один из важнейших экстралингвистических признаков английской разговорной речи предполагает диалогическую форму общения, поэтому при изучении разговорной речи обязательным является описание особенностей построения диалога. Одной из единиц синтаксиса, возникших в результате воздействия внешних условий на нейтральную синтаксическую единицу — синтаксическое целое, является диалогическое единство. По общей принятой нами методике изучение диалогического единства будет проводиться путем сопоставления с нейтральной единицей — синтаксическим целым, чтобы выявить то общее, что характеризует взаимосвязанную единицу книжной речи, наиболее приближенную к нейтральной сфере языка, и ее структурное видоизменение в специфических условиях английской разговорной речи, и обнаружить дифференциальные признаки. Синтаксическое целое как единица синтаксиса была впервые описана Н. С. Поспеловым, который подчеркивал «замкнутую синтаксическую структуру и законченную мысль высказывающего» [157, 47]. В работах Н. А. Кобриной [106], А. М. Мальцевской [131], Т. С. Рядновой [168] выявляются грамматические средства выражения синтаксической взаимосвязи предложений синтаксического целого. Как каждая из рассмотренных ранее единиц синтаксиса, синтаксическое целое в процессе функционирования может изменить свою формальную организацию и наращивать семантическую нагрузку определенными коннотациями в зависимости от стилистических подсистем, в которых она используется.

Использование синтаксического целого в специфических условиях английской разговорной речи привело к изменению его формальной организации. Особенности формальной организации синтаксического целого, вызванные определенными лингвистическими и экстралингвистическими факторами его функционирования, изучались в работах зарубежных и советских лингвистов. Н. Фрэнсис [248], Ч. Фриз [250], З. Хэррис [257], Р. Зэндворт [311] обнаружили особенности строения предложений в английской разговорной речи в зависимости от их положения в контекстном окружении и описали средства взаимосвязи этих предложений: нулевые сигналы связи и функциональные слова. Р. Карлсен [264] описал соединяющее опущение — эллипс — как средство выражения позиционной зависимости и перечислил грамматические показатели позиционной зависимости. И. В. Глаголев [62] приходит к выводу, что спаянность предложений диалога создается благодаря наличию перекрещивающихся сенсем. Совмещение грамматических, лексико-грамматических и лексических средств связи предложений обуславливает прочный текстовый блок речевого потока. М. Шубигер [298] причисляет интонацию к средствам связи предложений в диалогическое единство.

Изучение диалогической речи ряда языков позволяет выявить основные средства выражения взаимосвязи. Наиболее распространенным средством, характеризующим реплики в потоке речи, является структура самих реплик — их эллиптический характер, затем — интонация и лексико-грамматические показатели.

Диалогическое единство, впервые описанное на материале русской разговорной речи М. Л. Михлиной [143], Н. Ю. Шведовой [208], характеризуется как высказывания диалога, которые естественно порождаются одно другим в процессе разговора и объединяются друг с другом определенными синтаксическими связями. У. С. С. Беркнера [31] конкретизируются синтаксические средства связи между репликами диалогического единства: структурно-семантическая связь реплик, экспрессивность их формы и эмоциональная окрашенность содержания. Г. А. Вейхман [48] считает типизированность в виде определенной модели формой синтаксической связи между репликами диалога. У нас [193] рассматриваются такие синтаксические связи реплик, как изменение конструкции последующей реплики в диалогическом единстве и структурные сигналы связи во второй реплике диалогического единства.

Итак, в работах советских и зарубежных лингвистов диалогическое единство характеризуется как высказывания диалога,

которые естественно порождают друг друга и обладают семантическими особенностями — порождением одной реплики другой, структурными особенностями — эллиптированием второй реплики, синтаксическими связями — наличием во второй реплике структурных сигналов связей, типизированностью общей модели реплик диалогического единства.

Диалогические единства бывают вопросно-ответные. Особенности структурных изменений ответных реплик под влиянием строения предшествующих вопросительных даны в работах П. А. Афанасьева [18], Г. В. Беркаша [30], И. Б. Васильевой [47], В. Л. Ежовой [87]. Исследователи утверждают, что вопросительные структуры типизированы в качестве ситуативных и контекстуальных вариантов вопросительного предложения, а ответные являются позиционно обусловленными и вызываются характером предшествующего вопроса. Е. Я. Боброва [36] считает синтаксической нормой ответного предложения одночленную структуру. Л. М. Михайлов [140] называет вопросительное слово словом «икс», определяющим ответное предложение. Оно может быть по своей структуре и синтаксической функции субстантивным, адъективным, партиципным и инфинитивным. Г. В. Валимова [42] рассматривает вопросно-ответное парное единство, соединенное синтаксическими связями и лексическими связями, при этом позиционная и смысловая зависимости приводят к эллиптическому характеру ответного предложения. В вопросительно-ответной форме диалогического единства наблюдается структурная специфика, которая обуславливается семантико-синтаксическими связями внутри этого единства.

Диалогические единства бывают состоящими из утвердительной реплики с последующим добавлением в форме утверждения или вопроса. Исследователи русской разговорной речи Г. И. Винокур [51], Т. Г. Винокур [52], М. К. Милых [138], М. Л. Михлина [143], Н. Ю. Шведова [208] изучают лексико-синтаксические связи между репликами этого коммуникативного типа как повторение одного и того же слова или группы слов первой реплики во второй, восполнение состава предыдущей реплики, а также выявляют семантические отношения между двумя репликами: смысловое продолжение первой реплики во второй. На материале английского языка случаи синтаксического продолжения предшествующей реплики — реплики-подхваты — описаны у С. С. Беркнера [31], а случаи «разрыва» единой конструкции предложения между репликами двух или нескольких собеседников представлены в нашей работе [193]. На материале французского языка случаи синтаксического продолжения предшествующей реплики — подхваты и повторы — описаны у В. В. Се-

дова [169]. Следовательно, с точки зрения коммуникативного состава были выделены три типа диалогических единств: вопросно-ответные единства; единства, представленные двумя утверждениями; единства, представленные утверждением-вопросом. Сопоставительное изучение диалогического единства и синтаксического целого будет проводиться нами на основе многоуровневого анализа, чтобы добиться всестороннего описания семантико-структурных и коммуникативных общих и дифференциальных признаков этих единиц. Диалогическое единство и синтаксическое целое как синтаксические единицы, обладающие общим денотативным значением, на логико-семантическом глубинном уровне выявляют детерминативно-координативные, детерминативно-субординативные и детерминативно-коррелятивные отношения, общие в этих единицах.

В вопросно-ответных репликах прослеживается корреляция между вопросительным словом и второй репликой:

How did you do it?

By persuasion, I suppose (65, 111).

Hester: Why do you say that?

Miller: Because I seem to have become the embodiment of his conscience (64, 37).

How did you reach the station.

By walking along the road for an hour (66, 71).

Детерминативная корреляция связывает и предложения синтаксического целого:

He came to the station later, and he couldn't find anybody there either (8, 19).

They planned their help the next month and the woman thanked them for it (30, 80).

В единствах утверждение — утверждение и утверждение — вопрос обнаруживаются детерминативно-координативные и детерминативно-субординативные отношения:

I am asking you to tell me.

And I want you to forget it (15, 67).

He is busy till tomorrow.

But I can't wait so long (36, 230).

He should be over Montazas by now.

Unless he's delayed (22, 108).

It's part of my work.

At which you are such an expert (41, 77).

Вторая реплика расширяет содержание первой, будучи детерминирована ею, вводя факторы, добавляющие к ее содержанию или препятствующие осуществлению действия первой. Эти глубинные отношения можно проследить в синтаксическом целом:

His shortsleeves were rolled up, too, and his brown arms were bare to his elbows. Neither did he wear anything more on his head than his own crisply-curling dark hair (18, 23).

На структурно-семантическом уровне синтаксической единицы сопоставление диалогического единства и нейтральной единицы — синтаксического целого — обнаруживает трансформационные различия в рамках структурной общности (стирание T del тематической части, уже выраженной в первой реплике). Например:

Would you want the reports weekly or would you only to receive the finished enquire?

Weekly (I would want the reports) (34, 22).

How can I thank you?

By staying friends (You can thank me) (4, 329).

Country's over-populated — said Soames grimly.

By the wrong sort (Country is over-populated) (24, 49).

Во второй реплике диалогических единств подвергается T del часть второй реплики, уже выраженная в первой (представленная в наших примерах в скобках).

Наряду с изменением структуры диалогического единства — стиранием тематической части — меняется его стилистическая заряженность. Диалогическое единство на структурно-семантическом уровне становится потенциально стилистически заряженным, т. е. приобретает стилистический потенциал. Структурная дифференциация в рамках структурной общности и стилистический потенциал выступают дифференциальными признаками сопоставляемых синтаксических единиц.

При изучении диалогического единства на лексико-семантическом уровне выявляются специфические синтаксические связи между компонентами диалогического единства как их дифференциальный признак.

Во второй реплике могут повторяться слова первой с целью подтверждения мысли, выраженной в первой реплике, или согласия с нею (или синонимичные с ними слова, а также словосочетания). Повторяющиеся слова могут сопровождаться уточняющими словами или вопросительными местоимениями. Но структурным стержнем второй реплики, осуществляющим синтаксическую связь с первой, являются повторяющиеся слова. Поэтому можно говорить о синтаксических отношениях повторения:

— Isn't it monstrous to leave her in this fashion?

— Monstrous (45, 64).

Did he ever speak to you about a cheque?

- Never (22, 27).
- Will you be paid?
- Underpaid, but enough (3, 153).

Во второй реплике диалогического единства повторяются слова первой в сопровождении вопросительных слов или уточняющих слов в целях выяснения непонятой первой реплики, требующей объяснения. В этом случае третий компонент диалогического единства обычно содержит требуемое разъяснение. Например:

- How long has it been going on?
- How long has what been going on?
- In the old days he hardly touched alcohol (64, 39).

Joyce: But I stopped playing because I couldn't stand it any longer.

Philip: Couldn't stand what?

Joyce: Couldn't stand the sight of you there (56, 30).

Dr. Görtler: They weren't dreams. They were actual memories.

Farrant: Memories of what?

Dr. Görtler: Of past cycles of my own life (62, 146).

Повторение компонентов первой реплики во второй является одной из форм выражения синтаксических связей между репликами.

Следующей формой выражения синтаксических связей между репликами диалогического единства является корреляция между компонентами первой и второй реплик. Одной из наиболее распространенных форм корреляции в диалогическом единстве является корреляция между вопросительным словом первой реплики и всей второй репликой. Вопросительное слово *what* обычно коррелирует со словом, словосочетанием или предложением, начинающимся союзом *that*. Например:

Collyer: What shall the toast be?

Hester: The future, I suppose (64, 55).

— What are these marks?

— The scars of an accident, sir? (65, 9).

Частным случаем является корреляция с инфинитивными конструкциями:

— What are you trying to tell me, Jean Pierre?

— To take care — he said (39, 179).

— What have you come for?

— To discuss things (23, 73).

В случаях вопросительных предложений первой реплики, начинающихся с вопросительного слова *what*, корреляция бывает двойной. Вторая реплика коррелирует не только с вопросительным словом *what*, но и с широким по своему значению словом

to do. Во второй реплике сказуемое обычно повторяет форму глагола to do¹.

Примеры двойной корреляции иллюстрируют сущность этого специфического явления английской разговорной речи:

- What have you been doing all this time?
- Watching the preparations down in the square (20, 10).
- What's he doing?
- Nodding and smiling (19, 27).
- What did he come into this thing to do?
- To find place (65, 30).
- What am I going to do?
- Just come and live with you? (15, 99).

В явлении двойной корреляции обнаруживаются тесные синтаксические связи между двумя репликами в диалогическом единстве, когда вторая реплика повторяет структуру первой.

Вопросительное слово what может коррелировать со всей второй репликой, структурным стержнем которой выступает все предложение, вводимое союзом that.

- What were you going to suggest?
- That you restore one of the pictures (39, 48).
- What do you think of our rural pleasures?
- That they are very much like the rural pleasures I have known all my life (39, 199).
- What do you plan to decide?
- That I should leave the city at once (64, 18).

Вопросительное слово when первой реплики может коррелировать со словом, словосочетанием или с придаточным предложением, вводимым союзом when:

- When's her husband coming on leave from India?
- At the end of the month (56, 34).

Frank: When are you going to start acting your age?

Kit: When Nelson gets his eye back (15, 22).

Вопросительное слово where первой реплики может коррелировать со словом, словосочетанием, характеризующими место действия:

Mrs. Ellis: Where are you going?

— Jean: Out (71, 16).

— Where were you at school?

— Oxford High School, sir (65, 13).

Корреляция where может наблюдаться и со словами, в ко-

¹ Это явление получило в нашей кандидатской диссертации название «синтаксическое согласование» [193]. Данный термин имеет тот недостаток, что нарушается привычное представление о согласовании как о морфологическом явлении, поэтому он был заменен термином «двойная корреляция».

торых вместо места действия представлена характеристика самого действия: характеристика действия по своей семантике включает и место действия. Например:

— Where is everybody?

— Working (15, 14).

Vivie: Where did you get it?

Frank: Gambling, Viv, gambling (69, 155).

— Where's daddo?

— Opening up the **Palazzo** (20, 7).

Во всех приведенных выше примерах характер занятия действующих лиц предполагает, хотя обычно лишь в общем виде, место, где протекало действие. Характеристика действия во второй реплике диалогического единства обычно выражена *ing* формой.

Вопросительное слово *why* первой реплики обычно коррелирует с придаточным предложением, вводимым *because*, выражающим причину действия:

— Why do you always want to denigrate yourself?

— Because I'm afraid beneath my arrogance (39, 252).

— Why have you done this shameful thing?

— Because I can't put up with their life (41, 109).

Вопросительное слово *why* первой реплики может коррелировать с инфинитивным словосочетанием только в том случае, когда речь идет о цели действия. Например:

— Why did you go to this place in Buckinghamshire?

— To have a meal with some friends (65, 15).

Emperor: Why did you come here?

Phanodes: To see you (27, 75).

Вопросительные слова *how*, *how much*, *how many* первой реплики обычно коррелируют со словами и словосочетаниями, выражающими обстоятельство образа действия. Например:

— How did you greet her?

— Coldly (63, 45).

— How much did that boy tell you on the telephone?

— Enough to spare you the necessity of lying to me (64, 16).

Частными являются случаи корреляции вопросительного слова первой реплики диалогического единства *how* со второй репликой, выраженной герундиальным оборотом или придаточным предложением. Например:

— How could I?

— By going to bed (63, 75).

— But how could you do that?

— Simply by moving myself to Mermoz (39, 178).

And how would you have answered that?

By agreeing with you, I suppose (64, 42).

Таким образом, корреляция элементов первой и второй реплики является формой выражения синтаксических связей между репликами. Корреляция вопросно-ответных реплик является наиболее характерной для диалогического единства. Корреляция местоименных и существительных, наречий и числительных, характерная для синтаксических целых¹, также распространена как средство связи диалогического единства.

Connie: I cried like a cow, though I hate cats.

Hector: I don't like them either (10, 7).

Mary: Somebody has got to do something.

Victor: That's what I thought when I went out to the garage (29, 69).

Connie: You didn't tell me.

George: I was going to (10, 30).

В примерах выделены коррелирующие элементы двух реплик.

Следующим средством связи реплик диалогического единства является моделирование его компонентов. Реплики двух собеседников в составе диалогического единства могут строиться так, что вместе составляют простое или сложное предложение. Такое построение реплик связывает их единством модели, и синтаксические связи между компонентами этих диалогических единств могут быть описаны как связи, аналогичные синтаксическим связям между компонентами простого и сложного предложений, но видоизмененные смысловым и структурным разрывом, связанным со сменой говорящего. Смысловой разрыв заключается в том, что реплика второго собеседника часто несет неожиданную смысловую информацию. Структурный разрыв выражается в наличии точки при письме и паузы в устной речи между компонентами-репликами в границах диалогического единства. Синтаксические связи между компонентами диалогического единства, моделированного как простое предложение, выражаются в том, что вторая реплика может быть предикативной частью сказуемого по отношению к первой реплике:

— I hear he's...

— Flitted, made a bolt to Buenos Aires with the fair Lola (23, 25).

Mrs. March: And the moral of that is...

Bly: Follow your instincts (22, 29).

Вторая реплика может представлять собой конструкции вторичной предикации: инфинитивную конструкцию; причастную

---

¹ Более подробно средства связи в синтаксических и диалогических единствах описаны в нашей работе [194].

конструкцию, выраженную причастием настоящего или прошедшего времени с относящимися к нему словами:

Linda: I'm not staying here...

Jan: To be insulted (37, 25).

Bubba: He didn't ask her, he asked me.

Olive: To go to the races (44, 96).

— I've not seen one for a long time.

— Banging on the door (22, 54).

— I've been travelling all day.

— Sitting on your backside in the first class carriage (15, 41).

Вторая реплика может представлять собой конструкции, однородные каким-либо членам первой реплики.

Однородные инфинитивы при модальном глагольном сказуемом:

— You can go to Australia without me.

— And leave you to the blasted painters (24, 200).

— But I must carry out my instructions.

— And break my heart (22, 70).

Однородные дополнения к первой и второй реплике:

— What we both want—he said — Is a cup of good coffee. And some toast and marmalade (30, 18).

Синтаксические связи между компонентами диалогического единства могут быть выражены так, что вторая реплика выступает как предложение по отношению к первой реплике, связанное с нею отношениями сочинения или подчинения.

Моделирование диалогического единства как сложного предложения предполагает отношения атрибутивности, адвербиальности, объектности между двумя репликами диалогического единства:

а) отношения атрибутивности:

— This inadequate bunch of flowers.

— Which you will never see (68, 40).

— It's a very difficult task.

— Which nobody wants to fulfill (39, 98).

б) отношения объектности:

— There won't be any holding him now.

— Except that you can't fall off a horse every day of your life (39, 140).

— I'm not sure, he said.

— That anybody will like your idea (30, 104).

в) отношения адвербиальности:

Временная адвербиальность:

— We belonged to each other.

— While the illusion lasted (20, 68).

- There's no means of living.
- Until you find another camel (65, 149).

Причинная адвербиальность:

- A man has to look after his family nowadays.
- Because it's the right thing (4, 50).
- I don't want to leave at once.
- Because you take care about your future (6, 79).

Условно-следственная адвербиальность:

- There's nothing like having a good solid bank balance behind you.

- If you can afford it (15, 62).
- I begged him to tell the truth.
- Though I doubted if he knew it (56, 3).

Сравнительная адвербиальность:

- That's why we snatch and grab and hurt each other
- As if we were all in a panic on a sinking ship (63, 61).
- Unfortunately he wasn't a very good business man.
- As if I cared if he was a good business man (46, 338).
- She was sitting alone in the garden and singing softly.
- As if she were quite happy and knew nothing about her future (20, 70).

На лексико-семантическом уровне синтаксической единицы — диалогического единства — обнаруживаются особые синтаксические связи между его компонентами: повторение компонентов первой реплики во второй, корреляция между компонентами первой и второй реплик, моделирование компонентов диалогического единства, т. е. построение их по модели простого и сложного предложения. Если особые виды корреляции могут встретиться в синтаксическом целом, то остальные синтаксические связи являются дифференциальной характеристикой диалогического единства — специфической единицы разговорной речи.

На лексико-семантическом уровне реализуется и стилистический потенциал диалогического единства как стилистическая отмеченность реплик. Диалогическое единство при функционировании несет стилистические коннотации небрежности, непринужденности, что позволяет рассматривать его как стилистически маркированную единицу стилистической подсистемы английской разговорной речи. Одной из форм семантических отношений между репликами диалогического единства является противопоставление. Структурная моделированность реплик диалогического единства (единство построения) заставляет ожидать однородность их содержания, однако семантика второй реплики может нивелировать содержание первой. Например:

- Ah, life cannot be all that a young girl dreams, Mademoiselle.

— Particularly married to the Conte de la Talle (39, 75).

— I took her as a favour.

— With an eye to possibilities. (22, 23).

Marion: There's nothing for her here.

Professor: Except me (57, 68).

Утверждения, представленные в первых репликах, отрицаются вторым собеседником, при этом отрицание вызывается противоречащим утверждением. При комментировании этих реплик мы обнаруживаем особый стилистический прием, который должен быть описан как разновидность приема обманутого ожидания¹.

Синтаксическое продолжение второй репликой первой может использоваться в стилистических целях для передачи духовной близости, единомыслия собеседников. Интересен в этом отношении пример из пьесы А. Уэскера «The four Seasons». Двое влюбленных обсуждают жизненные проблемы, при этом диалог построен так, что каждый из собеседников подхватывает и продолжает затронутую мысль:

Adam: All that metal and all those people, stuck in the air, with nothing underneath them.

Beatrice: Except air.

Adam: Except air.

Beatrice: Blown by somebody under the earth.

Adam: And ships. Silly, isn't it? That mass of iron and wood.

Beatrice: — and people (74, 28).

Синтаксически каждая последующая реплика является продолжением предшествующей, с которой она может составлять простое или сложное предложение.

Синтагматической характеристикой диалогического единства на коммуникативном уровне является особое актуальное членение: рема в диалогическом единстве распределяется между двумя его компонентами: во второй реплике этого единства опускается тема, а рема определенным образом связывается с ремой первой реплики.

— Wasn't she miserable in their family?

— Miserable (11, 67).

Так в этом диалогическом единстве выступает простая *повторяющаяся* рема.

— And how did you begin?

— By working and living from hand to mouth (17, 97).

— What did you want to do?

— Just come and begin to study? (21, 35).

¹ Особенности стилистического приема обманутого ожидания описаны у Н. В. Арнольд [14].

В этих диалогических единствах рематическая часть первой вопросительной реплики — вопросительное слово —, являясь «центром запроса информации, оказывается в содержательном плане открытой» [34, 14]. Ее функция сводится лишь к тому, чтобы «наметить рематическую позицию ответного предложения и дать программу заполнения этой позиции в строгом соответствии с семантическим характером запроса» [34, 16]. Вопросительное слово — открытая рема вопросительного предложения — и семантически и структурно обусловленная им рема ответной реплики находятся в отношении корреляции, поэтому можно говорить о простой коррелирующей реме.

- But of course you've got to go.
- And be poisoned (33, 160).
- You do enjoy our food and no mistakes.
- Cooked by your hand, my Betty (47, 345).

В этих диалогических единствах рема состоит из двух частей: часть ремы обнаруживается в первых репликах, «информационным пиком» [34, 18] которых является *I've got to go, enjoy food*. Их информационным и синтаксическим продолжением выступают вторые реплики. Поэтому можно говорить о составных ремах в этих диалогических единствах.

- I shall want a settlement for myself.
- Settlement for life? (30, 186).
- So you're satisfied.
- Satisfied with my life? (68, 87).

В этих диалогических единствах рема также распределена между двумя репликами диалогического единства.

Информационным пиком первой реплики является *settlement for life, satisfied with my life*. Их информационным и синтаксическим продолжением выступают вторые реплики. Но особенностью этих диалогических единств является повторяющаяся часть *settlement, satisfied*. Поэтому можно говорить о наличии в этих диалогических единствах составных рем с повторяющейся частью.

- Perhaps you could manage that.
- When I get back from the North (36, 48).
- You must pay for it, Papa!
- If Mademoiselle Lawson will name the price (39, 198).

В этих диалогических единствах рема распределяется также между двумя репликами: информационным и синтаксическим продолжением ремы первой реплики выступают вторые реплики (структурно представляющие придаточные предложения по отношению к первым). В этом случае реплики связаны сложной ремой. В синтаксических целых наблюдается обычное тема-ре-

матическое членение каждой реплики, характерное для нейтрального текста.

Сопоставляемые синтаксические конструкции английской разговорной речи — диалогическое единство и синтаксическое целое — обладают общим денотативным значением и логико-синтаксической общностью, которая заключается в одинаковых детерминативно-субординативных, детерминативно-координативных и детерминативно-коррелятивных отношениях между компонентами этих синтаксических единиц. Эти виды общности заставляют предположить наличие синонимичных отношений между сопоставляемыми единицами.

На синтаксико-семантическом уровне синтаксических единиц обнаруживаются их структурные различия в рамках структурной общности, которые заключаются в T del тематической части, уже выраженной в первой реплике диалогического единства, и появлении стилистического потенциала как потенциальной возможности использоваться в качестве специфического конституэнта. На лексико-семантическом уровне дифференциальным признаком диалогического единства являются синтаксические связи дублирования, корреляции и моделирования по моделям простого и сложного предложений и реализация стилистического потенциала как коннотации небрежности, непринужденности.

Изучение диалогического единства на коммуникативном уровне в сопоставлении с синтаксическим целым обнаруживает особый характер рема-тематического членения диалогического единства: во вторых репликах диалогического единства опускается тема, а рема определенным образом связывается с ремой первой реплики: простой повторяющейся ремой, простой коррелирующей ремой, составной ремой с повторяющейся частью, сложной ремой. Изучаемые синтаксические единицы при их сопоставлении обнаруживают общее денотативное значение, общие логико-синтаксические отношения, структурную общность и дифференциальные признаки: опущение тематической части во второй реплике (T del), особые синтаксические связи: дублирование, корреляция и моделирование, стилистический потенциал и особое рема-тематическое строение компонентов диалогического единства. Эти общие и дифференциальные признаки свидетельствуют об отношениях синонимии между сопоставляемыми синтаксическими единицами.

Глава III. ЭКСПРЕССИВНЫЕ СТИЛИСТИЧЕСКИ ОТМЕЧЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ АНГЛИЙСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

§ 1. ПОНЯТИЕ О СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ОТМЕЧЕННОСТИ, ЭКСПРЕССИВНОСТИ, ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ

Эмоциональные и интеллектуальные (рассудочные) стороны соединены, по мнению Ш. Балли [20], в мышлении в различных пропорциях. Подобное же характерно для живой речи, в которой эти элементы по-разному представлены в зависимости от душевного состояния говорящего, конкретной ситуации. Эмоционально-экспрессивные стороны характеризуют любую стилистическую подсистему, потому что во всех стилистических подсистемах могут возникнуть ситуации, требующие выражения чувств или подчеркивания смысловой важности. Поэтому средства выражения эмоционально-экспрессивных сторон языка присущи любой стилистической подсистеме¹. Однако каждая стилистическая подсистема языка обладает особым, характерным только для нее арсеналом моделей выражения экспрессивно-эмоциональных коннотаций. Экспрессивность и эмоциональность являются переменными стилевыми чертами подсистемы английской разговорной речи, зависящими от конкретной ситуации и тематики беседы.

Средства выражения экспрессивно-эмоциональных коннотаций могут практически не встречаться в некоторых разговорных текстах, которым не присущ эмоциональный настрой; они, как и другие специфические конституэнты, бывают фонетическими, лексическими и грамматическими. В нашу задачу входит изучение лишь грамматических средств и, в частности, структурных моделей выражения эмоционально-экспрессивных коннотаций, являющихся специфическими конституэнтами стилистической подсистемы английской разговорной речи. Но в отличие от спе-

¹ Средства выражения эмоционально-экспрессивных коннотаций в научной подсистеме языка описаны, например, у Н. М. Разинкиной [160].

цифических конституэнтов (эллиптических структур), коннотации которых свидетельствуют лишь об их «субъективной отнесенности» [177, 58], модели выражения экспрессивно-эмоциональных коннотаций обладают двойными коннотациями—экспрессивно-эмоциональными коннотациями и коннотациями субъективной отнесенности к стилистической подсистеме английской разговорной речи. Структурные средства выражения экспрессивно-эмоциональных коннотаций наряду со стилистически отмеченными эллиптическими конструкциями создают тот особый синтаксис, который служит дифференциальным признаком стилистической подсистемы английской разговорной речи. Как справедливо отмечает Ю. М. Скребнев, «ономатологический план в изучении стилистического синтаксиса предполагает выявление субъективной отнесенности и экспрессивной значимости самодовлеющих синтаксических единиц—предложений» [177, 58—59].

В данной главе исследуются синтаксические средства выражения эмоционально-экспрессивных коннотаций, важность изучения которых увеличивается благодаря тому, что в отличие от эллиптических или неполных предложений, изучавшихся в разных аспектах и в связи с разрешением разных проблем, средства выражения эмоционально-экспрессивных коннотаций представляют собой неисследованную область лингвистики¹. Структурные средства экспрессивно-эмоциональных коннотаций английской разговорной речи представляют собой модели, отличные от моделей других стилистических подсистем языка, которые могут быть описаны на основе системного поуровневого анализа.

Описание структурных средств выражения экспрессивно-эмоциональных коннотаций предполагает определение эмоциональности и экспрессивности как лингвистических понятий, имеющих особое значение и определенные сферы применения, на что в лингвистике не достигнуто единство взглядов, хотя наличие эмоциональных и экспрессивных элементов в английской разговорной речи признается всеми ее исследователями. Одна группа лингвистов сводит определение понятий экспрессивности и эмоциональности и их дифференциацию к объемным соотношениям между экспрессивностью и эмоциональностью [54, 102, 219]. Экспрессивность считается более широкой стилиевой чертой, эмоциональность ее составной частью, но эта характеристика объема понятий мало что дает для вскрытия их сущности.

¹ И. Р. Гальперин [56, 257] подчеркивает малочисленность исследованных средств выражения экспрессивности и важность их описания.

Другая группа лингвистов [15, 186, 205] подчеркивает, что экспрессивность измеряется интенсивностью, усилением, при этом могут усиливаться как эмоциональные, так и логические стороны. «Под экспрессивностью мы понимаем такое свойство текста или части текста, которое передает смысл с увеличенной интенсивностью» [15, 14].

В работах третьей группы лингвистов делаются попытки отождествить понятия «эмоциональность» и «экспрессивность» [25—29, 92, 124, 128, 150, 212]. Используются термины «эмотивные предложения» [212, 135], «экспрессивные и эмоциональные фразеосемы» [26, 225], «эмоциональные конструкции» [150].

Попытка разграничения экспрессивности и эмоциональности на основе выявления различий языка и речи делается у Ю. М. Осипова [153] и Н. М. Павловой [154]. Высказывается мнение, что эмоциональность — свойство системы, экспрессивность — результат функционирования элементов системы.

Итак, в теоретической литературе по этому вопросу мы находим четыре точки зрения:

1. Выявление объемных соотношений между экспрессивностью и эмоциональностью.
2. Принятие концепции о несопоставимости этих понятий (определение экспрессивности как усиление выразительности).
3. Неразграничение понятий «экспрессивность» и «эмоциональность».

4. Разграничение этих двух понятий по линии языка—речи.

Наше понимание экспрессивности и эмоциональности и их дифференциальных признаков тесно связано с лексическим уровнем языка, поэтому представляется необходимым привести определение эмоциональной лексики.

Исследователи лексики считают, что эмоциональное значение является созначением слова, «реализуя в нем выражение самих эмоций, ощущений, вызванных фактами, предметами, явлениями объективной действительности» [153, 14]. Э. А. Вайгла [41], В. А. Мальцев [129], Э. М. Медникова [136] ставят вопрос о наличии особой эмоциональной лексики, несущей информацию об эмоциональном отношении говорящего к тем или иным явлениям.

Эмоциональность с лексикой связывают зарубежные лингвисты Б. Чарльстон [232], Д. Фаульзайт и Г. Кюн [241], О. Есперсен [263], В. Шнайдер [296], С. Ульман [306], Дж. Вандриес [309]. В работах Э. С. Азнауровой [7], Н. М. Павловой [145] эмоциональное значение выступает компонентом семантической структуры слова наряду с другими созначениями. Качественно различные чувства получают, по мнению В. Г. Адмони [5], чис-

то лексическое выражение, а грамматическими средствами выражается именно различие в силе эмоциональности.

Если эмоциональность выражается в языке лексическим путем и принадлежит к системе языка, а эмоциональное значение предложения является продуктом взаимодействия грамматической структуры и соответствующей части ее лексического наполнения [103, 161], т. е. может быть выражено только их совокупностью, то неправомерным представляется использование терминов «эмотивные предложения», «эмоциональные конструкции», так как переносится название с лексического уровня на синтаксический без выявления их различия.

По мнению некоторых лингвистов [6, 27, 28, 142], изучение эмоциональной лексики возможно только на фоне нейтральной, при их сопоставлении.

Итак, разграничение эмоциональности и экспрессивности может проводиться лишь с учетом языковых уровней, на которых ведется изучение этого явления. Утверждение эмоциональности как составной части экспрессивности является неверным, так как сравниваются несопоставимые понятия. Экспрессивность как усиление выразительности и интеллектуального, и эмоционального несопоставима с выражением чувств. Разграничение экспрессивности и эмоциональности должно идти по линии языка и речи, но с учетом языковых уровней. На лексическом уровне сема эмоциональности выступает одним из компонентов семантической структуры слова, выявляемым на фоне сопоставления с нейтральной лексикой, поэтому следует рассматривать эмоциональность как составную часть языковой системы.

Экспрессивность как усиление выразительности, передаваемое структурными средствами, возникает на уровне синтаксиса. «Эмоциональные конструкции», описываемые в ряде работ, являются экспрессивными по своей структуре, но эмоциональными по лексическому наполнению. Поэтому мы говорим об «эмоционально-экспрессивных структурах». Таковы соотношения между экспрессивностью и эмоциональностью на лексическом уровне, на уровне слов, где эмоциональность выступает как составная часть структуры слова.

На синтаксическом уровне мы встречаемся с особым явлением, которое было удачно сформулировано К. А. Долгунным: «В противоположность лексике синтаксис не передает характера эмоций (удивление, гнев, радость и т. п.), четко реагируя, однако, на наличие или отсутствие таковой» [84, 39]. Эту структурную реакцию синтаксиса на наличие или отсутствие эмоций или различную степень их выраженности можно определить как его экспрессивность. Экспрессивность возникает на синтаксическом

уровне и выражается в изменении синтаксической структуры предложения по сравнению с нейтральной, поэтому она может быть представлена определенным числом специфических моделей предложения. Реализация и конкретизация значения моделей имеют место в процессе их функционирования в речи, т. е. при взаимодействии лексики и синтаксиса. Поэтому правомерно говорить об экспрессивности как о явлении, проявляющемся на синтаксическом уровне, которое можно изучать как в плане парадигматики (описание моделей), так и в плане синтагматики (функционирование этих моделей).

В лингвистике существует точка зрения, что эмоциональность является субъективным понятием [263], «эмоциональность остается вне конструкции» [261, 170], так как для выражения эмоциональности предложения подвергается анализу не только лексическое наполнение синтаксической конструкции, но и лексическая специфика контекстного окружения. Но важным моментом в изучении эмоционально-экспрессивных структур является описание их специфической структурной организации, лингвистического кода, наделенного эмоциональной функцией [301]. Структурной организации эмоционально окрашенных предложений [57, 150].

Э. С. Азнаурова, [7] М. Н. Кожина [110] говорят о существовании потенциально экспрессивных синтаксических единиц, А. А. Леонтьев [122] указывает на встречаемость стилистически маркированных средств языка, которые реализуются в речи.

«Стилистические маркеры», «модели выражения экспрессивности», «стилистически заряженные конструкции», «потенциально экспрессивные структуры» должны изучаться в парадигматическом плане в целях изучения их инвентаря, так как стиль можно рассматривать как «лингвистическое понятие, относящееся к плану языка» [176, 88].

Между тем, практические исследования в области синтаксической стилистики, имеющие целью изучить экспрессивные средства на материале различных языков, проводятся без учета постоянных языковых средств и их отличия от контекстуальных речевых средств, экспрессивность которых обуславливается функционированием в контексте, включением в систему синтагматических связей. Так, в работах И. И. Намталишвили [150], Г. Г. Прядильниковой [158], В. П. Шубиной [214], Н. Е. Юдиной [217] отсутствует четкое разграничение языковых и речевых средств выражения экспрессивно-эмоциональных коннотаций. Лексические и синтаксические средства выражения экспрессивно-эмоциональных коннотаций представлены без дифференциации. В работах зарубежных лингвистов [232, 241, 277, 278] на

Одном уровне рассматриваются как фундаментальные языковые средства выражения экспрессивности (реакция синтаксиса на наличие эмоций), так и речевые средства, являющиеся лишь динамической прибавкой к языковым и создающие дополнительную экспрессивность.

Изучение фундаментальных структурных средств выражения экспрессивности должно «вестись в определенной системе в плане парадигматики, так как язык в целом представляет собой парадигматическое по структуре образование» [176, 87].

Изучение моделей, обладающих потенциальной экспрессивной заряженностью, т. е. таких моделей, в которых экспрессивность выражается путем определенных отклонений от нейтральных конструкций, а не только в системе синтагматических связей, является одной из наших задач при анализе экспрессивной специфики английской разговорной речи.

Это — часть общей задачи описания синтаксических явлений в системе, ибо «выразительные средства взаимно обуславливают друг друга, благодаря взаимосвязи и взаимопроникновению они составляют не просто арифметическую сумму, а систему» [20, 360].

§ 2. ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ВЫРАЖЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ В АНГЛИЙСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Понимание экспрессивности как структурной реакции синтаксиса на наличие эмоций или на различную степень их выраженности предполагает ее изучение на синтаксическом уровне. Экспрессивность в синтаксисе проявляется в изменениях синтаксических структур, обнаруживаемых при сопоставлении с нейтральными конструкциями. Системное изучение внутренней организации подсистемы английской разговорной речи предполагает как первый этап выявление лингвистического кода, наделенного специфической структурной организацией, т. е. моделей выражения экспрессивности. Ю. М. Скребнев полагает, что «применительно к разговорному синтаксису результат описания должен представлять собой исчерпывающий перечень фактически используемых и могущих быть использованными моделей» [175, 107].

Выявление моделей выражения экспрессивности происходит путем применения процедуры анализа разговорных текстов и сплошной выборки примеров, выражающих эмоциональную реакцию на высказывание. Принятый нами путь от функционально-семантических особенностей к формальным средствам находит выражение в том, что первоначально выявляется экспрессив-

ная функция изучаемых предложений английской разговорной речи. Следующим этапом является их сопоставление с нейтральными конструкциями для описания структурных изменений. «Мы должны допустить в качестве оперативной гипотезы существование моделей расчленения (парцелляция), моделей эллипса и т. д. и тем самым.— существование моделей специфических предложений, отличных от предложений нейтральной языковой области» [175, 215].

Изучение советскими и зарубежными лингвистами экспрессивного синтаксиса различных стилистических подсистем на материале ряда языков позволяет представить определенные модели, конкретизация которых в стилистической подсистеме английской разговорной речи обнаруживает ее экспрессивную специфику.

Наиболее изученной представляется структурная модель выражения экспрессивности, заключающаяся в перестановке членов по сравнению с нейтральной структурой предложения, которая получила в лингвистике название «инверсия». Инверсия — непривычное с точки зрения нормы расположение компонентов предложения — изучалась как в плане возможных особенностей построения инвертированных предложений, так и в плане их ритмико-интонационной специфики. Исследователи обращали внимание и на наращивание инвертированным предложением дополнительной семантики, приобретение ими экспрессивности.

Структурная специфика инвертированных предложений изучалась в работах М. Г. Гаркун [58], И. В. Даниловой [76], Т. М. Кобленц [105], Э. Я. Мороховской [145], Ю. М. Скребнева [172], Т. К. Уваровой [197]. Приводятся такие типы инверсии, как частичная и полная, регрессивная и прогрессивная, контактная и дистантная.

Ритмико-интонационная специфика инверсии представлена в работах Н. Берка, Дж. Берка [226], С. Боделсена [227], Дж. Фернальда [242], М. Шубигер [297], В. Тефта [305], Дж. Вэлинса [308], Дж. Вандриеса [309]. Лингвисты полагают, что постановка какого-либо члена в ритмически-ударную позицию приводит к его экспрессивному выделению, и анализируют ритмико-смысловую значимость отдельных позиций в предложении (конечную, начальную и т. д.).

Экспрессивная сущность инверсии подвергается анализу в работах И. В. Даниловой [76], Т. В. Фроловой [200], Б. Чарльстон [232], М. Дейчбейна [238], О. Есперсена [263], Г. Мейера [277]. Исследователи подчеркивают, что функцией эмфатической инверсии является эмоциональное или смысловое выделение того или иного члена предложения.

С точки зрения актуального членения предложения описана инверсия в работе Г. Гартвигсона, Л. Якобсена [258], где высказывается мнение, что в английской разговорной речи характерна постановка рематического элемента в начале предложения, между тем это место обычно принадлежит тематическим элементам. Таким образом, в инвертированных английских предложениях происходит нарушение коммуникативного динамизма.

Инверсия специфических конституэнтов подсистемы английской разговорной речи обладает своими формальными особенностями, которые выявлены в парадигматическом плане путем структурного и семантического сопоставления с нейтральными элементами системы языка. Речевая реализация модели выражения экспрессивности должна быть изучена с учетом ее лексического наполнения, контекстных связей и коммуникативной направленности, эта модель выражения экспрессивности получила название в теоретической литературе дистантных, сепарированных и парцеллированных конструкций.

В плане их формального состава сепарированные конструкции были изучены Е. В. Гулыгой [73], Л. П. Нестеровой [151], Ж. Е. Петрашевской [155], Л. И. Ступаковой [189]. Исследователи подчеркивают общее в строении парцеллированных предложений: они делятся на основную базовую часть, или структуру, и отсеченную часть — парцеллят. Парцеллят может быть по форме придаточным предложением.

Ритмико-интонационную характеристику дистантных сепарированных структур проводят Ю. А. Азовцева [8], Н. Ф. Смирнова [179], Н. Берк и Дж. Берк [226], Б. Чарльстон [232]. Имн отмечается, что дистантное положение связанных членов предложения использует принцип ударности члена предложения после паузы. Разрыв синтаксической связи между обособленным членом и тем членом, к которому относится обособление, приводит к нарушению интонационного единства предложения. Часть предложения после паузы приобретает особое ударение, в результате чего перераспределяется ударность частей предложения.

Л. П. Нестерова [151], Ж. Е. Петрашевская [155], Э. Г. Ризель [166], Н. Ф. Смирнова [179], Л. И. Ступакова [189] рассматривают сепарированные конструкции с семантической точки зрения как средство выражения экспрессивности. Э. Г. Ризель подчеркивает, что эмфатическое выделение членов предложения после паузы имеет следствием разрыхление синтаксиса.

С точки зрения коммуникативной направленности парцеллят интерпретируется как рема, коммуникативный центр высказывания. «дополнительное новое», так как обладает специфиче-

ской акцентированной постпозицией, на что указывается в исследованиях Ю. А. Азовцевой [8], Л. П. Нестеровой [151], Ж. Е. Петрашевской [155].

Следующей структурной моделью выражения экспрессивности является повторение, редупликация, или дублирование, элементов предложения и частный случай повторения — структурный параллелизм.

С точки зрения структурного состава исследователи [14, 17, 130, 227, 295] отмечают полное и частичное дублирование, повтор-концовку, параллелизм синтаксических конструкций, который заключается в симметричном расположении однородных членов предложений или целых предложений. А. М. Семейко [170] описывает разновидность повтора, получившего название сквозного повтора, он заключается в повторении слова, словосочетания или предложения на протяжении всего произведения.

Семантическая функция повтора, которая изучалась целым рядом лингвистов [61, 116, 134, 226, 278], заключается в усилении эмоционального воздействия на читателя. Дж. Нозек [284], Г. Перссон [285], Р. Кверк [289] различают усиливающее повторение *intensifying repetition* и эмфатическое повторение *emphatic repetition*.

Эллипс как структурная модель выражения экспрессивности занимает особое место в ряду других моделей. В отличие от ранее описанных моделей, основным назначением которых является выражение экспрессивности, эллипс является основным структурным признаком стилистически отмеченных предложений английской разговорной речи. Функция выражения экспрессивности характерна лишь для некоторых структурных разновидностей эллипса. Кроме того, эллипс используется как дополнительное структурное средство в других моделях выражения экспрессивности, сопровождая некоторые виды инверсии, номинализацию и другие явления.

Лингвистами выявляются структурные формы эллипса, выражающего экспрессивность. В. Д. Девкин [78, 79], В. С. Денисова [80], Ф. В. Локшина [125], Б. Чарльстон [232], Г. Госсен [254] выявляют такие структурные типы, как односоставные предложения: существительные, прилагательные, инфинитивные эллиптические модели, односоставные предложения, распространенные наречиями и указательными местоимениями.

Б. Чарльстон [232], Г. Госсен [254], характеризуя экспрессивную функцию эллипса, подчеркивали эмоционально-оценочную семантику эллиптических предложений.

Кроме этих чисто эллиптических моделей выражения экспрессивности, эллипс является неизменным спутником моделей вы-

ражения экспрессивности, характеризующихся инверсией и номинализацией глагольных форм типа:

Young man marrying my only daughter! (56, 17).

Incurably frivolous, this tittopping baronet (24, 46).

Scores just like him eating biscuits and cheese in every club dining room! (56, 15).

Явление номинализации личных форм глагола (замена их формами инфинитива и причастия) относится к области морфологии, однако измененными оказываются отношения между подлежащим и номинализированным сказуемым, поэтому можно говорить об особых структурных моделях выражения экспрессивности, характеризующихся номинализацией личных форм глагола:

The God of Love? Striking people with lightning? (27, 68).

A young girl, like you, going off alone — among all these soldiers! (27, 61).

В работах советских и зарубежных лингвистов изучался тот «лингвистический код» [300, 94], который наделен эмоциональной функцией. Но делалось это недостаточно последовательно, разрозненные аспекты синтаксических изменений не были представлены в системе. Не делалось попыток провести моделирование экспрессивных структур, т. е. системно представить постоянные изменения нейтральных синтаксических конструкций, обязательно сопутствующих экспрессивности. Нами использовался «индивидуальный метод»¹ выведения моделей, предполагающий сопоставление экспрессивных и нейтральных конструкций для того, чтобы выявить их структурную общность и взаимотрансформируемость и описать те характерные изменения структуры предложения, которые обязательно приводят к его экспрессивности.

Для более наглядного описания характерных изменений в экспрессивных структурах по сравнению с нейтральными нами были использованы следующие условные обозначения трансформаций их порождения: T nom — трансформация номинализации; варианты V to — инфинитив, V ing — форма; T del — трансформация эллипса, или стирания; T perm — трансформация пермутации; T expl — трансформация экспликации; варианты T exten — трансформация расширения, T introd — трансформация введения, T repet — трансформация повторения, T sep — трансформация отделения, сепарирования элементов структуры.

Для характеристики методики выведения моделей выражения экспрессивности разберем несколько примеров. Экспрессивное

¹ Сущность индивидуального метода выведения моделей представлена у М. Д. Степановой [187].

предложение *And no one to give him a hand!* характеризуется при сопоставлении с нейтральной конструкцией заменой личной формы глагола инфинитивом *T nom*. Оно может быть сведено в результате ряда трансформаций к нейтральному предложению: *And there is no one to give him a hand* → *And there is no one who can give him a hand*. Основные трансформации экспрессивного предложения — *T nom, T del*.

Экспрессивное предложение *Awfully interesting, this situation* может быть сведено в результате ряда трансформаций к нейтральному: *It's this situation that is awfully interesting* → *This situation that is awfully interesting* → *This situation is awfully interesting*. Специфические трансформации экспрессивных предложений — *T perm, T del*.

Экспрессивное предложение *What a journey!* сводится в результате ряда трансформаций к нейтральному: *What a journey that I have experienced* → *A journey I have experienced* → *I have experienced a journey*. Специфические трансформации экспрессивного предложения — *T del T introd (what)*.

Экспрессивное предложение *It's disgusting, it really is* сводится в результате ряда трансформаций к нейтральному: *It's disgusting, it's really disgusting* — *it's disgusting*. Специфическая трансформация экспрессивного предложения при его сведении к нейтральному — *T del (it's really disgusting)*.

Экспрессивное предложение *What a welcome to my life!* может быть сведено к нейтральному в результате ряда трансформаций: *What a welcome to my life there was* → *There was a welcome to my life*. Специфические структурные изменения при сведении экспрессивного предложения к нейтральному — *T del, T introd (what), T perm*. Экспрессивное предложение *He had plenty of opportunity. Long before this* может быть сведено к нейтральному: *He had plenty of opportunity long before this*. Специфические трансформации при образовании экспрессивного предложения — *T sep* семантически выделяемых членов.

Таким образом, трансформационные изменения экспрессивных предложений английской разговорной речи при сведении их к нейтральным могут быть выражены в следующих основных трансформациях: *T nom, perm, del, sep, expl*. Экспрессивные предложения и лежащие в их основе нейтральные предложения взаимотрансформируемы: *What a way to behave* ↔ *To behave in this way* ↔ *He behaves in this way*. При этом определенные трансформационные изменения предложения неизменно приводят к появлению экспрессивности, они и являются тем лингвистическим кодом, который наделен эмоциональной функцией. Модель выражения экспрессивности, как и всякий языковой знак,

реализуется в речи: эмоциональная функция такой модели выявляется при наполнении лексическим содержанием, анализе контекстного окружения. Поэтому полное определение экспрессивных структур как специфических конститuentов английской разговорной речи можно дать только при учете их парадигматических и синтагматических характеристик, выявленных при использовании разработанной нами методики изучения специфических конститuentов английской разговорной речи. Это определение должно явиться заключительным этапом их изучения.

Экспрессивные структуры английской разговорной речи можно разбить на пять групп в зависимости от характера изменения нейтрального предложения (ведущей трансформации):

1. Экспрессивные структуры, образовавшиеся в результате трансформации номинализации (T nom):

That fellow to talk of injuries (32, 256).

What's this? Giving my money away again (16, 92).

2. Экспрессивные структуры, образовавшиеся в результате трансформации эллипса (T del):

What a night (16, 76).

You hopeless (8, 56).

Oh, how dreadful! (16, 74).

3. Экспрессивные структуры, образовавшиеся в результате трансформации пермутации (T perm):

A very nice fellow I am (46, 80).

Quite impossible it seemed (20, 39).

Mournful little cuss he looked (24, 178).

4. Экспрессивные структуры, образовавшиеся в результате трансформации экспликации (T expl):

She can't do a thing for herself, that girl (16, 43).

After all, she does love you (54, 75).

5. Экспрессивные структуры, образовавшиеся в результате трансформации сепаратизации T sep:

I always seemed to be advancing regardless. All over Africa.

All over Italy (9, 128).

I used to notice in the old days it was the sinners who had the biggest trust. In Mercy (31, 23).

Разграничение этих структурных групп — различных видов лингвистического кода, наделенного экспрессивной функцией, — при всей его условности (трудно сказать, какая из трансформаций является ведущей, поскольку многие группы характеризуются несколькими трансформациями) позволяет представить все многообразие эмоционально-экспрессивных предложений в некоторой системе. При этом наличие определенного трансформационного изменения, характеризующего ту или иную структуру,

сопровождается присутствием закрепленного за ней общего экспрессивного или эмоционально-экспрессивного значения.

Так, значение группы экспрессивных структур, характеризующихся T_{pot}, — выражение эмоциональной оценки действия или состояния, представленных формами V to и V ing (неличными формами глагола).

Значение группы экспрессивных структур, характеризующихся в плане деривации T_{regm}, — экспрессивная оценка события или факта, действующего лица или экспрессивное выделение объекта действия, самого действия.

Значение экспрессивных структур, характеризующихся в плане деривации T_{expl'} — экспрессивное выделение повторяемых членов или отдельных членов предложения.

Значение экспрессивных структур, характеризующихся в плане деривации T_{sep}, — экспрессивное выделение отделяемых членов предложения.

Экспрессивное содержание последних двух групп, структурными признаками которых являются T_{expl'} и T_{sep}, (выделение, подчеркивание тех или иных членов предложения или словосочетания) отличает их от предшествующих трех групп, в которых неизменным компонентом значения является эмоционально-экспрессивная оценка. Эти структурно-семантические особенности экспрессивных структур должны привести к своеобразию их толкования.

§ 3. ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН ИЗУЧЕНИЯ МОДЕЛЕЙ ВЫРАЖЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ В АНГЛИЙСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

При парадигматическом изучении экспрессивных структур английской разговорной речи по принятой нами методике многоуровневого анализа проводится сопоставление экспрессивных и нейтральных единиц на двух уровнях: логико-синтаксическом и структурно-семантическом. Доказательство денотативной и логико-синтаксической общности является необходимым этапом выявления синонимичных отношений между сопоставляемыми конструкциями.

На структурно-семантическом уровне обнаруживаются дифференциальные структурные признаки на основе структурной общности при помощи методики трансформационного анализа. На этом же уровне должны быть обнаружены семантические различия, т. е. появление у специфических экспрессивных конститuentов потенциальной экспрессивности. Потенциальная

экспрессивность (или, по аналогии с термином «стилистический потенциал», экспрессивный потенциал) может быть описана как потенциальная способность единиц синтаксиса, приобретаемая ими в результате трансформационных преобразований нейтральных синтаксических единиц, обнаружить экспрессивные коннотации в процессе речевой реализации. Экспрессивный потенциал характеризует потенциальную возможность структуры использоваться в качестве экспрессивного специфического конституэнта стилистической подсистемы английской разговорной речи.

Стилистический потенциал как парадигматическая характеристика эллиптических структур и экспрессивный потенциал как парадигматическая характеристика экспрессивных структур базируются на определенных структурных изменениях, и выявление структурных изменений стилистически отмеченных экспрессивных специфических конституэнтов является задачей данной части исследования.

Появление в результате структурных трансформаций у одних изучаемых конструкций потенциальной экспрессивности, которая может быть реализована в плане синтагматики как выражение определенных чувств, эмоциональной оценки, экспрессивного усиления, и отсутствие потенциальной экспрессивности у нейтральных конструкций должны служить дифференциальным признаком сопоставляемых конструкций в парадигматическом плане.

Выявление в парадигматическом плане общих и дифференциальных признаков экспрессивных и нейтральных конструкций является частью доказательства синонимичных отношений между ними, так как синонимия может быть частично выявлена на двух первых логико-синтаксическом и структурно-семантическом уровнях исследования.

Изучение экспрессивных конструкций английской разговорной речи в парадигматическом плане будет проводиться путем последовательного описания пяти выявленных нами моделей, обладающих общей ведущей трансформацией и сходным экспрессивным содержанием.

А. Модель, основным структурным изменением которой является T пом.

Сопоставление этих конструкций с нейтральными позволяет обнаружить общее денотативное значение:

Father seeing his daughter for the first time (19, 116).

(Father sees his daughter for the first time).

На логико-синтаксическом уровне исследования сопоставляемых синтаксических единиц нами прослеживаются общие субъектно-предикатные отношения и предикатно-объектные отношения:

I shan't forgive her, talk so me like that (7, 67).

(She talks to me like that).

What a welcome to give you, my dear, dear fellow (20, 92).

(I give you a welcome).

Денотативная общность и общность логико-синтаксических отношений — таковы исходные данные для сопоставления изучаемых конструкций в плане синонимии.

На структурно-семантическом уровне выявляются структурные изменения сопоставляемых специфических конститuentов по сравнению с нейтральными.

В зависимости от их характера выводятся структурные варианты общей модели T пом, которые можно разбить в зависимости от характера трансформации номинализации на две группы V to и V ing.

V to — трансформация номинализации: замена личной формы глагола инфинитивом:

Such midgets to have made this monstrous pile! (24, 78).

It almost looks like repentance. That fellow repent! Not he! (31, 117).

V ing — трансформация номинализации: замена личной формы глагола причастием:

Every step we've taken — every tick of the clock making everything worse (63, 59).

It's all right. Mr. Ormund talking so grand now (62, 130).

Эти две основные структурные группы дают варианты моделей в зависимости от T del подлежащего:

Think of it! Offending people of such influence and wealth, as they're sure to be! (20, 26).

To die out — lonely — wanting them — wanting home! (23, 26).

Перед выделяемым существительным, выражающим субъект или объект действия, могут быть поставлены указательные местоимения в функции усилителей: T introd (what, such). Таким образом образуются новые варианты модели. Выделяется субъект действия модели T пом, var V to:

You stupid little devil! What a thing to happen! (16, 41).

What a night. Pah! Such a man to have died (28, 64).

Выделяется объект действия модели T пом, var V to:

What a day to have spent! (71, 46).

What a nice room to live in! (24, 242).

Итак, модель выражения экспрессивности, характеризующаяся T пом, var V to, V ing, обнаруживает следующие структурные варианты в зависимости от проведения последующих трансформаций: при использовании дополнительной T del опускается субъект действия в модели; при T expl introd (what, such) вы-

деляется субъект действия; при T expl, int (what, such + perm) выделяется объект действия.

Специфической особенностью всех вышеописанных вариантов модели является наличие экспрессивного потенциала. Экспрессивный потенциал — парадигматическая характеристика модели выражения экспрессивности, характеризующейся в плане деривации T пом, на структурно-семантическом уровне.

Следовательно, потенциальная способность синтаксической единицы использоваться в качестве специфического конституэнта, выразителя экспрессивности, — зародиться на структурно-семантическом уровне в результате основной трансформации T пом и дополнительных: T del, T expl, perm, при помощи которых порождаются экспрессивные конструкции.

Б. Модель, основным структурным изменением которой является T perm.

Сопоставление этих конструкций с нейтральными обнаруживает общее денотативное значение:

Nice suit, you're wearing (15, 20).

(You're wearing a nice suit).

A pretty state of things it would be (46, 21).

(It would be a pretty state of things).

На логико-синтаксическом уровне исследования сопоставляемых синтаксических единиц обнаруживаются общие структурно-предикатные и предикатно-объектные отношения:

(It is charming).

Charming it is (26, 99).

(She must work).

And work she must as she had to earn her living (8, 33).

Wonderful life you lead (55, 12).

(You lead a wonderful life).

If something isn't done, pretty mess I shall be in (22, 126).

(I shall be in a pretty mess).

На структурно-семантическом уровне выявляются структурные изменения специфических конституэнтов при сопоставлении с нейтральными, и в зависимости от их характера выводятся структурные варианты общей модели T perm.

1. Модели выражения экспрессивности, характеризующиеся только общей T perm.

В зависимости от инвертируемого члена они могут быть разбиты на две подгруппы:

а) инвертируется предикативная часть в составном или главном сказуемом, а также часть простого сказуемого, выраженного аналитической формой.

Инвертируется предикативная часть составного именного сказуемого:

A property case it was (8, 45).

Bloody house this is (73, 27).

And a damned cheerful prospect it is (46, 167).

Deuced funny business my career will be (46, 171).

Инвертируется часть простого аналитического сказуемого (составного глагольного сказуемого):

And go he should if he was the devil himself until he broke the law (8, 37).

And help she could if she learned the truth (20, 69).

Not exactply breaking their necks, they were (11, 38).

Singing she was all the time (56, 18).

б) инвертируется дополнение (предложное и беспредложное) и обстоятельство.

Инвертируется беспредложное дополнение:

Florrie: Fat chance I've got of going to France now (46, 70).

The sort of shock many young girls have to face (39, 73).

Bloody lot of comedians we have here (11, 33).

Bad luck she's got in her life (39, 165).

Инвертируется предложное дополнение и обстоятельство:

Some diaphragm she'd be in need of (35, 17).

Right into the dungeons we went (39, 172).

Like a young girl you're blushing (74, 23).

2. Модели выражения экспрессивности, характеризующиеся помимо *T perm* дополнительной трансформацией *T del*.

Инверсии может подвергаться предикативная часть сказуемого, выраженная существительным или существительным с определяющими его словами:

An unforgiving unfair bastard this lad (20, 8).

Horrible, this job (15, 38).

Часто в подобных инвертированных эллиптических предложениях субъект действия выражается лишь указательным местоимением *this (that)*:

Pernicious doctrine, that! (23, 167).

Funny place this (25, 37).

Typical Lawyer's trick, this (56, 5).

3. Модели выражения экспрессивности, характеризующиеся помимо *T perm* дополнительной трансформацией *T expl (introd what, such, how, it is, that is, that's what, that's where)*. Например:

What a tease she is (33, 179).

Such a fuss you make of it (46, 28).

How marvellous it is (15, 63).

How shocking it's been (55, 10).

What a hard-working creature she is (7, 46).

Вариантами словосочетаний, которые используются в экспрессивных инвертированных предложениях в целях инвертирования их частей, являются: *It's, that's, that's, what, that's where, that's how*.

Инвертируемый объект действия может быть выражен отдельными словами и беспредложными словосочетаниями:

It's habit fathers have (14, 43).

And that's the point I've been trying to make (1, 47).

It's a terrible problem I've set myself (35, 27).

Инвертируемый объект действия может быть выражен предложными словосочетаниями:

It wasn't his nose I was interested in (16, 23).

That's the sort of thing your sex goes in for (16, 32).

При использовании словосочетаний *that's what, that's where* инвертируемый объект действия или предикативная часть составного именного сказуемого ставятся перед *that's what, that's where*:

This man that's what she was running away from (16, 16).

To a small house that's where I've been (6, 30).

Итак, модель выражения экспрессивности, характеризующаяся *T perm*, обнаруживает следующие структурные варианты в зависимости от проведения дополнительных трансформаций (общая структурная особенность — *T perm*). При использовании *T del* опускается глагол-связка, при использовании *T expl* (*introd what, sich, how, that's what*) объект действия выделяется дважды: инверсией и указательными местоимениями и наречиями.

Специфической особенностью всех вариантов модели, характеризующейся в плане трансформаций *T perm*, является появление на структурно-семантическом уровне экспрессивного потенциала. Экспрессивный потенциал характеризует потенциальную способность модели использоваться в качестве экспрессивного специфического конституэнта подсистемы английской разговорной речи. Экспрессивный потенциал — парадигматическая характеристика модели выражения экспрессивности на структурно-семантическом уровне, возникшая в результате основной трансформации *T perm* и дополнительных *T del* и *T expl*, является дифференциальным признаком специфических конституэнтов в плане парадигматики.

В. Модель, основным структурным изменением которой является *T del*.

Сопоставление этих конструкций с нейтральными обнаруживает общность их денотативного значения:

How jolly (34, 145).

(The situation is rather jolly).

You insulting little snot! (71, 50).

(You are an insulting little snot).

На логико-синтаксическом уровне анализ экспрессивных конструкций и их нейтральных инвариантов обнаруживает общие субъектно-предикатные отношения:

Poor little wretch! (24, 145).

(He is a poor little wretch).

Splendid! (25, 25).

(It is splendid).

Денотативная общность и общие логико-синтаксические отношения сопоставляемых синтаксических конструкций могут служить основанием для выявления между ними синонимичных отношений. На структурно-семантическом уровне выявляются структурные изменения экспрессивных конструкций, не затрагивающие отношения структурной общности, и в зависимости от их характера выводятся структурные варианты общей модели T del. Нами были обнаружены следующие варианты:

1. Опускается связка в составном именном сказуемом:

You — ungrateful young dog (22, 137).

You — jealous little cat (16, 35).

2. Опускается подлежащее и связка в составном именном сказуемом:

Marvellous! (26, 246).

Dreadful, it was never like that in old days (26, 202).

Особую подгруппу в этом структурном варианте составляют экспрессивные предложения, состоящие из нейтральных существительных, перед которыми ставится указательное местоимение *this, that*. Например:

Those eyes! (24, 246).

That climate! (8, 36).

That woman! (23, 170).

This bloody cold (16, 14).

3. Модели выражения экспрессивности, характеризующиеся T del и дополнительной трансформацией T expl (introd such, what, how). Например:

What a journey! (16, 12).

What a head! (26, 225)

What a gift of silence! (15, 45).

Such an astonishingly egoistic sentiment! (27, 59).

How awful! (22, 122).

Итак, модель выражения экспрессивности, характеризующаяся в плане деривации общей трансформацией T del, обнаруживает следующие структурные варианты в зависимости от прове-

дения последующих трансформаций. Общая структурная особенность: опущение глагола-связки и опущение глагола-связки и подлежащего. При T exр1 указательные местоимения и наречия *what, such, how* ставятся перед выделяемой частью. Экспрессивный потенциал модели и ее вариантов как их потенциальная способность использоваться в качестве экспрессивного специфического конституэнта стилистической подсистемы английской разговорной речи возникает на структурно-семантическом уровне в результате трансформационных изменений T del, T exр1 и является их дифференциальным признаком в плане парадигматики.

Г. Модель выражения экспрессивности, основным структурным изменением которой является T exр1.

Сопоставительный анализ экспрессивных специфических конституэнтов, характеризующихся T exр1, и нейтральных конструкций свидетельствует об общности денотативного значения:

I am an optimist, I am (46, 50).

(I am an optimist).

На логико-синтаксическом уровне исследования обнаруживаются общие глубинные субъектно-предикатные, предикатно-объектные и предикатно-адвербиальные отношения:

Jake: Well; it is — it is incredible (1, 30).

It was there, there that he was eager to go (1, 81).

We were anxious to see this man, the rascal (7, 65).

Денотативная общность и общие логико-синтаксические отношения свидетельствуют о возможности сопоставить данные синтаксические конструкции для выявления между ними синонимичных отношений.

На структурно-семантическом уровне выявляются структурные изменения специфических экспрессивных конституэнтов на основе их структурной общности с нейтральными конструкциями, и в зависимости от их характера выводятся структурные варианты общей модели T exр1. Структурные модели выражения экспрессивности, характеризующиеся общей T exр1, можно разбить на группы.

1. Модель выражения экспрессивности, характеризующаяся T exр1, var *repet*. Повторение подлежащего:

This woman, this noble woman helped me greatly (55, 81).

Повторение сказуемого:

I wish, I wish you'd let me (24, 24).

Повторение второстепенных членов:

You're not concerned with them, the real victims (20, 64).

Now—now we needn't bother him with all that stuff (60, 62).

Повторяться могут не только непосредственно следующие

друг за другом однородные члены предложения, но и однородные члены предложения, расположенные дистантно:

He seems quite a good bloke, old Miller (34, 64).

Those animals, I really loved them (17, 8).

That's real money, that is (46, 26).

2. Модель выражения экспрессивности, характеризующаяся

T expl, var affirm, в которой вспомогательные глаголы do (does), did используются для экспрессивного подчеркивания действия:

I do use long words (55, 76).

After all, she does love you (54, 58).

She did come to ask you about your intention (27, 79).

3. Модель выражения экспрессивности, характеризующаяся T expl, var introd, в которой имеет место введение формальных элементов выражения экспрессивности: частиц, междометий, обращений:

By Jolly, she wouldn't get out of this somehow into the sun (24, 78).

Dad, it is true that I absolutely can't get at any of my money?

Only the income, fortunately, my love (23, 112).

Итак, модель выражения экспрессивности, характеризующаяся T expl, обнаруживает следующие варианты в зависимости от характера экспликации: T repet — повторение членов предложения, T affirm — экспрессивное выделение действия при помощи глагола do, T introd — введение формальных элементов выражения экспрессивности частиц, междометий, обращений.

Экспрессивный потенциал модели и ее вариантов как их потенциальная способность использоваться в качестве экспрессивного специфического конституэнта стилистической подсистемы английской разговорной речи возникает на структурно-семантическом уровне в результате трансформационных изменений нейтральных конструкций (T expl, var repet, affirm, introd) и является их дифференциальным признаком в плане парадигматики.

Общие денотативные и логико-синтаксические признаки, а также структурная общность и дифференциальные признаки (структурные изменения T expl repet, affirm, introd и появление экспрессивного потенциала) — таковы основания для установления синонимичных отношений в плане парадигматики.

Д. Модель выражения экспрессивности, основным структурным изменением которой является T sep.

Сопоставительный анализ экспрессивных специфических конституэнтов, характеризующихся общей трансформацией T sep, и нейтральных инвариантов свидетельствует об общем, денотативном значении:

I saw her alone. Standing near the fence. Looking miserable (8, 45).

I saw her alone standing near the fence looking miserable.

На логико-синтаксическом уровне экспрессивных специфических конституэнтв и нейтральных конструкций обнаруживаются общие детерминативно-координативные, детерминативно-субординативные и детерминативно-коррелятивные отношения:

They'll be in the room, or you'll find them close by (20, 65).

He found them out. In a strange place. In a strange state (28, 76).

Father: I can imagine you dangling on a cross. Bony and elongated (35, 73).

I saw nobody. Who could explain the reason (21, 17).

The town hall is famous. And the glass (29, 43).

I want this blue flower. And a red one (50, 33).

Первая часть специфического и неспецифического конституэнтв детерминирует выбор информации во второй части и определяет характер синтаксических отношений во второй части

На структурно-семантическом уровне выявляются структурные изменения специфических конституэнтв по сравнению с нейтральными конструкциями, и в зависимости от их характера выводятся структурные варианты общей модели *T sep.*

Модели выражения экспрессивности, получившиеся в результате разрыва синтаксических отношений примыкания, союзного сочинения и подчинения, а также предложных связей, могут быть разделены на две группы в зависимости от выделяемых частей:

1. В результате разрыва синтаксических связей примыкания, а также союзного сочинения и предложных связей в границах простого предложения могут быть получены модели выражения экспрессивности, в которых экспрессивно выделяются отдельные слова и словосочетания.

Могут быть разорваны синтаксические связи союзного сочинения и выделены слова, находящиеся в отношениях однородности со словами первой части (подлежащим, предикативным членом):

She's awfully independent. And stubborn (77, 90).

При разрыве предложных связей образуются модели выражения экспрессивности, в которых выделяются слова и словосочетания в синтаксической функции дополнения и обстоятельств по отношению к первой части.

Парцеллят в синтаксической функции дополнения:

Boy: Father, there's something I had to tell you. About me (15, 43).

Парцеллят в синтаксической функции обстоятельства места:
Pull down that blind. Over there. Just above your head (15, 33).

Парцеллят в синтаксической функции обстоятельства времени:
She had to stay. For a week-end (1, 98).

Парцеллят в синтаксической функции обстоятельства цели:
I'm speaking as a man to a man. To your own benefit (9, 159).

Парцеллят в синтаксической функции обстоятельства образа действия:
You can have a chat with him later on. Under my personal direction (17, 13).

Парцеллят в синтаксической функции обстоятельства сравнения:
See this one here six times the height of a man. Like a gigantic spray (33, 79).

При разрыве синтаксических связей примыкания экспрессивно выделяются причастные конструкции, однородные словам основного предложения:

Alice: This was purity pure and simple. Collected from the clergy high and low (8, 60).

I don't think you a bad man. Only misguided (10, 60).

Clive: I expect he's just fooling about with the engine. Cleaning it (29, 67).

При разрыве синтаксических связей примыкания могут выделяться инфинитивные конструкции в функции обстоятельства цели и дополнения:

You are to go before Secretary Cromwell. To answer certain questions (8, 60).

При разрыве синтаксических связей примыкания могут экспрессивно выделяться слова и словосочетания в синтаксической функции определения, дополнения и обстоятельства к первому предложению.

Парцеллят в синтаксической функции определения:

Ormund: I feel rather like a new-born creature. Rather cold, small, lonely (62, 155).

Парцеллят в синтаксической функции обстоятельства образа действия:

I'll help him out. Willingly (9, 73).

I'll come back. Quickly (66, 49).

Парцеллят в синтаксической функции обстоятельства времени:
If he wanted to be queer he had plenty of opportunity. Long before this (9, 19).

Парцеллят в синтаксической функции обстоятельства места:
And no looking back. Always onward and upward (20, 82).

He couldn't see her. Anywhere (40, 7).

2. При разрыве сочинительных и подчинительных связей между частями сложного предложения возникают варианты модели T ser, в которых выделяются предложения.

В результате разрыва подчинительных связей между частями предложения возникают следующие варианты модели:

а) экспрессивно выделяется определительное придаточное предложение:

I personally thought of the meadows and the forests which are generous like Julia. Which expect no kindness like Julia (4, 45).

б) экспрессивно выделяется придаточное предложение времени:

Boy: I used to be scared when I was alone in the house. When you were looking for fathers (35, 26).

в) экспрессивно выделяется придаточное предложение места:
Father: I tried a murderer for a model once. He's there. Where I put the biggest box (35, 23).

г) экспрессивно выделяется придаточное предложение условия:

I'll help you. If you let me know about your life. (37, 56).

д) экспрессивно выделяется придаточное предложение образа действия:

He's your prisoner. Just as I am yours (52, 56).

I merely answered to the best of my ability certain questions on cannon law. As I was bound to do (8, 64).

При разрыве сочинительной связи между частями сложного предложения возникают варианты моделей, различающиеся сочинительными союзами:

Victor: You need a holiday without children.

While Sally's away (29, 16).

Julia'll be here.

Or she'll ring up soon (4, 58).

Итак, модель выражения экспрессивности, характеризующаяся общей T ser, обнаруживает группы вариантов в зависимости от характера разрываемых синтаксических связей.

В границах простого предложения:

а) варианты, образующиеся при разрыве синтаксических связей союзного сочинения;

б) варианты, образующиеся при разрыве предложных связей;

в) варианты, образующиеся при разрыве синтаксических связей примыкания.

В границах сложного предложения:

а) варианты, образующиеся при разрыве синтаксических связей подчинения;

6) варианты, образующиеся при разрыве синтаксических связей союзного сочинения.

Экспрессивный потенциал модели и ее вариантов как их потенциальная способность использоваться в качестве экспрессивных специфических конstituэтов стилистической подсистемы английской разговорной речи возникает на структурно-семантическом уровне синтаксической единицы при T ser частей простого и сложного предложений и может рассматриваться как дифференциальный признак этой модели.

Общее денотативное значение и общие детерминативно-координативные, детерминативно-субординативные и детерминативно-коррелятивные отношения на логико-синтаксическом уровне, а также структурная общность, дифференциальные признаки (структурные различия — T ser у специфических конstituэтов) и основанный на этих структурных изменениях стилистический потенциал свидетельствуют о возникновении синонимичных отношений у специфических конstituэтов и нейтральных конструкций в парадигматическом плане.

Специфические конstituэнты и их нейтральные инварианты обнаруживают общее денотативное значение и общие логико-синтаксические отношения: субъектно-предикатные, предикатно-объектные, предикатно-адвербиальные, детерминативно-субординативные, детерминативно-координативные и детерминативно-коррелятивные, что свидетельствует об общем основании для выявления синонимии в сопоставляемых синтаксических единицах.

На структурно-семантическом уровне в результате сопоставления с нейтральным инвариантом обнаруживаются при структурной общности трансформационные различия, встречающиеся в предложениях в различных комбинациях: T nom, T del, T perm, T expl, T ser, которые служат формальным показателем наличия экспрессивного потенциала как показателя семантической дифференциации сопоставляемых конструкций.

Общие денотативные и логико-синтаксические признаки, структурная общность и структурные дифференциальные признаки и базирующийся на структурных различиях экспрессивный потенциал свидетельствуют о синонимичных отношениях между специфическими конstituэнтами и нейтральными конструкциями в плане парадигматики.

Изучение в сопоставительном плане экспрессивных стилистически отмеченных специфических конstituэтов и нейтральных конструкций при помощи многоуровневого анализа позволяет выявить структурно-семантическую и коммуникативную специфику экспрессивного синтаксиса английской разговорной речи.

§ 4. СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН ИЗУЧЕНИЯ МОДЕЛЕЙ ВЫРАЖЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ В АНГЛИЙСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

План парадигматики помог выявить общие и дифференциальные признаки основных моделей выражения экспрессивности подсистемы английской разговорной речи и нейтральных единиц языка, т. е. их синонимичность была доказана в плане парадигматики.

Синтагматическое изучение экспрессивных специфических конституэнтов ставит целью провести сопоставительное изучение этих конструкций с нейтральными единицами на лексико-семантическом и коммуникативном уровнях. При сопоставлении синтаксических единиц на лексико-семантическом уровне выявляются контекстные синтаксические связи, т. е. определяется роль контекста в раскрытии значения экспрессивных специфических конституэнтов. Изучение отдельных словоформ в их взаимной связи и обусловленности принимает в данном случае конкретную форму выявления степени семантико-синтаксической зависимости того или иного экспрессивного предложения от различных компонентов контекста.

На лексико-семантическом уровне экспрессивные специфические конституэнты реализуют экспрессивный потенциал, приобретая различные коннотации: эмотивные (негодования, радости, презрения) и экспрессивные (усиления, подчеркивания, выделения), которые делают их особыми средствами выражения экспрессии в речи.

Специфика актуального членения как средство характеристики специфических экспрессивных конституэнтов на коммуникативном уровне демонстрирует особенности расположения темы и ремы по сравнению с нейтральными единицами. Конкретный анализ моделей в плане их функционирования в текстах для выявления их синтаксических связей и специфики актуального членения дает синтагматическую характеристику специфических конституэнтов.

А. Модель, характеризующаяся в плане деривации Т пом. Предложения, в которых реализуется данная модель в плане синтагматики, могут быть нейтральными по своей интонации, сопровождаться вопросительной и восклицательной интонациями, что в письменной речи фиксируется как точка, восклицательный или вопросительный знак:

Ivor: Why talking to me like that? I've done nothing to you (58, 43).

William: That's what the matter with the world now; Everybody

interfering with everybody else. Everybody wanting to know what everybody else is doing and saying and thinking (58, 27). Mrs. C. Quite so, Gerald. Everybody knows how ridiculous they were. Sending bags of sand to Egypt! (63, 71).

Коннотативные эмоциональные оттенки накладываются на основное значение вопроса (возмущение, негодование), утверждения (возмущение, презрение), восклицания (насмешки, издевки). Их экспрессивность не является следствием их интонации, которая в восклицательных предложениях лишь увеличивает экспрессивность, возникшую вследствие реализации модели выражения экспрессивности. Вопросительная структура с *why* с инфинитивом и причастием служит средством выражения экспрессивно-эмоциональных коннотаций.

Изучение модели выражения экспрессивности, характеризующейся *T* *nom*, на лексико-семантическом уровне раскрывает ее контекстные связи при помощи дистрибутивного анализа. В моделях, характеризующихся в деривационном плане *T* *nom*, в обеих группах *V* *to* и *V* *ing* обнаруживается определенная замкнутость самим предложением, в котором реализуется модель. Наличие номинализированной глагольной формы позволяет выразить в общем виде действие, а эмоциональная реакция направлена на само действие. Например:

How softly she had said it. To know what was in her mind! (23, 23).

Kit: Aw, stop nagging me. You're like an old woman.

Frank: Me nagging? You've never stopped nagging me since the day you got married (15, 46).

Анализ вышеприведенных примеров позволяет утверждать, что в них не просто констатируется факт, но представлены дополнительные экспрессивные коннотации, причем объектом этих коннотаций оказываются номинализированные формы, на которые направлена эмоциональная реакция.

Зависимость экспрессивных предложений, построенных по модели *T* *nom*, от контекстного окружения тесно связана с участием в этом модели эмоциональной лексики. При заполнении номинализированной экспрессивной модели эмоциональной лексикой, т. е. словами, составной частью которых является сема эмоциональности, зависимость предложений от компонентов контекста уменьшается. Сам подбор лексики, входящей в модель выражения экспрессивности, передает определенные чувства. Включение словосочетания *making a fool* в предложение при реализации модели свидетельствует о характере эмоциональной реакции — порицании, осуждении:

Helen: Well, it was good while it lasted.

Jo: Making a fool of yourself over that throw back (16, 80).

Выбор слова *lazing* для характеристики поведения одного из героев свидетельствует о выраженной эмоциональной реакции осуждения, недовольства:

Jeof: You do need me, Jo, don't you?

Helen: What, *lazing* in bed as usual. Come on, get up, plenty of girls in your condition have to go out to work and take care of the family (16, 54).

Выбор слова *brand* для характеристики меры наказания свидетельствует об эмоциональной реакции неодобрения, осуждения:

James: Equally out of the question to send him out amongst people who have no knowledge of his character. One must think of society.

Walter: But to brand him like this (22, 345).

Использование слова *offending* для характеристики отношения героя к лицам, от которых зависит его благосостояние, говорит об отрицательной реакции родных:

Angelo: Why does he do it? Why does he want to ruin me? What a chance will be gone for you too, Luigi. Think of it. Offending people of such influence and wealth as they're sure to be (20, 26).

Итак, сочетание экспрессивной формы *T nom*, *V to*, *V ing* и наполнения эмоциональной лексикой приводит к созданию эмоциональных по своему содержанию предложений, в которых эмоциональное содержание выводится из микроконтекста. Эти предложения являются микроконтекстно связанными, т. е. они не зависят от лингвистического и экстралингвистического макроконтекстов.

При наполнении номинализированных моделей при их реализации нейтральной лексикой предложения обнаруживают связь с макроконтекстом, который помогает истолковать их эмоциональное содержание. Например:

Angelo: Did you hear that? They're shouting my name. What a morning to have lived for (20, 104).

Анализ лингвистического и экстралингвистического макроконтекстов позволяет утверждать, что в предложении *What a morning to have lived for* выражена радость, гордость по поводу достигнутого.

Miles: We were just getting something through from the Orsata. My God! What a thing to happen! Quite deliberate. Must have been. You can see for yourself (61, 53).

Анализ экстралингвистического и частично лингвистического макроконтекстов позволяет выявить в этом примере экспрессивные

коннотации негодования, возмущения по поводу готовившегося преступления, которые накладываются на основное значение предложения, построенного на основе данной модели.

Таким образом, использование нейтральной лексики в предложении, построенном по модели Т пом, приводит к его зависимости от компонентов контекста, так как эмоциональное содержание таких предложений может быть выявлено лишь в результате анализа макроконтекста. Такие предложения могут быть названы *макроконтекстно связанными*.

На лексико-семантическом уровне изучается и проявление экспрессивного потенциала данной модели, т. е. выявляются ее возможные коннотации в процессе речевой реализации.

Довольно часто серия предложений, построенных на основе модели Т пом, служит для создания картины, лишенной динамичности, так как личные формы глагола заменены причастными, которые не обозначают действие. Одновременно с характеристикой события экспрессивные предложения содержат эмоционально-экспрессивные коннотации. Образование безглагольных предложений для выражения экспрессивных коннотаций является частью общей тенденции к реорганизации синтаксических единиц, которая проявляется в общем процессе номинализации английского предложения, на что указывал В. Е. Коваленко [107].
Например:

William: That's what the matter with the world now.

Everybody interfering with everybody etse. Everybody wanting to know what everybody else is doing or saying and thinking (56, 33).

Результатом номинализации личных форм глагола в этих примерах является снятие динамизма, присущего последовательности глагольных форм, и возникновение эмоционально-экспрессивных коннотаций раздражения, недовольства тем, что теперь все вмешиваются в чужие дела и хотят знать все о чужой жизни.

Friends weeping for them-real, tears, mind you, very oflen real tears, clergyman praying for them, perfect stangers taking off their hats to them as they pass them in the street, flowers, music, what more could you want? (68, 19).

Последовательность номинализированных конструкций в этом примере создает картину человеческих страданий: горечи, тоски, обреченности одинокого существа. Эти коннотации накладываются на изложение конкретных фактов в результате номинализации личной формы глагола.

Вопросительное предложение в этой реплике не служит целям выяснения неизвестного, но эмоционального утверждения: не стоило давать больше материала для судебного разбирательства.

Вопросительно-отрицательное предложение, характеризующееся Т по личной форме глагола, приобретает наряду с эмоциональными коннотациями значение побуждения:

Mrs. Elton: Why not go to bed? I'll bring you a nice warm drink (64, 56).

Erby: Give me a week to join up or else.

Frank: A week! Why not give him a couple of years? We'd have to win him over (11, 56).

Ivor: Why talking to me like that? I've done nothing to you. And nobody's asked you to come here—from Burma, or whatever it is and start making mischief. We're doing no harm to you. Why not teave us alone? Why not be gone (61, 63).

Побуждение лечь спать в первом примере, предоставить в распоряжение пару лет во втором, оставить людей в покое, уйти в третьем и эмоциональные коннотации грусти, тоски, раздражения — такова семантика этих структурных типов при их контекстной реализации. Структура диалога, т. е. отсутствие ответа на специальный вопрос, свидетельствует о его риторическом значении, о невопросительном характере рассматриваемых специальных вопросов.

Итак, выражение различных чувств по поводу действия или состояния, которые были переданы номинализированными глагольными формами, — таковы коннотации модели Т по при ее контекстной реализации.

Выявление коммуникативной значимости экспрессивных конструкций, характеризующихся V to или V ing при контекстной реализации, свидетельствует об их особом актуальном членении. Обычное объективное расположение компонентов предложения от известного к неизвестному, от темы к реме, что облегчает понимание произносимого, которое является особенностью нейтральных предложений, заменяется в экспрессивных предложениях с номинализированной личной формой глагола расположением от ремы—неизвестного—к теме—известному; это приводит к нарушению коммуникативного динамизма, характерного для нейтральных предложений.

Это нарушение коммуникативного динамизма в экспрессивных предложениях свидетельствует об их особой направленности: не констатация определенных фактов, а эмоциональная реакция на констатируемый факт.

Рематической частью предложения обычно оказывается номинализированная форма личного глагола, являющаяся центром коммуникативного динамизма рема-тематического по членению предложения:

Sally: Just fancy! Creeping in and asking questions!

Sam: What, you chap? Well, he's a foreigner of some sort, you see (62, 89).

Рематический характер приобретает и подлежащее, которое сохраняется перед номинализированной формой личного глагола. Коммуникативный динамизм распределяется между подлежащим, выраженным существительным, и сказуемым, выраженным номинализированной формой глагола. В отличие от простой ремы односоставного предложения двусоставные предложения характеризуются составной ремой:

Storrs: Brass bands! Victory marches, beautiful girls hurling flowers at us (65, 145).

The dog lying outside the baby's door! (25, 47).

Перед подлежащим, выраженным существительным, могут ставиться вопросительные местоимения в функции усиления:

What a welcome to give you, my dear, dear fellow! (20, 91).

Why want to change her (20, 60).

Why make a model of her! Why turn her into a clothes horse (20, 61).

Постановка вопросительных местоимений в функции усиления увеличивает коммуникативный динамизм рематических частей предложения.

Таковы особенности актуального членения предложений, построенных по модели Т пот, которые выделяют их среди нейтральных предложений, выступая их дифференциальным признаком.

Итак, синтагматический план изучения экспрессивных специфических конституэнтов обнаруживает их микроконтекстную связанность при наличии в их составе эмоциональной лексики и макроконтекстную связанность при наличии в их составе только нейтральной лексики. На этом же лексико-семантическом уровне реализуется экспрессивный потенциал в форме эмоциональной реакции на выраженные номинализированной формой действие или состояние: негодования, презрения, радости, удовлетворения, тоски и т. д.

На коммуникативном уровне актуальное членение специфических конституэнтов характеризуется изменением коммуникативного динамизма: центром коммуникативного динамизма оказывается номинализированная форма личного глагола, которая является простой ремой рема-тематического односоставного предложения. Усилению коммуникативного динамизма односоставного рема-тематического предложения служат указательные и вопросительные местоимения.

В двусоставных предложениях центр коммуникативного динамизма распределен между существительным и номинализиро-

ванной формой личного глагола, поэтому предложение характеризуется составной ремой. Постановка вопросительных и указательных местоимений перед существительным увеличивает коммуникативный динамизм предложения.

Особые микро- и макроконтекстные связи и рема-тематическое членение — таковы дифференциальные признаки этой группы специфических конституэнтов в плане синтагматики.

Б. Модель, характеризующаяся в плане деривации T remt.

В моделях, характеризующихся в деривационном плане T remt, так же как и в ранее описанной структурной группе, обнаруживается замкнутость границами предложения, в котором реализуется модель. Экспрессивно выделяются предикат и объект действия в границах самого предложения; контекст является лишь вспомогательным фактором и служит для уточнения ситуации, при которой выделяется действующее лицо или подчеркивается какое-либо событие.

Изучение контекстных связей на лексико-семантическом уровне глубины при помощи дистрибутивного анализа обнаруживает роль лексического наполнения в выявлении степени семантико-синтаксической зависимости того или иного экспрессивного предложения от различных компонентов контекста.

Участие эмоциональной лексики в заполнении модели выражения экспрессивности, характеризующейся T remt, приводит к независимости предложений от контекстного окружения или, по крайней мере, к уменьшению связей с этим окружением. Эмоционально-экспрессивные коннотации обнаруживаются в границах микроконтекста, т. е. самого предложения. Например:

Just one of these idiotic things women do when their emotions are all over the place (58, 55).

Эмоциональная оценка негодования, осуждения выявляется в самом предложении, построенном по модели T remt, благодаря присутствию эмоционального прилагательного *idiotic*, которое достаточно ярко характеризует позицию говорящего.

Bill: She 's just had her baby. Gawd! Nine months of hell that's been (11, 59).

В этом примере эмоциональные коннотации сочувствия, сожаления накладываются на основную констатацию факта. Присутствие эмоционального слова *hell* в составе словосочетания *nine months of hell* помогает выразить отношение собеседника к общаемому.

Stupid Swede he is (28, 25).

Использование эмоционального прилагательного *stupid* помогает выявить эмоциональные коннотации осуждения, насмешки над одним из персонажей пьесы в границах самого предложения.

Таким образом, предложения, построенные по модели выражения экспрессивности, характеризующейся T perm, которые содержат эмоциональную лексику, выявляют коннотации в границах самого предложения, т. е. являются микроконтекстно связанными.

Иные дистрибутивные связи мы наблюдаем в предложениях, не содержащих эмоциональной лексики. Эмоциональные коннотации не могут быть выявлены в самом предложении, в котором реализуется модель T perm, но для их выявления необходимо провести анализ контекстных связей предложения.

Charlie: Yes, I've known three who did, Harry. Three who did. A problem it is. Such a problem. Ruined me marriage, you know (19, 65).

В этом примере лишь анализ лингвистического и экстралингвистического контекстов позволяет понять эмоциональные коннотации инвертированных предложений. В данном случае присутствие в лингвистическом контексте слова *ruined* помогает истолковать эмоциональные коннотации предложения *A problem, it, is*, это — горечь, разочарование в семейных отношениях, грустные размышления по поводу их сложности.

Вне контекстных связей инвертированные предложения, лишенные эмоциональной лексики, не выявляют присущих им коннотаций.

Harry: And he made a cup of tea and told me about his eight children. Eight children he had! (19, 65).

В этом примере инвертированное предложение содержит коннотации удивления, восхищения человеком, который воспитал восемь детей. Инвертированный повтор служит для усиления предшествующего высказывания, его экспрессивного подчеркивания и обнаруживает с ним тесные контекстные связи, образуя объединенное в смысловом и структурном плане высказывание. Анализ экстралингвистического макроконтекста — составная часть выявления коннотаций экспрессивного предложения в этом примере.

What an alley he would make to Fiesal (65, 54).

В этом примере лишь анализ экстралингвистического макроконтекста, знание политических взглядов действующего лица дают возможность выявить эмоциональные коннотации данного предложения, это — радость, восхищение сложившейся ситуацией.

And my father died alone. I was his favourite child. These things I remember. And you? Tell me the beautiful things you remember about her (74, 57).

В этом примере инвертированное предложение *These things I remember*, построенное по модели T perm, обнаруживает свои

эмоциональные коннотации лишь в процессе анализа лингвистического макроконтекста, это — сожаление, грусть по поводу разлуки любящих друг друга людей.

Предложения, построенные по модели *T perm*, не содержащие эмоциональной лексики, тесно связаны с лингвистическими и экстралингвистическими макроконтекстами и поэтому могут быть названы макроконтекстно связанными.

Макроконтекстная и микроконтекстная связанность экспрессивных специфических конstituэнтов этой группы является их дифференциальным признаком на лексико-семантическом уровне.

На этом же уровне реализуется экспрессивный потенциал как различные коннотации — горечи, тоски, восхищения, порицания, негодования, возмущения — и конкретизируется выделение, подчеркивание какого-либо члена предложения.

Подчеркивание такого качества, как свободомыслие, сопровождается коннотациями восхищения в следующем примере:

But she's different, you know, sailor. Not at all what you'd imagine, Free-thinking, that's what she is (65, 33).

Выделение одного из членов предложения сопровождается коннотациями горечи, сожаления:

Blooming vicious circle, that's what it is (7, 9).

That poor little snipe, Bicket (24, 205).

Подчеркивание результата действия сопровождается в следующем примере коннотациями негодования, возмущения:

Birling: We were having a nice little family celebration to night.

And a nasty mess you've made of it now, haven't you? (59, 21).

Flight Lieutenant: I know what you mean. Shocking lot we're having these days (65, 16).

Подчеркивание плачального состояния одного из действующих лиц сопровождается коннотациями отчаяния, тоски:

There's a lot the matter with me, Mister. Down and out I am (22, 234).

Итак, экспрессивный потенциал модели *T perm* реализуется на лексико-семантическом уровне как выделение, подчеркивание одного из членов предложения, сопровождающееся эмоциональными коннотациями восхищения, возмущения, негодования, горечи, сожаления, отчаяния и т. д.

На коммуникативном уровне синтаксической единицы использование методики актуального членения позволяет обнаружить структурную организацию изучаемых предложений, характеризующихся *T perm*. Изменение коммуникативного динамизма предложений приводит к их новому актуальному членению.

Обычное построение от известного, темы, к неизвестному, реме, характеризующее нейтральное предложение, заменяется в инвертированных предложениях таким построением, при котором предложение начинается с реме. Такое напряженное построение инвертированных предложений и обеспечивает их экспрессивность, так как выделенный путем инверсии член предложения оказывается центром коммуникативного динамизма.

Mrs: Probus: I haven't a name for it. Kind of punishment, it sometimes seems to me (58, 26).

В этом примере словосочетание *kind of punishment* — предикативная часть составного именного сказуемого, вынесенная в начальную позицию в предложение, — оказывается центром коммуникативного динамизма. Это свидетельствует о рематическом характере выделяемого члена и об общем рема-тематическом характере членения предложения.

Kit: Then clear off out it. Go on. A fine pair you'll make (15, 96).

В этом примере центром коммуникативного динамизма оказывается его предикативная часть, вынесенная в начальную позицию. Она оказывается ремой высказывания.

The end of a career, gone on too long.

What a terrible thing the years! (20, 63).

В этом примере словосочетание *what a terrible thing* является центром коммуникативного динамизма данного предложения и может быть охарактеризовано как рема высказывания.

A fat chance they have, haven't they? (62, 96).

В этом примере прямое дополнение *a fat chance* является центром коммуникативного динамизма и может быть охарактеризовано как рема высказывания.

Синтагматический план изучения экспрессивных специфических конституэнтов, характеризующихся в плане деривации T remt, на лексико-семантическом уровне обнаруживает дифференциальные признаки, которые заключаются в макро- и микроконтекстных связях специфических конституэнтов и в реализации ими экспрессивного потенциала в форме подчеркивания, выделения одного из членов предложения и коннотаций восхищения, возмущения, негодования, горечи и т. д.

На коммуникативном уровне специфика актуального членения заключается в рема-тематическом членении специфических экспрессивных конституэнтов в отличие от тема-рематического членения нейтральных конструкций.

В. Модель, характеризующаяся в плане деривации T del.

Предложения, в которых реализуется данная модель в плане синтагматики, могут быть нейтральными по своей интонации, но могут сопровождаться и восклицательной интонацией. Их

экспрессивность не является следствием их интонации, которая в восклицательных предложениях лишь увеличивает экспрессивность; возникшую вследствие реализации модели T del. Например:

This bloody cold (16, 14).

What luck (42, 234).

The conceiving sow (19, 16).

В этих примерах нейтральная интонация не лишает предложения их экспрессивности. Построенные по модели выражения экспрессивности, характеризующейся T del, они экспрессивны по своей структуре независимо от их лексического наполнения. Они выражают экспрессивно-эмоциональную оценку предшествующего высказывания, действующего лица или сложившейся ситуации.

An idea! (5, 109).

Rubbish! Rubbish! (10, 14).

The swine! The mean little swine! (1, 50).

В этих примерах экспрессивная форма и восклицательная интонация взаимодействуют, увеличивая экспрессивность структуры.

При изучении этих синтаксических единиц на лексико-семантическом уровне обнаруживается их тесная связь с предшествующим или последующим контекстом, так как они направлены на этот контекст. Экспрессивно-эмоциональная оценка предшествующей ситуации, высказывания, действующего лица происходит лишь в границах этого контекста независимо от наполнения эмоциональной лексикой.

О специфике оценочных предложений разной структуры, которая должна заключаться в тесной связи с предшествующим или последующим текстом, говорит Ш. Балли [223]. Характеризуя предложения, содержащие коннотации восхищения, он отмечает, что восхищение обычно имеет причину. Необходимо указать на предмет или явление, подвергающиеся оценке.

Н. А. Авганова, описывая предложения, объединенные оценочной связью, указывает, что «функционирование оценочного предложения без предложения, к которому относится оценка, невозможно» [1, 186].

Предложения, построенные по модели T del, являются по своему содержанию эмоционально-оценочными предложениями. При изучении их дистрибутивных связей на лексико-семантическом уровне мы обнаруживаем, что все они являются макроконтекстно связанными, так как их эмоционально-экспрессивное содержание может быть выявлено в границах лингвистического макроконтекста, содержащего описание ситуации или действующего лица, включенных в оценку.

Анализ примеров позволяет обнаружить дистрибутивные связи предложений, построенных по модели T del:
Wilfred, too, perhaps nothing to her.
poor little wretch (24, 145).

Экспрессивное предложение *poor little wretch* тесно связано с предшествующим предложением, где упомянуто действующее лицо, к которому относится эмоциональная оценка, сопровождаемая эмоциональными коннотациями сожаления. Референт — местоимение *her*, к нему относится эмоционально-оценочное предложение *poor little wretch*. Референт выявляется из экстралингвистического контекста.

Snow: He says the young gentleman was intoxicated last night — took him into the house and gave him whisky, and under the influence of an empty stomach the says he took the box.

Mrs. Bartwick: The impudent wretch! (22, 36).

В этом отрывке действующее лицо, к которому относится эмоциональная оценка *impudent wretch*, выявляется из предшествующего контекста. Это — человек, укравший в пьяном состоянии шкатулку. Оценочное предложение, дающее эмоциональную оценку действующему лицу, является связанным границами макроконтракста, так как оценивается лицо, представленное в предшествующем контексте.

Эмоциональная оценка возникшей ситуации также заставляет обратиться к предшествующему контексту за выявлением этой ситуации. Например:

I've brought you a picture. Chinese!

Oh, Dad! How jolly (24, 145).

Направленность оценки не может быть выявлена без привлечения лингвистического макроконтракста — сообщения о картине.

The strike is on.

What a bore! (25, 12).

В этом примере эмоциональная оценка, выраженная в предложении *what a bore*, обнаруживает тесные дистрибутивные связи с предшествующим сообщением, эмоциональной реакцией на которое является данное предложение:

Christian: I'm almost a criminal type.

What a remark (17, 46).

В этом примере оценивается предшествующее сообщение, поэтому эмоционально-оценочное предложение *what a remark* обнаруживает тесные дистрибутивные связи с ним. Отсутствие эмоциональной лексики в экспрессивном предложении делает необходимым привлечение экстралингвистического макроконтракста, чтобы выявить характер эмоциональных коннотаций; это удивление слушателя по поводу столь странного признания.

Реализация экспрессивного потенциала данной модели на лексико-семантическом уровне свидетельствует о том, что оценка действующего лица, предшествующей ситуации или высказывания, составляющие экспрессивный потенциал данной модели, сопровождается в контексте определенными коннотациями.

But the town looks so stiff and tidy, somehow so protestant, it has a self-satisfied air. No, I don't like it, it reminds me of Julia. Montonelli laughed: Poor boy! What a misfortune! (72 22).

В этом примере эмоциональная реакция Монтонелли на предшествующее высказывание сопровождается выражением горечи, сожаления по поводу того, что мальчику приходится жить среди неприятных ему людей.

There was the sound as if of a branch cracking underfoot, a muttered oath, and then with appalling suddenness a huntsman's scream. It had a quality that froze the blood.

Adrian said: Pretty ghastly! But he's broken covert (26, 229).

В этом примере оценка описанной ситуации — смерти безумного Ферса — сопровождается эмоциональными коннотациями ужаса.

Экспрессивность нейтральных с точки зрения лексического содержания предложений может достигаться путем постановки перед нейтральными существительными указательных местоимений *this, that*, которые передают в сочетании с последующим существительным в контекстном окружении пренебрежительные, уничижительные коннотации. Например:

That fellow Jolyon (23, 19).

That painter! What business had he to paint a woman so like Vic as that! (24, 208).

What force had done this to him — squeezed him like an orange to its rind! That woman! (23, 170).

Эмоциональные коннотации негодования, возмущения накладываются на основное содержание в таких репликах, как *that painter, that woman, that fellow Jolyon*.

Таким образом, экспрессивный потенциал специфических конституэнтов, характеризующихся в плане деривации *T del*, реализуется на лексико-семантическом уровне как эмоциональная оценка предшествующей ситуации, высказывания, действующего лица, сопровождающаяся коннотациями удовольствия, ужаса, изумления, восторга и т. д.

Изучение экспрессивных специфических конституэнтов на коммуникативном уровне обнаруживает их особое актуальное членение. Экспрессивные специфические конституэнты этого типа содержат только рему, а тема обнаруживается в предложениях макроконтекста.

My heart is like a pile-driver. I've never gone up in the world so fast. What an outcome to my life, after all (20, 39).

В этом примере экспрессивное предложение, построенное на модели T del, вводит новое в высказывании, являясь центром коммуникативного динамизма, поэтому оно сигнализирует о реме высказывания. Эта рема может быть названа простой.

That woman! said Soames. She can't keep her foot out of anything (24, 149).

В этом примере экспрессивное предложение, построенное по модели T del, является центром коммуникативного динамизма и свидетельствует о составной реме высказывания, состоящей из двух частей: that woman и can't keep her foot out.

This funny boy! They've never mentioned about their meeting (17, 80).

Экспрессивное предложение, построенное по модели T del, являясь центром коммуникативного динамизма, сигнализирует о простой реме. Постановка указательного местоимения this усиливает коммуникативный динамизм этой реплики.

Итак, синтагматический план изучения экспрессивных специфических конституэнтов, характеризующихся T del, обнаруживает их макроконтэкстную связанность как дифференциальный признак на лексико-семантическом уровне. Этот же уровень изучения характеризуется реализацией их экспрессивного потенциала как различные коннотации. На коммуникативном уровне обнаруживается специфика актуального членения экспрессивных структур, заключающаяся в их рематическом характере (простая рема, составная рема) т. е. они являются центром коммуникативного динамизма.

Г. Модель, характеризующаяся в плане деривации T expl.

Предложения, построенные на основе этой модели, характеризуются только утвердительной интонацией, что может быть объяснено особенностями выражаемой ими экспрессии. Их основное экспрессивное содержание выражается как экспрессивное выделение повторяемых членов предложения или членов предложения, выделяемых при помощи компонентов, функцией которых является усиление. В данной работе они названы формальными показателями выражения экспрессивности. Возникшее в результате контекстного функционирования их эмоциональное содержание является следствием влияния эмоциональной лексики контекстного окружения и эмоциональной ситуации, представленной в лингвистическом и экстралингвистическом контекстах.

Повторение членов предложения может быть чистым, т. е. повторяется какой-либо член предложения без изменения и до-

полнения. При повторении возможна замена одного из повторяемых слов синонимичными словами, при повторении могут вводиться формальные показатели выражения экспрессивности.

Повторяются подлежащее и вспомогательный глагол без изменения:

A debt of honour — it wouldn't wait.

Mabel: It: was — it was to a woman, Ronny, don't lie any more (22, 78).

Mrs. Holmes: She could make something of herself, she could (7, 30).

Повторяются подлежащее и вспомогательный глагол с наречием *really* в функции усиления:

Bob: I'm going to miss you, Carruthers' I really am (4, 19).

Geof: Now you know it's disgusting, it really is (16, 71).

Повторяются синонимичные слова:

Melnick: Why does Professor Chee, who is so nice, so kind, so gentle agree with me about this Vesabar (59, 24).

Повторяются контекстные синонимы (местоимения и существительное, местоимение и словосочетание):

Dr. Gorthler: This love of theirs, it had died (62, 145).

He was in a terrible state, poor man (33, 180).

He's a good bloke, Sergeant Walker (28, 42).

Those animals, I really loved them (17, 8).

Наиболее распространенными формальными показателями, служащими для экспрессивного выделения какого-либо члена предложения, являются: *it is (was), that's (was), did, that's what, that's where, that's how* например:

Father: It's me you've come to see (35, 63).

And I do understand what you must be feeling at the moment (64, 57).

But she did wish it could be sooner (23, 232).

The garden of England, that's what it is (46, 22).

It's a woman's greatest enemy — that's what it is (62, 123).

It was us he saw, Oliver, of course it was us (62, 145).

Эмоциональные коннотации в этих примерах не могут быть выведены при контекстной реализации самой модели, но выводятся в результате анализа экстралингвистического и лингвистического макроконтекстов.

Чувство восхищения:

The garden of England, that's what it is.

Чувство тоски:

But she did wish it could be sooner.

Чувство горечи:

It's a woman's greatest enemy — that's what it is.

Изучение синтаксических связей на лексико-семантическом уровне синтаксической единицы обнаруживает их специфику в том, что у них не наблюдается таких тесных контекстных связей, которые были обнаружены при реализации модели T del, но их экспрессивное содержание выявляется в границах самого предложения, т. е. об этих предложениях можно говорить как о микроконтекстно связанных.

Yes, I do feel it so important, now that Irene has had a son (23, 232).

French and English never did get on, and never will (24, 100). В этих примерах экспрессивное выделение действия — подчеркивание того факта, что действие действительно имело место, выявляется в границах микроконтекста, т. е. самого предложения, в которое входят подчеркиваемые компоненты. Последующее и предшествующее предложения могут не принимать участия в истолковании экспрессивности исследуемой модели.

Подобные же явления мы наблюдаем в том случае, если экспрессивно подчеркиваются подлежащее и глагол-связка.

That's real money, that is (46, 12).

Mad they are, they're mad they are, they're raving lunatics they are (75, 68).

Экспрессивное содержание в этих примерах выявляется в границах микроконтекста: подчеркивается реальность денег или безумие окружающих людей. Эмоциональные коннотации удовлетворения в первом примере и возмущения во втором выявляются в результате анализа макроконтекста, который позволяет понять отношение говорящего к высказыванию.

Повторение-расшифровка подлежащего, выраженного личным местоимением в границах предложения, наряду с общим экспрессивным значением усиления сопровождается эмоциональными коннотациями пренебрежительности, уничижительности.

Например:

Now she must have hated him — that wife of his (39, 46).

Harry: It's a nuisance, the whole thing (19, 65).

Jo: Yes, it's seen at its best in the dark (16, 21).

В том случае, когда повторяемые слова или словосочетания содержат эмоциональную лексику, наряду с экспрессивными значениями усиления, подчеркивания возникают эмоциональные коннотации, вносимые эмоциональной лексикой негодования, сочувствия, возмущения, сострадания):

He don't want to open he envelopes, the son of a bitch (66, 81).

Roberto: I'm sweating in sympathy with him, the poor devil (28, 62).

Shone: He's right desperate to-night, poor bastard (28, 62).

He's as lively as a kid, old devil (15, 44).

В этих примерах экспрессивные коннотации усиления, подчеркивания какого-либо члена предложения, в частности подлежащего, вбирают в себя эмоциональные моменты, вносимые эмоциональной лексикой.

В следующих далее примерах повторение определений или предикативной части сказуемого наряду с экспрессивным эффектом усиления, подчеркивания сопровождается выражением эмоций благодаря присутствию эмоциональной лексики:

She would rave and regret, applaud and destroy, love and devour.

Mad, mad, mad, mad woman (74, 32).

Присутствие эмоциональной лексики (слова mad) позволяет выявить эмоциональные коннотации возмущения, негодования.

It was unfair-monstrous to put it that way (23, 236).

В этом примере присутствие эмоциональных слов unfair, monstrous позволяет выявить эмоциональные коннотации негодования, осуждения.

Chu: Lights and noise make nice simple people very gay, very happy (59, 42).

В этом примере присутствие эмоциональных слов gay, happy позволяет выявить эмоциональные коннотации радости, удовлетворения.

Таким образом, реализация экспрессивного потенциала, характеризующего модель T exp1, в плане синтагматики на лексико-семантическом уровне синтаксической единицы обнаруживает, помимо основного значения модели, коннотации радости, удовлетворения, пренебрежения, негодования, осуждения, которые наряду с основным значением — экспрессивным выделением какого-либо члена предложения — являются синтагматической дифференциальной характеристикой этой модели.

Повторение одного и того же слова или словосочетания в ряде предложений экспрессивного отрывка является особым стилистическим приемом, широко используемым в художественной литературе¹.

Многочисленные примеры из диалогов пьес и романов свидетельствуют о возникновении эмоциональных коннотаций в результате использования стилистического приема повторения. Например:

Jimmy: God, how I hate Sundays! It's always so depressing,

¹ О различных видах повтора (анафоре, эпифоре, кольцевом повторе, или рамке), широко используемых в прозе и поэзии, говорится, в частности, у И. В. Арнольд [14].

always the same. We never seem to get further, do we? Always the same ritual.

Reading the papers, drinking tea, ironing (54, 40).

Чувство раздражения монотонностью обыденного существования передано в речи Джими путем повторения слова *always*.

Father: I can't take life except at second hand, but I work. I work.

I work. I work. In dryness I work. In despair I work. As long as I work I can hold the pain of the world away from me (36, 32).

В этом примере повторение слова *work* на протяжении всей речи скульптора, задавшегося целью создать статую бога, подчеркивает его отрешенность от мирских дел, его преданность идее созидания.

Таково использование модели *T expt* в текстах в целях выражения различных эмоционально-экспрессивных коннотаций и эмоциональной характеристики действующих лиц и ситуаций.

На коммуникативном уровне синтаксической единицы обнаруживается специфика ее актуального членения. В двусоставных предложениях, построенных по модели *T expt*, мы видим тема-рематическое членение основной части предложения рематический характер предшествующей части:

Poor monkeys! said Holly. I'm always frightfully sorry for monkeys (24, 139).

Общее членение предложения: рема — тема — рема. Нарастание коммуникативного динамизма сопровождается падением, а затем новым нарастанием в границах одного предложения.

That numb old nag now—he never took a difficult fence in his life either (53, 19).

В этом примере двусоставное предложение *He never took a difficult fence* характеризуется тема-рематическим членением, однако предшествующая предложению часть *that numb old nag* является центром коммуникативного динамизма и ремой высказывания. Поэтому мы здесь также видим общее членение: рема — тема — рема.

She's worth a small fortune on the side, this girl, you know (15, 11).

В этом примере тема-рематическое членение основного предложения сопровождается ремой *this girl*. Можно говорить о членении тема — рема — рема.

Give and give and give because every part of me ackes to give (74, 2).

Здесь повторяемая часть оказывается центром коммуникативного динамизма, поэтому свидетельствует о реме высказывания.

На коммуникативном уровне дифференциальным признаком экспрессивных специфических конституэнтов, характеризующихся $T\text{ exrI}$, является рематический характер повторяемых или выделяемых при помощи формальных показателей частей предложения.

Итак, на лексико-семантическом уровне синтаксической единицы, построенной по модели $T\text{ exrI}$, обнаруживаются микроконтекстные синтаксические связи и независимость от макроконтраста в выявлении экспрессивных коннотаций усиления, подчеркивания, хотя для выявления эмоциональных коннотаций оказывается необходимым анализ лингвистического и экстралингвистического контекстов.

Экспрессивный потенциал этих моделей реализуется на лексико-семантическом уровне как экспрессивное подчеркивание повторяемых членов предложения или членов предложения, выделяемых при помощи формальных показателей выражения экспрессивности, что может сопровождаться эмоциональными коннотациями пренебрежения, возмущения, негодования, радости и т. д.

Дифференциальным признаком экспрессивных специфических конституэнтов, построенных по модели $T\text{ exrI}$, является нарастание коммуникативного динамизма в повторяемых или выделяемых при помощи формальных показателей частях.

Д. Модель, характеризующаяся в плане деривации $T\text{ sep}$. Особенностью этой модели является нейтральная интонация основной части и парцеллята.

Изучение синтаксических связей на лексико-семантическом уровне при помощи дистрибутивного анализа обнаруживает тесные связи парцеллята и основной части, наличие обязательных смысловых их взаимодействий в границах реализованной модели. Основное экспрессивное содержание этой модели — ритмическое выделение части предложения после паузы (используется принцип ударности членов предложения после паузы). Ритмический принцип отделения в письменной речи фиксируется точкой перед отделенной частью — парцеллятом.

Присутствие эмоциональной лексики в предложении, в котором реализуется модель $T\text{ sep}$. не играет роли в выявлении его экспрессивного содержания, а эмоциональные коннотации не характеризуют предложения, в котором реализована эта модель. Анализ синтаксических связей на лексико-семантическом уровне этой модели свидетельствует о ее микроконтекстной связанности, так как анализ макроконтраста не вносит нового содержания в реализованную модель. Ее экспрессивная интерпретация зависит только от микроконтекста.

Смысловые связи отделяемых частей предложения, построенного по модели T set, с основной частью можно представить как выражение дополнительной информации, экспрессивно выделяемой вследствие ее существенной важности. Например:

If you don't want to come I'll get back to work. Carving Him (35, 52).

Существенно важной дополнительной информацией является уточнение характера работы, этот парцеллят экспрессивно выделяется вследствие его важности.

I sort of promised Sid I would help. For special treatment and all (7, 23).

В этом примере дополнительной информацией, которая экспрессивно подчеркивается, является уточнение цели оказываемой помощи.

Дополнительная информация, содержащаяся в парцелляте, может выражать мысль, противоречащую мысли основного предложения:

You look very young when you smile. Except for your mouth (30, 70).

I've lost touch in the last ten years. Except with my sister (33, 98).

He said he was a little fellow, you know. Perfect in every way. Absolutely perfect. Except for a hump on his back (28, 26).

Agnes: He is, according to my information rather like you.

Charming, attractive, quietly happy, a man who invites compassion.

And unreliable, and self-centred and irresponsible (68, 56).

You are very happy now in this sunny cottage.

Except for painful recollections of your past (33, 19).

Во всех примерах используется прием обманутого ожидания, так как предполагается продолжение мысли, выраженной в первом предложении, но парцеллят, по существу, опровергает эту мысль.

Экспрессивный потенциал модели, характеризующейся T set, реализуется на лексико-семантическом уровне как экспрессивное выделение, подчеркивание слов, словосочетаний или предложений, отделенных паузой от основной части. Обычно это экспрессивное выделение не сопровождается эмоциональными коннотациями, которые характеризуют другие модели, при их речевой реализации.

Изучение предложений, построенных по модели T set, на коммуникативном уровне обнаруживает их особое актуальное членение, отличное от членения нейтральных предложений. Парцеллят, являясь центром коммуникативного динамизма предложения, свидетельствует о его реме.

Информация, являющаяся в нейтральном предложении частью новой информации, входя в состав общей ремы, в предложении, построенном по модели *T ser*, становится источником нового, центром коммуникативной информации и свидетельствует о реме высказывания.

He wants me to visit his mother.

Expects me to. To protect his source (33, 164).

Если в первом предложении, где нет парцеллята, инфинитивная конструкция является частью простой ремы: *wants me to visit his mother*, то во втором предложении самостоятельной ремой выступает парцеллят *to protect his source*, поэтому можно говорить о составной реме.

We were happy to see each other after many years (8, 86).

Здесь словосочетание *after many years* — часть общей ремы предложения: *happy to see each other after many years*.

It would be a mistake. After all these years (32, 101).

В этом примере с парцеллятом отделяемая при помощи точки часть является центром коммуникативного динамизма, поэтому свидетельствует о реме высказывания. Здесь также можно говорить о составной реме.

Таким образом, в предложении, построенном по модели *T ser*, отделяемая точкой часть предложения (часть предложения после паузы) всегда является центром коммуникативного динамизма и свидетельствует о составной реме высказывания, что может служить характеристикой этого типа экспрессивных специфических конститuentов.

Итак, синтагматический план исследования предложений, построенных по модели *T ser*, свидетельствует о дифференциальных признаках между ними и нейтральными конструкциями.

На лексико-семантическом уровне экспрессивные специфические конститuentы этой модели характеризуются микроконтекстной связанностью, т. е. парцеллят и основная часть обнаруживают смысловое единство; при этом парцеллят вносит информацию, дополняющую основную информацию или противоречащую ей. Подчеркнутость, экспрессивная выделенность этой информации и составляет специфику этой модели. Присущий этой модели в парадигматическом плане экспрессивный потенциал реализуется в синтагматическом плане как подчеркнутость, экспрессивная выделенность частей предложения, однако без возникновения эмоциональных коннотаций.

На коммуникативном уровне специфика актуального членения предложений этого типа заключается в том, что их структурная организация свидетельствует о составной реме в отличие от простой ремы нейтральных предложений.

На лексико-семантическом уровне экспрессивные специфические конституэнты обнаруживают особые синтаксические контекстные связи с компонентами лингвистического и экстралингвистического контекстов, которые обуславливаются структурными особенностями модели и характером ее лексического наполнения.

Наполнение моделей T пом, T перм, T del эмоциональной лексикой делает их микроконтекстно-связанными. Наполнение моделей T пом, T перм, T del нейтральной лексикой увеличивает их зависимость от компонентов лингвистического и экстралингвистического макроконтекстов, т. е. они становятся макроконтекстно-связанными. Модели T expl, T sep обнаруживают микроконтекстную связанность, так как их экспрессивное содержание выявляется в границах самой модели, а эмоциональные коннотации не характерны для этих структурных типов.

На коммуникативном уровне актуальное членение предложений, построенных по моделям T пом, T перм, T del, T expl, T sep, является дифференциальным признаком экспрессивных специфических конституэнтв в синтагматическом плане. Экспрессивные специфические конституэнты в отличие от нейтральных обнаруживают особенности актуального членения, которые заключаются в том, что экспрессивно выделенные части предложения (повторяемые, отделяемые, инвертируемые и т. д.) свидетельствуют о реме высказывания, т. е. оказывается нарушенным обычное тема-рематическое членение нейтральных предложений.

Дифференциальные признаки специфических экспрессивных конституэнтв в синтагматическом плане (специфика контекстных связей, наличие коннотаций, особое актуальное членение) не нарушают их парадигматических общих признаков: денотативной общности, общих с нейтральными конструкциями логико-синтаксических отношений и структурного сходства при трансформационных различиях T пом, T перм, T del, T expl, T sep. Эти общие и дифференциальные признаки, а также использование специфических и нейтральных конституэнтв в различных стилистических подсистемах позволяют говорить о наличии синонимичных отношений между сопоставляемыми экспрессивными и нейтральными конструкциями.

Перед исследователем разговорной речи так же, как и перед исследователем других стилистических подсистем языка, встает основная задача — описать особенности этой подсистемы в определенной связи и обусловленности, т. е. представить ее основные формы как изменение нейтральных конструкций в специфических условиях функционирования данной стилистической подсистемы.

Синтаксис — один из разделов грамматики, в наибольшей мере поддающийся функциональному размежеванию, поэтому изучение синтаксических конструкций английской разговорной речи позволяет охарактеризовать ее структурную специфику.

Семантико-структурный принцип классификации синтаксических конструкций английской разговорной речи, который был принят нами для их описания, позволил разделить все синтаксические «дефо́рмации» системы языка на две группы: стилистически отмеченные эллиптические и стилистически отмеченные экспрессивные. Семантико-структурный принцип классификации синтаксических конструкций опирается на их семантическую специфику: стилистически отмеченные, отличающиеся коннотациями небрежности, непринужденности, интимности, и стилистически отмеченные экспрессивные, отличающиеся коннотациями экспрессивного выделения и подчеркивания, эмоциональной оценки (действия, состояния, предшествующего высказывания, ситуации и действующих лиц), которая основана на их структурных изменениях: эллиптировании нейтральных конструкций для стилистически отмеченных, трансформациях нейтральных конструкций *T nom*, *T del*, *T regm*, *T expl*, *T sep*, для стилистически отмеченных экспрессивных.

Описание какой-либо систематизированной общности предполагает перечисление признаков, находящихся в отношении принадлежности — непринадлежности к этой общности. Описание общности специфических синтаксических конструкций английской разговорной речи проведено на основе определенной методики, которой избран системный многоуровневый анализ. Сущность системного многоуровневого анализа заключается в том, что специфические стилистически отмеченные эллиптические и стилистически отмеченные экспрессивные конструкции английской разговорной речи сопоставляются с нейтральными конструкциями в целях выявления их общих и дифференциальных признаков. Для более последовательного и точного описания в плане сопоставления стилистически отмеченных экспрес-

сивных и нейтральных конструкций нами выявлены уровни синтаксических единиц: логико-синтаксический, структурно-семантический, лексико-семантический и коммуникативный.

Общие и дифференциальные признаки выявлены на каждом уровне при помощи методов логического, трансформационного, семного анализов, экспериментов субституции и отсечения частей предложения, методики актуального членения.

На логико-синтаксическом уровне сопоставляемые специфические и нейтральные синтаксические конструкции обладают общими субъектно-предикатными, предикатно-объектными, предикатно-адverbиальными и детерминативно-координативными, детерминативно-субординативными, детерминативно-коррелятивными отношениями, что при денотативной общности является основанием для их рассмотрения в плане синонимии.

Дифференциальные признаки обнаруживаются на трех уровнях глубины сопоставляемых стилистически отмеченных эллиптических единиц.

На структурно-семантическом уровне обнаруживаются структурные дифференциальные признаки: Tdel частей слов, отдельных слов или частей предложений, появляется стилистический потенциал у специфических конституэнтов.

На лексико-семантическом уровне обнаруживаются особые синтаксические связи между словоформами в границах предложения и контекстного окружения, следствием которых являются различные формы эллиптических предложений, и реализуется стилистический потенциал в форме коннотаций небрежности, непринужденности, интимности.

На коммуникативном уровне исследования у эллиптических конструкций обнаруживается особое актуальное членение, сущность которого заключается в том, что эллиптируется у специфических конституэнтов тематическая часть и остается рема высказывания, а нейтральные конструкции обладают общим тематическим членением.

Системное описание эллиптических стилистически отмеченных предложений английской разговорной речи помогает устранить противоречие в проблеме эллипса путем его описания как «части синтаксической системы всего данного языка в целом» [175, 480].

Исходя из описания специфических конституэнтов подсистемы английской разговорной речи как частей системы языка, подвергшихся видоизменению в специфических условиях их функционирования, мы приводим их следующее определение.

Эллиптические специфические конституэнты английской разговорной речи — это такие ее дифференциальные конструкции.

которые характеризуются общим денотативным значением с нейтральными конструкциями, общими логико-синтаксическими связями и сходной структурой, но отличаются структурной спецификой T del частей слов, слов и частей предложений, стилистическими коннотациями, присущими только им дистрибутивными связями и особым актуальным членением, заключающимся в эллипсе тематической части и сохранении ремы высказывания.

Эта характеристика эллиптических конструкций английской разговорной речи отграничивает их от случаев эллипса, встречающихся в других стилистических подсистемах языка, так как общее определение такого многостороннего явления как эллипс не может быть приведено без произвольного «домысливания вполне адекватных по своим информативно-коммуникативным задачам структур» [175, 481].

Дифференциальные признаки экспрессивных конструкций обнаруживаются также на трех уровнях глубины сопоставляемых единиц.

На структурно-семантическом уровне обнаруживаются структурные дифференциальные признаки: T nom, T del, T perm, T expl, T sep — нейтральной структуры предложения и появляется экспрессивный потенциал у специфических конститuentов.

На лексико-семантическом уровне обнаруживаются особые синтаксические связи между словоформами предложения и контекстным окружением, характер которых определяется лексическим наполнением моделей: присутствием или отсутствием эмоциональной лексики, следствием чего является образование микроконтекстно связанных и макроконтекстно связанных предложений, и реализуется стилистический потенциал в форме экспрессивного выделения или подчеркивания, а также эмоциональной оценки действия или состояния, выраженных в самом предложении. Может быть также представлена эмоциональная оценка предшествующего высказывания, ситуации и действующих лиц.

На коммуникативном уровне исследования у экспрессивных конструкций обнаруживается особое актуальное членение; его сущность заключается в том, что происходит нарушение коммуникативного динамизма нейтрального предложения, и центром коммуникативного динамизма становится часть предложения, выделяемая при помощи повторения, инверсии, точки, формальных показателей выражения экспрессивности. Особое коммуникативное членение предложения, при котором экспрессивно выделяемая часть становится ремой высказывания, является дифференциальным признаком экспрессивных специфических конститuentов.

Системное описание экспрессивных конструкций английской разговорной речи позволяет представить их как структурно-семантическое изменение нейтральных конструкций в особых условиях неофициального, непосредственного общения. Исходя из этого положения, приводим следующее определение.

Экспрессивные стилистически отмеченные конструкции английской разговорной речи — это ее дифференциальные специфические конституэнты, характеризующиеся общим денотативным значением с нейтральными конструкциями, общими лексико-синтаксическими связями и сходной структурой, но отличающиеся структурной спецификой (Т пом, Т del, Т perm, Т expl, Т sep нейтральной структуры предложения), экспрессивными коннотациями, микро- и макроконтэкстной связанностью и особым актуальным членением, которое заключается в том, что экспрессивно выделяемая часть становится ремой высказывания.

Эта характеристика экспрессивных специфических конституэнтв английской разговорной речи отграничивает их от экспрессивных конструкций других стилистических подсистем языка, обнаруживающих особые структурные типы, собственные дистрибутивные связи и специфическое актуальное членение, так как общее определение экспрессивных конструкций не может быть дано без потери в процессе обобщения их стилистической специфики.

Денотативная общность, общность логико-синтаксических отношений, структурная общность и дифференциальные признаки (изменение структуры в границах общности у специфических конституэнтв и связанное с этим изменением появление стилистического и экспрессивного потенциалов, особые синтаксические связи и коммуникативная специфика) свидетельствуют о синонимичности отношений между специфическими конституэнтами и нейтральными конструкциями языка. Так, синонимичность выступает связующей основой между единицами языка при его стилистической дифференциации, подтверждая положение о том, что понятие синтаксической синонимии опирается на принцип системности.

Синонимичные отношения систематизированной совокупности специфических конституэнтв и нейтральных единиц языка как форма организации синтаксических единиц стилистической подсистемы английской разговорной речи доказаны путем анализа по уровням 25 тысяч страниц произведений художественной литературы, путем использования таких методов, как логический, трансформационный и дистрибутивный анализы, актуальное членение, эксперименты субституции и отсеечения.

Использование комплексного аппарата исследования позво-

лило представить многоаспектное определение специфических стилистически отмеченных эллиптических и стилистически отмеченных экспрессивных конструкций; изучение какой-либо одной стороны специфических конститuentов в отрыве от других невозможно, так как теряется их сущность.

Итак, многоуровневый анализ специфических синтаксических конститuentов подсистемы английской разговорной речи является одним из возможных путей описания разговорной специфики, которая до настоящего времени недостаточно изучена. Практические данные этого исследования относительно границ деформации эллиптических конструкций, синтаксических процессов, обуславливающих их эллиптирование, специфики соединения единиц в диалогическое единство, различных форм трансформационных изменений нейтрального предложения для получения структурной экспрессивности могут быть использованы при составлении учебников разговорной речи.

1. Авганова Н. А. О контекстной зависимости предложений, объединенных оценочной связью. — В кн.: Вопросы английского языка. М., 1975.
2. Адмони В. Г. Основы теории грамматики. М. — Л., 1964.
3. Адмони В. Г. Структурно-смысловое ядро предложения. — В кн.: Члены предложения в языках различных типов. Л., 1972.
4. Адмони В. Г. Пути развития грамматического строя в немецком языке. М., 1973.
5. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973.
6. Азнаурова Э. С. Очерки по стилистике слова. Ташкент, 1973.
7. Азнаурова Э. С. Слово как объект лингвистической стилистики. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1974.
8. Азовцева Ю. А. Коммуникативно-синтаксическая вариантность на уровне высказывания (обособление и парцелляция). — В кн.: Вопросы романо-германской филологии. М., 1970.
9. Алексеев А. Я. К функциональной специфике просторечья современного французского языка. — Учен. зап. МГПИИЯ, 1971, № 63.
10. Алексеев А. Я. Роль просторечья в развитии функциональных стилей современного французского языка. — Там же.
11. Андреева Е. Д. Двусоставные безглагольные предложения в современном французском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1964.
12. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963.
13. Арнольд И. В. О моделировании семантической структуры слов. — В кн.: Вопросы теории английского и немецкого языков. Вологда, 1969.
14. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка, Л., 1973.
15. Арнольд И. В. Интерпретация художественного текста: типы выдвигания и проблема экспрессивности. — В кн.: Экспрессивные средства языка. Л., 1975.
16. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1975.
17. Астафьева И. М. Виды синтаксических повторов, их природа и стилистическое использование. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1964.
18. Афанасьев П. А. Выражение подтверждения и отрицания в ответных репликах в современном английском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.
19. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
20. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
21. Бархударов Л. С. Проблемы синтаксиса простого предложения современного английского языка. Дис. ... докт. филол. наук. М., 1964.
22. Бархударов Л. С. О поверхностном и глубинном синтаксисе. — ИЯШ, 1974, № 1.
23. Бархударов Л. С. Проблема предложения в трактовке различных грамматических направлений. — ВЯ, 1976, № 3.
24. Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа. — В кн.: Новое в лингвистике. М., 1968, вып. 4.
25. Берлизон С. Б. Некоторые средства выражения эмоциональности в лексике и фразеологии английской разговорной речи. — В кн.: Материалы межвуз. науч. конф. по вопросам романо-германского языкознания. Пятигорск, 1967.
26. Берлизон С. Б. Экспрессивная лексика в современной английской

- разговорной речи. — В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1968.
27. Берлизон С. Б. Эмоциональное значение — особый компонент смысловой структуры слова (фразеологической единицы ФЕ). — В кн.: Вопросы описания лексико-семантической системы языка. М., 1971.
28. Берлизон С. Б. Стилистический аспект значения (стилистическое значение) фразеологических единиц и методы его исследования. — В кн.: Проблемы семасиологии и лингвостилистики. Рязань, 1975.
29. Берлизон С. Б. Проблема стилистической переориентации слов и фразеологических единиц на материале современного английского языка. — В кн.: Актуальные вопросы английской филологии. Рязань, 1976.
30. Беркаш Г. В. Логико-грамматическая природа вопроса и ее реализация в вопросно-ответных структурах английской диалогической речи. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1969.
31. Беркнер С. С. Некоторые явления взаимосвязи реплик английской диалогической речи. Дис. ... канд. филол. наук. Москва — Ульяновск, 1959.
32. Блох М. Я. Факультативные позиции и нулевые формы в парадигматическом синтаксисе. — В кн.: Проблемы синтаксиса английского языка. М., 1970.
33. Блох М. Я. Об информативной и семантической ценности языковых элементов. — Учен. зап. Московского пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1971, т. 473.
34. Блох М. Я. Коммуникативные типы предложений в аспекте актуального членения. — ИЯШ, 1976, № 5.
35. Блох М. Я. Типы коммуникации и актуальное членение предложения в разговорной речи. — В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1976.
36. Боброва Е. Я. Неполносоставные ответы на местоименный вопрос в английской диалогической речи. — Учен. зап. МОПИ, 1969, т. 234.
37. Боброва Е. Я., Гуляев Ю. А., Смирнова К. В., Хлебникова И. Б. Основные структурные особенности английской диалогической речи. — Учен. зап. МОПИ, 1970, т. 264.
38. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977.
39. Будагов Р. А. К вопросу о языковых стилях. — ВЯ, 1954, № 3.
40. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1967.
41. Вайгла Э. А. О понятии «эмоциональной лексики». — Учен. зап. Тартусского ун-та, 1968, вып. 219.
42. Валимова Г. В. Об основных типах ответных предложений диалогической речи. — Учен. зап. Ростовского пед. ин-та, 1955.
43. Ван Дейк Т. А. Вопросы прагматики текста. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978.
44. Ванников Ю. В. О некоторых актуальных проблемах семантики. — В кн.: Проблемы семантики. М., 1974.
45. Вардуть И. Ф. О двух синтаксических уровнях. — В кн.: Исследования по японскому языку. М., 1967.
46. Вардуть И. Ф. К вопросу о явлении эллипса. — В кн.: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969.
47. Васильева И. Б. Предложения типа Yes, I do в английском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1965.
48. Вейхман Г. А. Синтаксическое единство в современном английском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1963.
49. Виноградов В. В. Статистика, теория поэтической речи, поэтика. М., 1963.

50. Виноградов В. В. Всегда ли система системна? — В кн.: Система и уровни языка. М., 1969.
51. Винокур Г. И. «Горе от ума» как памятник русской художественной речи. — Учен. зап. МГУ, 1948, вып. 128.
52. Винокур Т. Г. О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1953.
53. Гак В. Г. Коммуникативные трансформации и системность средств логического выделения во французском языке. — НДВШ ФН, 1975, № 5.
54. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке. — В кн.: Сборник статей по языкознанию, посвященный акад. В. В. Виноградову. М., 1958.
55. Гальперин И. Р. Речевые стили и стилистические средства. — ВЯ, 1954, № 4.
56. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.
57. Гальперин И. Р. К проблеме дифференциации стилей речи. — В кн.: Проблемы современной филологии. М., 1965.
58. Гаркун М. Г. Инверсия сказуемого относительно подлежащего в повествовательном предложении в современном английском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1967.
59. Гаузенблаз К. К характеристике и классификации речевых произведений. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978.
60. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1955.
61. Геннушас А. Г. Свойства и функции повторения. Рига, 1972.
62. Глаголев Н. В. Об основных видах взаимосвязи предложений диалога. — ИЯШ, 1979, № 2.
63. Глаголев Н. В. Языковая экономия и языковая избыточность в синтаксисе разговорной речи. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1967.
64. Гоксадзе Л. С. Об усечении неполнозначных глаголов в разговорном английском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1964.
65. Гоксадзе Л. С. Об особенности употребления неполнозначных глаголов в разговорном английском языке. — В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1966.
66. Гоксадзе Л. С. Избыточность как фактор, обуславливающий изменение сигнала в языке. — В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1968.
67. Гольдман А. А. Опыт исследования стилистических потенций нейтральных слов. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.
68. Гринева Е. Ф. О некоторых особенностях французской разговорной речи. — Вестник МГУ, 1968, № 1.
69. Гузеева К. А. Неполные предложения в современном английском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.
70. Гузеева К. А. Принципы выделения неполных предложений. — В кн.: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975.
71. Гузеева К. А. Еще раз о неполном предложении. — В кн.: Грамматика английского и немецкого языков. Л., 1976.
72. Гуляев Ю. А. Неполносоставные вопросительные предложения в английской разговорной речи. — Учен. зап. МОПИ, 1969, т. 234.
73. Гулыга Е. В. Функционирование придаточных предложений в качестве самостоятельных. — НДВШ ФН. 1960, № 4.
74. Гулыга Е. В. О семантике предложения. — В кн.: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975.

75. Гусев Н. М. К вопросу о неполных предложениях в английском языке.— Учен. зап. ЛГУ, 1962. № 262.
76. Данилова И. В. О видах инверсии.— Учен. зап. ЛГПИ, 1965, т. 261.
77. Девкин В. Д. Особенности немецкой разговорной речи. М., 1965.
78. Девкин В. Д. Проблемы немецкой разговорной речи (лексика и синтаксис). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1974.
79. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь. М., 1979.
80. Денисова В. С. Предложения с начальным *it* в современном английском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1962.
81. Джаббаров А. К. Бессюжные сложноподчиненные предложения с придаточным дополнительным в современном английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.
82. Додучава Р. Е. Структура неполносоставных предложений английской диалогической речи. Дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1966.
83. Долинин К. А. О некоторых основных понятиях лингвистической стилистики.— В кн.: Проблемы лингвистической стилистики. М., 1969.
84. Долинин К. А. О некоторых понятиях лингвистической стилистики. Функциональные стили, стилистика речи, стилистика языка.— В кн.: Сборник научных трудов I МГПИИЯ, 1973, вып. 73.
85. Дыная И. Г. Сложные предложения с придаточным подлежащим в современном английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.
86. Егоров В. Ф. Конструкции разговорной речи в системе форм предложения.— В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1974.
87. Ежов В. Л. К классификации ответных реплик современной английской диалогической речи.— В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1968.
88. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1965.
89. Жигадло В. Н., Иванова И. П., Иофик Л. Л. Современный английский язык. М., 1956.
90. Заварин А. А. Трансформационный потенциал постпозитивных атрибутов.— В кн.: Синтаксические исследования по английскому языку. М., 1971.
91. Зайцева Л. П. Типы бессюжных сложных предложений в современном английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1955.
92. Звегинцев В. А. Предисловие к кн. Н. Хомского «Аспекты теории синтаксиса». М., 1972.
93. Звегинцев В. А. Экспрессивно-эмоциональные элементы и значение слова.— Вестник МГУ, 1955, № 1.
94. Земская Е. А. Русская разговорная речь. М., 1969.
95. Зотов Ю. П. Деформация сказуемого в английской разговорной речи.— В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1976.
96. Иванчикова Е. А. О структурной факультативности и структурной обязательности в синтаксисе.— ВЯ, 1965, № 5.
97. Изинг Г. Проблемы типологии языковых подсистем.— ВЯ, 1970, № 6.
98. Инфантова Г. Г. Очерки по синтаксису современной русской разговорной речи. Ростов н/Д, 1973.
99. Иофик Л. Л. Сложное предложение в новоанглийском языке. Л., 1968.
100. Иртеньева Н. Ф. О глубинных синтаксических связях в пред-

- ложении в английском языке.— Учен. зап. Московского пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1971, т. 216.
101. Ишо Л. Г. Бессюжные сложные предложения с определительной частью в современном английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972.
102. Киселева Л. А. Некоторые проблемы изучения эмоционально-оценочной лексики современного русского языка.— Учен. зап. ЛГПИ, 1961, т. 281.
103. Князев Б. А. Стилистические особенности употребления лексико-фразеологических выразительных средств в современной английской разговорной речи. Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1963.
104. Князев Б. А. К вопросу об определении понятия «разговорная речь».— В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1966.
105. Кобленц Т. М. Место прямого дополнения к глагольному сказуемому в современном английском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1946.
106. Кобринна Н. А. Синтаксические средства связи между самостоятельными предложениями в современном английском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1962.
107. Коваленко В. Е. Роль именных компонентов в развитии предикативной сущности простого предложения современного английского языка. Дис. ... докт. филол. наук. Киев, 1969.
108. Ковтунова И. И. О синтаксической синонимии.— В кн.: Вопросы культуры речи. М., 1966.
109. Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь, 1968.
110. Кожина М. Н. О речевой системности функционального стиля.— В кн.: Сборник научных трудов I МГПИИЯ, 1973, вып. 73.
111. Колшанский Г. В. Проблемы логического анализа структуры языка. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1964.
112. Колшанский Г. В. Лингвистические основы анализа языкового стиля.— В кн.: Проблемы лингвистической стилистики. М., 1969.
113. Колшанский Г. В. О природе контекста.— ВЯ, 1969, № 4.
114. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.
115. Крылова О. А. Понятие многоярусности актуального членения и некоторые синтаксические категории.— НДВШ ФН, 1970, № 5.
116. Кухаренко В. А. Виды повторов и их стилистическое использование в произведениях Ч. Диккенса. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955.
117. Лаптева О. А. Некоторые понятия теории актуального членения применительно к высказываниям в разговорной речи.— НДВШ ФН, 1973, № 6.
118. Лаптева О. А. О влиянии функционального расслоения литературного языка на его грамматику.— В кн.: Синтаксис и стилистика. М., 1976.
119. Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
120. Левин В. Д. О некоторых вопросах стилистики.— ВЯ, 1964, № 5.
121. Левинский В. В. Синонимы в языке и речи.— ИЯШ, 1959, № 1.
122. Леонтьев А. А. Понятие «стиль речи» и «стиль языка» в ряду других понятий лингвистической речи.— В кн.: Сборник научных трудов I МГПИИЯ, 1973.
123. Лесский Г. А. О дифференциации стилей и о функции языка в художественном тексте.— В кн.: Проблемы лингвистической стилистики. М., 1969.

124. Литвищенко Г. С. Одноядерные эмотивные предложения в современном английском языке. Л., 1972.
125. Локшина Ф. В. Восклицательные предложения в современном английском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1962.
126. Ломтев Т. П. О методах объективного анализа грамматических средств языка.— Вестник МГУ. Филология, 1957, № 2.
127. Ломтев Т. П. Основы синтаксиса современного русского языка. М., 1958.
128. Майлибаева Л. И. О некоторых признаках английского публицистического стиля (на материале парламентских речей и эссе 18—19 веков). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1968.
129. Мальцев В. А. К вопросу о выявлении эмоциональной лексики в английском языке.— В кн.: Вопросы лексикологии и грамматики иностранных языков. Минск., 1963.
130. Мальцев В. А. Параллелизм, его взаимосвязь с повтором и роль в организации художественного текста.— В кн.: Романское и германское языкознание. Минск, 1976.
131. Мальчевская А. М. Некоторые языковые средства выражения связи между предложениями. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1964.
132. Матезиус В. О системном грамматическом анализе.— В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
133. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения. — Там же.
134. Матулите А. Ю. Типы и функционирование синонимичных повторов. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.
135. Маулер Ф. И. Конструкции shall/will + инфинитив в современном английском языке (нефутуральное значение). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1968.
136. Медникова Э. М. Оценочные прилагательные в современном английском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.
137. Мельничук А. С. Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма.— ВЯ, 1970, № 1.
138. Милых М. К. Синтаксические особенности прямой речи в художественной прозе. Харьков, 1956.
139. Митрофанова Н. П. Некоторые структурные особенности английской устной речи и выделение грамматического стержня в разговорных темах.— Учен. зап. ЛГПИ, 1958, т. 151.
140. Михайлов Л. М. О некоторых типах односоставных ответных предложений в немецкой диалогической речи.— В кн.: Вопросы синтаксиса и лексикологии немецкого языка. М., 1964.
141. Михайлов М. М. Стилистика русской речи. Чебоксары, 1968.
142. Михайловская В. Н. Некоторые лексические средства выражения эмоциональности в современном английском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1966.
143. Михлина М. Л. Из наблюдений над синтаксисом диалогической речи. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1955.
144. Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1974.
145. Мороховская Э. Я. Конструкции типа it is (was) he who в английском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1966.
146. Мороховский А. Н. Экспликация некоторых исходных понятий стилистики в терминах структурной лингвистики.— В кн.: Проблемы лингвистической стилистики. М., 1969.
147. Мухин А. М. Структура предложений и их модели. Л., 1968.

148. Мухин А. М. К проблеме содержания и формы в лингвистике.— В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
149. Мухин А. М. Лингвистический анализ. Л., 1976.
150. Намталишвили И. И. О некоторых эмоциональных конструкциях современного английского языка.— Дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1971.
151. Нестерова Л. П. О некоторых коммуникативных видах обособленных конструкций в немецком языке.— В кн.: Вопросы немецкой филологии. М., 1971.
152. Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы.— В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978.
153. Осипов Ю. М. Об уточнении понятия «эмоциональность» как лингвистического термина.— Учен. зап. Московского пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1970, т. 422.
154. Павлова Н. М. Эмоциональное значение в лексико-графическом отражении на материале английского языка. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.
155. Петрашевская Ж. Е. Парцелляция простого предложения в современном английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.
156. Попова И. А. Неполные предложения в современном русском языке.— Тр. Института языкознания АН СССР, 1953, т. 11.
157. Поспелов Н. С. Сложное синтаксическое целое и особенности его структуры.— В кн.: Доклады и сообщения института русского языка. М.—Л., 1948.
158. Придильникова Г. Г. Некоторые наблюдения над эмоционально-экспрессивными средствами диалогической речи в английском языке.— Учен. зап. Куйбышевского пед. ин-та, 1963, вып. 43
159. Пумпянский А. Л. Логико-грамматическое членение предложения.— ВЯ, 1972, № 2.
160. Разинкина Н. М. Стилистика английской научной речи. М., 1972.
161. Райхштейн А. Д. Немецкие идиоматические фразы.— ИЯШ, 1969, № 4.
162. Распопов И. П. Актуальное членение и коммуникативно-синтаксические типы повествовательных предложений в русском языке. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1964.
163. Рахманов И. В. Стилистическая характеристика немецкой лексики.— ИЯШ, 1959, № 2.
164. Реунова О. И. Эллиптические предложения в современном английском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1968.
165. Ризель Э. Г. Полярные стилевые черты и их языковое воплощение.— ИЯШ, 1961, № 3.
166. Ризель Э. Г. Существует ли стиль обиходной речи? — ИЯ в высшей школе, 1962, вып. 1.
167. Ризель Э. Г. Структурные тенденции в синтаксисе современного немецкого языка.— В кн.: Лингвистика и методика в высшей школе. М., 1967.
168. Ряднова Т. С. Сложные синтаксические конструкции в английской художественной литературе XVIII века. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1962.
169. Седов В. В. Некоторые особенности диалогической речи (на материале драматургии О. Бальзака).— Учен. зап. ЛГУ, 1961, вып. 56.
170. Семейко А. М. Сквозной повтор и его лингвистические особенности на материале английского языка.— В кн.: Вопросы романо-германской филологии, М., 1971.

171. Сиротинина О. Б. Современная русская разговорная речь и ее особенности. М., 1971.
172. Скребнев Ю. М. Типичные конструкции синтаксиса английской разговорной речи. Уфа, 1962.
173. Скребнев Ю. М. Стилистическая структура языка (к общей теории стилистики).—Учен. зап. Горьковского ПИИЯ, 1967, вып. 34.
174. Скребнев Ю. М. Подъязык, стиль и текст.—В кн.: Проблемы лингвистической стилистики. М., 1969.
175. Скребнев Ю. М. Общелингвистические проблемы описания синтаксиса разговорной речи. Дис. ... докт. филол. наук. Горький, 1971.
176. Скребнев Ю. М. Некоторые понятия стилистики в свете дихотомии «язык—речь».—В кн.: Сборник научных трудов I МГПИИЯ, 1973, вып. 73.
177. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975.
178. Сметанна С. А. О трансформационном потенциале герундиальной фразы в функции определения.—В кн.: Синтаксические исследования по английскому языку. М., 1971.
179. Смирнова Н. Ф. Дистантное положение синтаксически связанных элементов в предложении в современном английском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1966.
180. Снегирева Т. А. О некоторых типах стабилизированных усложненных конструкций в английской разговорной речи.—Учен. зап. Горьковского ПИИЯ, 1968, вып. 39.
181. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1971.
182. Солнцев В. М. Относительно концепции «глубинной структуры».—ВЯ, 1976, № 5.
183. Соломарская Е. А. Конструктивные особенности французской разговорной речи. Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1970.
184. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1933.
185. Старикова Е. Н. Проблема имплицитной номинации в современном английском языке. Дис. ... докт. филол. наук. Киев, 1976.
186. Степаненко Л. Г. Стилистическое значение и стилистическая значимость падежа в современном немецком языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.
187. Степанова М. Д. Грамматическое моделирование.—ИЯШ, 1963, № 3.
188. Стрельцов В. Н. Парцелляция в структуре сложноподчиненного предложения в современном английском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.
189. Ступакова Л. И. О характере связи между частями парцелированной конструкции.—ИЯШ, 1972, № 3.
190. Сусов И. П. Семантическая структура предложения. Тула, 1975.
191. Сыроваткин С. Н. Редуцированные формы личных глаголов в разговорном английском языке.—В кн.: Вопросы английской филологии. Пятигорск, 1966.
192. Тарасов Е. Ф. Вопросы описания и интерпретации функциональных стилей. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964.
193. Трофимова Э. А. Приемы выражения взаимосвязи реплик диалогической речи. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1964.
194. Трофимова Э. А. Грамматические средства выражения синтаксической взаимосвязи в синтаксических и диалогических единствах в современном английском языке.—В кн.: Проблемы синтаксиса, лексикологии и методики преподавания иностранных языков. Ростов н/Д, 1966.

195. Трофимова Э. А. Структурные особенности английской разговорной речи. Ростов н/Д, 1972.
196. Трофимова Э. А. Использование экспрессивных структур, характеризующихся T топ, в английской диалогической и несобственной прямой речи в стилистических целях.— В кн.: Очерки по стилистике. Ростов н/Д, 1975.
197. Уварова Т. К. К вопросу об инверсии в английском языке.— В кн.: Вопросы лексикологии и грамматики иностранных языков. Минск, 1963.
198. Федоров А. В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. М., 1971.
199. Фирбас Я. Функция вопроса в процессе коммуникации.— ВЯ, 1972, № 2.
200. Фролова Т. В. Эмфатический порядок слов в предложении в произведениях Дж. Голсуорси.— В кн.: Исследования по синтаксису английского языка. М., 1961.
201. Хомский Н. Синтаксические структуры.— В кн.: Новое в лингвистике. М., 1962.
202. Чахоян Л. П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка. М., 1979.
203. Чернышева И. И. Проблема языка и речи в стилистике.— В кн.: Проблемы лингвистической стилистики. М., 1969.
204. Чувакин А. А. О структурной классификации неполных предложений.— НДВШ ФН, 1974, № 3.
205. Шайкевич А. Я. Опыт статистического выделения функциональных стилей.— ВЯ, 1968, № 1.
206. Шаховский В. И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантической категории лингвистики.— В кн.: Проблемы семаснологии и лингвистической стилистики. Рязань, 1975.
207. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Дис. ... докт. филол. наук. М., 1960.
208. Шведова Н. Ю. Об основных синтаксических единицах и аспектах их изучения.— В кн.: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975.
209. Шендельс Е. И. Грамматическая синонимия. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1964.
210. Шехтман Н. А. О семантическом повторе.— В кн.: Стилистика романо-германских языков. Л., 1972.
211. Шигаревская Н. А. Синтаксис современной французской разговорной речи (простое предложение). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1971.
212. Шигаревская Н. А. Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи. Л., 1970.
213. Шишканова М. И. Морфологические особенности разговорного стиля современного английского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1956.
214. Шубина В. П. К вопросу о способах реализации эмоциональности в речи.— В кн.: Вопросы изучения романо-германских языков. Челябинск, 1969.
215. Щерба Л. В. Современный русский литературный язык.— РЯШ, 1939, № 4.
216. Щерба Л. В. Современный русский литературный язык.— В кн.: Избранные работы по русскому языку. М., 1967.

217. Юдина Н. Е. К вопросу об эмоциональных конструкциях в составе диалогических единств. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1964.
218. Юхт В. Л. Неполные предложения в современном английском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1964.
219. Яриатовская В. Е. Взаимодействие морфологических категорий и лексико-стилистическая характеристика существительных в немецком языке. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1970.
220. Ярцева В. Н. О грамматических синонимах.— В кн.: Романо-германская филология. М., 1957.
221. Ятель Г. П. Аргументная экспрессивность предложных словосочетаний современного английского языка.— В кн.: Вопросы описания лексико-семантической системы языка. М., 1971.
222. Ball J. Conversational English. London — New — York — Toronto, 1954.
223. Bally Ch. Traite de stylistique française. Paris, 1969.
224. Barber Ch. Linguistic Change in Present-Day English. Edinburgh-London, 1964.
225. Basker A. Some Aspects of the Study of English Syntax.— Neophilologus Gronigen, 1947, January, 1.
226. Birk N. P. and Birk J. P. Understanding and Using English. N. Y., 1959.
227. Bodolenski C. A. English Studies, 1943, vol. 15.
228. Bowman E. The Minor and Fragmentary Sentences of a Corpus of Spoken English. Bloomington, 1966.
229. Brunot F. La pensée et la langue. Paris, 1933.
230. Bryant M. Modern English and its Heritage. N. Y., 1962.
230. Chafe W. L. Meaning and the Structure of Language. Chicago, 1970.
232. Charleston B. M. Studies on the Emotional and Affective Means of Expression in Modern English. Bern, 1960.
233. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge, 1965.
234. Cohen M. Regards sur la langue française, Paris, 1950.
235. Collinson W. E. The German Language today. L., 1953.
236. Danes F. A three — level Approach to Syntax.— TLP, 1964, 1.
237. Dauzat A. Grammaire raisonnée de la langue française. Lyon, 1947.
238. Deutchbein M. Neuenglische Stilistik. Leipzig, 1962.
239. Enquist N. E. On Defining Style.— In: Linguistic and Style. Oxford, 1964.
240. Erdmann K. Die Bedeutung des Wortes, Leipzig, 1900.
241. Faulseit D., Kühn J. Stilistische Mittel und Möglichkeiten der deutschen Sprache. Leipzig, 1969.
242. Fernald J. C. Expressive English. N. Y., 1918.
243. Fillmore Ch. J. The Case for Case. Universals in Linguistic Theory. L., 1968.
244. Fischer M., Haquard G. La découverte de la grammaire française. Paris, 1959.
245. Fleischer W., Michel G. Stilistik der deutschen Gegenwärtssprache. Leipzig, 1975.
246. Foster B. The Changing English Language. N. Y., 1969.
247. Fowler H. W., Fowler T. G. The King's English. Oxford, 1962.
248. Francis W. N. Revolution in Grammar.— In: Perspectives in Language. N. Y., 1958.
249. Francis W. N. The Structure of American English. N. Y., 1958.
250. Fries Ch. C. An Introduction to the Construction of English Sentences. N. Y., 1952.

251. Galperin I. R. *Stylistics*. M., 1975.
252. Ganshina M. and Vasilevskaya N. *English Grammar*. M., 1951.
253. Georquin R. *Difficultes et finesses de notre langue*. Paris, 1952.
254. Gossen G. Ch. *Studies zu syntaktischen und stilistischen Hervorhebung in modernen Italienisch*. Berlin. — Akademie Verlag, 1954, vol. 5, N 3.
255. Grevisse M. *Le bon usage Grammaire française avec des remarques sur langue française d'aujourd'hui*. Paris, 1959.
256. Guiraud R. *La syntax du française*. Paris, 1959.
257. Harris Z. *Co-occurrence and Transformation in Linguistic Structures*. — *Language*, 1957, vol. 33, N 3.
258. Hartvigson H. H. Jakobsen L. K. *Inversion in Present-Day English*. Odense University Press, 1974.
259. Hill A. *Poetry and Stylistics. Essays in Literary Linguistics*. Austin Texas, 1966.
260. Hockett Ch. *A Course in Modern Linguistics*. N. Y., 1958.
261. Hoyd J. *American English in its Cultural Setting*. N. Y., 1956.
262. James L. *Our Spoken English*. L., 1917.
263. Jespersen O. *Essentials of English Grammar*. L., 1933.
264. Karlesen R. *Studies in the Connection of Clauses in Current English*. A. S. Bergel, 1968.
265. Keller R. *Die Ellipse in der neuenglischen Sprache als Syntaktisch — semantische Problem*. Zurich, 1966.
266. Kennedy A. J. *Current English*. L., 1955.
267. Kenyon J. S. *Cultural Levels and Functional Varieties of English*. In: *Perspectives on Language*. N. Y., 1932.
268. Knopf A. A. *The Future of the English Language*. N. Y., 1964.
269. Kreuzinga E. A. *Handbook of Present-Day English*. L., 1925.
270. Lakoff J. *Linguistics and Natural Logic Syntese*. 1970, vol. 21, N 1, 2.
271. Le Gal E. *Voux pouvez dire, mais dites mieux*. Paris, 1935.
272. Leiland-Longuet. *La langue parlée*. Munchen, 1962.
273. Malmöström J. *Language in Society*. N. Y., 1962.
274. Martinon Ph. *Comment on parle en français*. Paris, 1927.
275. Mc Crawley J. D. *The Role of Semantics in a Grammar*. — In: *Universals in Linguistic Theory*. N. Y., 1968.
276. Mc Knight J. H. *The Evolution of the English Language from Chaucer to the Twentieth Century*. N. Y., 1956.
277. Meyer H. L. *Sprachlichen Mittel der Affektiven Steigerung in Englischen*. Leipzig, 1962.
278. Mist J. *A Structural History of English*. N. Y., 1960.
279. Möller G. *Deutsche von Heute*. Leipzig, 1961.
280. Morris Ch. *Signification and Significance*. The MIT Cambridge — Massachssets, 1969.
281. Möser H. *Mundarten und Hochsprache in nezeitlichen Deutsch*. — *Der Deutschunterricht*, 1962, vol. 2.
282. Mutt O. *Ten Facets of English*. Tartu, 1969.
283. Nosek J. *Pause and Repetition in Modern Colloquial English*. — *Acta Universitatis Carolinae, Philologica*, 1969, vol. 3.
284. Nosek J. *Relative Clauses in Modern English*. — *Philologica Pragensia*, 1960, vol. 3, N 2.
285. Persson J. *Repetition in English*. Uppsala, 1954.
286. Postal P. M. *On the Surface Verb «Remind»*. — In: *Studies in Linguistic Semantics*. N. Y., 1971.

287. Potter S. Changing English. L., 1979.
288. Queneau R. *Bâton, chiffres et lettres*. Paris, 1965.
289. Quirk R. *Colloquial English and Communication*. L., 1962.
290. Quirk R. *The Use of English*. L., 1962.
291. Reis J. *Was ist ein Satz ?* Prag, 1931.
292. Riesel E. G. *Stilistik der deutschen Alltagsrede*. M., 1969.
293. Riesel E. G. *Abriss der deutschen Stilistik*. M., 1969.
294. Robertson B. *The Development of Modern English*. N.Y., 1960.
295. Schlauch M. *The English Language in Modern Times*. L., 1964.
296. Schneider W. *Stilistische Deutsche Grammatik*. Wien, 1959.
297. Schubiger M. — *English Studies*, 1946, vol. 28.
298. Schubiger M. *The Role of Intonation in Spoken English*. Cambridge, 1956.
299. Spitzbardt H. *Lebendiges Englischen stilistisch-syntaktische Mittel der Ausdruckverstärkung*. Halle, 1962.
300. Stanbiewicz E. *Expressive Language*. In: *Style in Language*. The NIT Press, 1964.
301. Stankiewicz E. *Problems of Emotive Language*. — In: *Approaches to Semiotics*. L., 1964.
302. Straumann H. *Newspaper Headlines*. L., 1935.
303. Sturtevant E. H. *Linguistic Change*. Chicago, 1961.
304. Tesnière L. *Eléments de syntaxe structurale*. Paris, 1959.
305. Tufte V. *Grammar as Style*. L., 1971.
306. Ullmann S. *Language and Style*. N.Y., 1964.
307. Vachek J. *The Linguistic School of Prague. An Introduction to the Theory of Practice*. Bloomington — London, 1966.
308. Valins J. H. *Good English*. L., 1931.
309. Vendryes J. *Language. A Linguistic Introduction to History*. London, 1931.
310. Whorf B. L. *A Linguistic Consideration of Thinking in Primitive Communities*. — In: *Language, Thought and Reality*. Cambridge, 1965.
311. Zandvoort R. W. *A Handbook of English Grammar*. London — New York — Toronto, 1958.

1. Ableman P. Greene Julia. L., 1964.
2. Ableman P. Tests. L., 1966.
3. Aldington R. The Very Heaven. L., 1954.
4. Aldington R. Women must work. L., 1960.
5. Alldridge J. The Gentle Arm. L., 1955.
6. Arden J. Serjeant Musgave's Dance. L., 1960.
7. Block T. Flowers for the Living. L., 1949.
8. Bolt R. A Man for all Seasons. L., 1960.
9. Brain J. Room at the Top. M., 1958.
10. Bridie J. Meeting at Night. L., 1953.
11. Chapman H. You won't always on Top. L., 1965.
12. Cronin A. Shannon's Way. N., 1963.
13. Cusack D. Say «No» to Death. M., 1963.
14. Dane C. Eighty in the Shade. L., 1963.
15. Delaney Sh. The Lion in Love. N. Y., 1961.
16. Delaney Sh. A Taste of Honey. L., 1963.
17. Donleavy J. Fairy Tales of New York. N. Y., 1961.
18. Dickens Ch.; A Tale of Two Cities. M., 1974.
19. Dyer Ch. Staircase. N. Y., 1978.
20. Fry Ch. A Yard of Sun. N. Y., 1970.
21. Galsworthy J. The Eldest Son. L., 1948.
22. Galsworthy J. Ten Famous Plays. L., 1949.
23. Galsworthy J. In Chancery. M., 1949.
24. Galsworthy J. The Silver Spoon. M., 1956.
25. Galsworthy J. The White Monkey M., 1957.
26. Galsworthy J. End of the Chapter. M., 1960.
27. Golding W. The Brass Butterfly. L., 1958.
28. Grath J. Events while guarding the Bofors Gun. L., 1966.
29. Greene G. The Complaisant Lover. L., 1959.
30. Greene G. England Made Me. L., 1962.
31. Greene G. The Living Room. L., 1963.
32. Greene G. The Potting Shed. L., 1965.
33. Greene G. Our Man in Havanna. N. Y., 1965.
34. Greene G. The End of the Affair L., 1967.
35. Greene G. Carving a Statue. L., 1967.
36. Greene G. The Quiet American. M., 1968.
37. Hampton Ch. When did you last see my mother? N. Y., 1967.
38. Hilton J. The Lost Horizon. N. Y., 1947.
39. Holt V. The King of the Castle. N. Y., 1956.
40. Huxley A. Point Counter Point. N. Y., 1922.
41. Huxley A. Those Barren Leaves. N. Y., 1934.
42. Lawrence D. Women in Love. N. Y., 1922.
43. Lawrence D. The Virgin and the Gypsy. N. Y., 1930.
44. Laylor R. Summer of the Seventeenth Doll. London — Sydney, 1957.
45. Maugham W. S. The Moon and Sixpence L., 1936.
46. Maugham W. S. Selected Plays. L., 1963.
47. Maugham W. S. Of Human Bondage. L., 1967.
48. Modern English Plays. M., 1966.
49. Mortimer J. The Dock Brief. L., 1954.
50. Mortimer J. I spy. L., 1954.
51. Mortimer J. What shall I tell Caroline? L., 1957.

52. O'Neil E. Anna Christie. L., 1962.
53. Osborne J. A Bond Honoured. L., 1966.
54. Osborne J. Look Back in Anger. M., 1966.
55. Pinter H. The Collection and the Lover. L., 1969.
56. Priestley J. Ever since Paradise. L., 1956.
57. Priestley J. The Linden Tree. London — Toronto, 1948.
58. Priestley J. Bright Shadow. L., 1950.
59. Priestley J. Home is Tomorrow, London — Toronto, 1953.
60. Priestley J. An Inspector Calls. London — Toronto, 1962.
61. Priestley J. People at Sea. L., 1965.
62. Priestley J. I have been here before. L., 1967.
63. Priestley J. Time and the Conways. L., 1969.
64. Rattigan T. The Deep Blue Sea. L., 1969.
65. Rattigan T. Ross. A Dramatic Portrait. N. Y., 1969.
66. Salinger J. Nine Stories. N. Y., 1967.
67. Saroyan W. Rock Wagram. N. Y., 1961.
68. Saunders J. A Scent of Flowers. L., 1965.
69. Shaw B. Four Plays. M., 1962.
70. Stoppard T. The Real Inspector Hound. L., 1968.
71. Storey D. The Restoration of Arnold Mittleton. L., 1967.
72. Voynich L. The Gadfly. M., 1961.
73. Wesker A. The Kitchen. L., 1965.
74. Wesker A. The Four Seasons. L., 1965.
76. Wesker A. Chips with Everything. N. Y., 1967.
76. Wilde O. Lady Windermere's Fan. M., 1961.
77. Willis T. Hot Summer Night. L., 1959.

Замеченные опечатки
в кн.: Э. А. Трофимова
«Синтаксические конструкции
английской разговорной речи»

Строка	Напечатано	Следует читать	По чьей вине допущена опечатка
2 сн.	И. В. Арнольди	И. В. Арнольд	ред.
18 св.	эффективность	аффективность	ред.
6 св.	to teave	to leave	кор.
13 св.	переносы	переспросы	кор.
17 св.	the lidrary	the library	кор.
19 св.	difficalt	difficult	кор.
-15 св.	ремантическая	рематиическая	кор.
7 св.	ремантической	рематиической	кор.
10 св.	you only	you prefer only	кор.
18 св.	heaut	heart	кор.
2, 5—6, 14 св.	субъективной	субъязыковой	авт.
-20 сн.	структурно- предикатные	субъективно- предикатные	авт.
9 сн.	in frod	introd	кор.
20 сн.	celedration	celebration	кор.
16 св.	out it	out of it	кор.
6 сн.	тема-ремантиче- ского	тема-рематииче- ского	кор.
2 сн.	Статистика	Стилистика	кор.

<i>Введение</i>	3
Глава I. Теоретические предпосылки системного анализа синтаксических конструкций английской разговорной речи	6
§ 1. Понятие системного анализа синтаксических конструкций стилистических подсистем языка	6
§ 2. Методика системного анализа синтаксических конструкций английской разговорной речи	16
§ 3. Основные принципы описания разговорной речи в работах советских и зарубежных лингвистов	25
Глава II. Стилистически отмеченные эллиптические конструкции английской разговорной речи	35
§ 1. Понятие о стилистически отмеченных эллиптических конструкциях английской разговорной речи	35
§ 2. Структурные типы специфических конститuentов с эллипсом в простом предложении (единицы с усеченными глагольными формами)	43
§ 3. Структурные типы специфических конститuentов с эллипсом в простом предложении (единицы с опущенным подлежащим, подлежащим и глаголом-связкой и глаголом-связкой)	54
§ 4. Структурные типы специфических конститuentов с эллипсом в сложном предложении (бессоюзные, сложные предложения)	67
§ 5. Структурные типы специфических конститuentов с эллипсом в синтаксическом целом (диалогическое единство)	79
Глава III. Экспрессивные стилистически отмеченные конструкции английской разговорной речи	93
§ 1. Понятие о стилистической отмеченности, экспрессивности, эмоциональности	93
§ 2. Основные модели выражения экспрессивности в английской разговорной речи	98
§ 3. Парадигматический план изучения моделей выражения экспрессивности в английской разговорной речи	105
§ 4. Синтагматический план изучения моделей выражения экспрессивности в английской разговорной речи	118
<i>Заключение</i>	140
<i>Литература</i>	145
<i>Использованные тексты</i>	157

Элла Алексеевна Трофимова

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ
АНГЛИЙСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ**

Редактор *Г. И. Дормадехина*

Технический редактор *Т. М. Кислова*

Корректор *З. Р. Кончанина*

Обложка *Н. Н. Демидова*

ИБ № 349

Изд. № 11/1328. Сданс в набор 09.03.81. Подписано в печать 22.06.81. ПК 11368. Формат 60x84/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Физ. п. л. 10. Усл. п. л. 9,30. Уч. изд. л. 10,4. Тираж 600. Заказ № 82. Цена 1 р. 35 к.

Издательство Ростовского университета, 344006, Ростов-на-Дону, Пушкинская, 160.

Типография им. М. И. Калинина Ростовского областного управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 344081, Ростов-на-Дону, 1-я Советская, 57.